

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

№ 1 (51) 2017

Периодическое научное издание

Учреждено в 1915 г.

Возобновлено в 2004 г.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия Российской Федерации (*Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 10. 11. 2004 г. ПИ № ФС77-18838*).

**Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте**

в сотрудничестве с Межрегиональной
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
общественной организацией
Вольного экономического общества России

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (Решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 2 февраля 2012 года № 8/13).

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» и размещается на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук, профессор;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд. экон. наук;
Д. Л. Драндин, канд. экон. наук.

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте работает под научно-методическим руководством Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР — С. Д. Бодрунов
Научный руководитель ИНИР — Р. С. Гринберг

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается с письменного разрешения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое возрождение России» обязательна.

Электронная версия журнала e-v-r.ru

Адрес редакции:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, E-mail: evr@inir.ru

Подписано к печати 17.03.2017 г.
Формат 84 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печ. л. 11,38. Усл. печ. л. 19,11.
Тираж 2000 экз. Заказ 63.
Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, д. 12
© Экономическое возрождение России, 2017

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. В. Ивантер, д-р экон. наук, профессор, академик РАН, председатель научно-редакционного совета;
А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;
Р. М. Георгиев, д-р экон. наук, профессор (Болгария);
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Некипелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
П. Нолан, профессор Кембриджского университета (Великобритания);
Л. Васа, д-р экон. наук (Венгрия);
В. В. Окрепилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Г. Х. Попов, д-р экон. наук, профессор;
В. Реген, д-р экон. наук, профессор, иностранный член РААСН (Германия);
З. А. Самедзаде, д-р экон. наук, профессор, академик НАН Азербайджана;
Ж.-Л. Трюэль, профессор Университета Париж-12 (Франция)

MEMBERS OF THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

V. V. Ivanter, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences, Chairman of the scientific editorial board;
A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
R. M. Georgiev, Doctor of Economics, Professor (Bulgaria);
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
P. Nolan, Professor of University of Cambridge (Great Britain);
L. Vasa, Doctor of Economics (Hungary);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
G. Kh. Popov, Doctor of Economics, Professor;
V. Regen, Doctor of Economics, Professor, foreign member of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (Germany);
Z. A. Samedzade, Doctor of Economics, Professor, academician of National Academy of Sciences of Azerbaijan;
J.-L. Truel, Professor of University of Paris-12 (France)

CONTENTS

Foreword from the editor-in-chief

<i>Bodrunov S. D.</i> Transition to the new industrial society of the second generation: the general cultural aspect	4
--	---

On the way to revival

<i>Bodrunov S. D.</i> Some aspects of Eurasian integration and new industrialization processes in Russia	12
<i>Grinberg R. S.</i> Global and Russian economies: trends, opportunities, risks	17
<i>Lenchuk E. B.</i> The formation of human resources potential for the innovation economy	22

Problems of economic development

<i>Khubiev K. A.</i> State involvement in economic development and new industrialization	27
<i>Bukhvald E. M.</i> Will the cart move before the horse?	39
<i>Truel J.-L., Rassadina A. K.</i> French Planning Experience in the Context of the Problem of Russian Modernization	51
<i>Tolkachev S. A., Tepliakov A. Y.</i> Global added value chains and national industrial competence	63
<i>Dyachenko O. V.</i> Issues with selecting industrial policy priorities	82

Business economics and innovation

<i>Sirotkin V. B.</i> Building public trust: resisting the spread of simulacra	96
<i>Babayev A. P.</i> Interrelation of material production and social sphere in the total national package of reproduction process.....	110
<i>Tenyakov I. M.</i> Estimates of Losses for Economic Growth in the Former Transition Economies.....	119
<i>Maslov G. A.</i> Postindustrial society theories: historical reasons and methodological contradictions.....	132
<i>Gadzhieva A. G.</i> The place of service sector in the social-economic development concepts of XX–XXI centuries	141

Reviews

<i>Zotova E. S.</i> Political Economy: Development of the Theory and a Possibility of Use in Economic Policy.....	159
<i>Ryazanov V. T.</i> Neoindustrialism and Russian economic development strategy	166

Abstracts	175
------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главного редактора	
<i>Бодрунов С. Д.</i> Переход к новому индустриальному обществу второго поколения: общекультурное измерение.....	4
По пути к возрождению	
<i>Бодрунов С. Д.</i> Некоторые аспекты евразийской интеграции и процессы новой индустриализации России	12
<i>Гринберг Р. С.</i> Экономика мира и России: тренды, шансы, риски	17
<i>Ленчук Е. Б.</i> Формирование кадрового потенциала для инновационной экономики	22
Проблемы развития экономики	
<i>Хубиев К. А.</i> Государственный фактор экономического развития и новой индустриализации.....	27
<i>Бухвальд Е. М.</i> Поедет ли телега впереди лошади?.....	39
<i>Трюэль Ж.-Л., Рассадина А. К.</i> Опыт французского планирования в контексте задачи модернизации российской экономики	51
<i>Толкачев С. А., Тепляков А. Ю.</i> Глобальные цепочки стоимости и национальная промышленная компетентность.....	63
<i>Дьяченко О. В.</i> Проблемы выбора приоритетов промышленной политики	82
Экономика предпринимательства и инновации	
<i>Сироткин В. Б.</i> Укрепление доверия в обществе: сопротивление распространению симулякров	96
<i>Бабаев А. П.</i> Материальное производство и сфера услуг в современной экономике.....	110
<i>Теняков И. М.</i> Оценка потерь экономического роста в странах, перешедших к рынку.....	119
<i>Маслов Г. А.</i> Теории постиндустриального общества: историческая обусловленность и методологические противоречия.....	132
<i>Гаджиева А. Г.</i> Место сферы услуг в концепциях социально-экономического развития XX–XXI вв.....	141
Рецензии	
<i>Зотова Е. С.</i> Политическая экономия: развитие теории и возможность использования в экономической политике.....	159
<i>Рязанов В. Т.</i> Неоиндустриализм и стратегия экономического развития России	166
Рефераты	175

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

*С. Д. Бодрунов*¹

ПЕРЕХОД К НОВОМУ ИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ: ОБЩЕКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Материальное производство, составляющее основу воспроизводства человека и общества, в общекультурном аспекте обычно трактуется лишь как способ создания материальной культуры. Однако реальная роль материального производства в формировании человеческой культуры значительно шире. Именно в процессе материального производства человек воспроизводит себя во всем богатстве своих общественных качеств. Что же в содержании материального производства определяет его значимость в формировании, существовании и развитии человека?

Анализ процесса производства материального продукта с точки зрения структурного подхода показывает, что все четыре компонента производства (материалы, технология, процесс труда, организация производства), как и его результат (продукт), имеют одинаковую структуру. В структуре продукта можно выделить: а) материально-вещественную часть и б) содержащееся в нем («опредмеченное») человеческое знание. То же самое можно сказать и о технологии, и о труде, и об организации производства [10, с. 10, 19]. С развитием человеческого общества происходит относительное сокращение удельного веса материально-вещественной компоненты производства и возрастание доли знания, применяемого и «опредмечиваемого» в этом процессе [8].

Удовлетворить возрастающие потребности человека невозможно без использования технологий, основанных на знаниях. Более того, осознание и четкая формулировка своих потребностей возможны только при опоре на полученные знания. В то же время новые знания позволяют открывать, формировать и удовлетворять новые потребности. Уже на этом этапе рассуждений понятно: 1) что материальное производство нельзя сводить к созданию образцов материальной культуры; 2) что знания, применяемые в этом процессе, оказывают огромное влияние на характер общественной жизни.

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор.

Лишь человеку присуща уникальная способность открывать во внешнем предметном мире и формулировать свойства, законы и закономерности явлений. И только человек способен применять полученные знания для преобразования внешнего мира, определяя с их помощью подходящие предметы (материалы), создавая способы такого преобразования (технологии) и формулируя его цели – создание продуктов производства, удовлетворяющих человеческие потребности. Без знаний невозможно не только создать нечто новое, не существующее в природе (выступая как творец), но даже и скопировать что-то, поскольку само возникновение идеи скопировать что-либо уже есть творческий акт.

Такой колоссальный по общественной значимости сдвиг в человеческой истории, как переход к производству прибавочного продукта, не мог бы произойти: 1) без наличия знания о том, каким способом можно произвести добавочное количество продукта; 2) без осознания того, что этот добавочный продукт либо новые (вновь узнаваемые, «добавочные») свойства могут потребоваться для расширения круга удовлетворяемых потребностей; 3) без осознания самих этих новых потребностей.

Итак, человек несет в себе способность осознания мира, способность осознавать свои потребности и узнавать способы их удовлетворения.

Высокотехнологичное производство приводит к растущему обороту знаний – в виде обмена научно-технологической информацией, а также продуктами, в которых воплощены, имплементированы, «опредмечены» соответствующие знания. Особенность оборота знания как производственного ресурса заключается в его неуничтожимости в процессе потребления (а нередко даже в его приращении в процессе использования) при относительно низких издержках на обработку/копирование информации, несущей это знание, по сравнению с затратами на его первоначальное продуцирование.

Свободное обращение знаний – это наиболее эффективный способ их движения в современном производстве. Что же касается защиты интеллектуальной собственности [1, с. 4; 5, с. 4–7], т. е. создания искусственных барьеров на пути распространения знаний, то при современном общественном институциональном устройстве это оправданно лишь как способ обеспечить экономическую реализацию затрат на получение новых знаний (пока другие способы реализации не стали преобладающими), а также защиту коммерческой и государственной тайны.

Современное индустриальное производство характеризуется постоянным ростом знаний, нацеленных на технологическое применение; постоянно растущим темпом технологических инноваций; ускорением их передачи в производство. Без высокотехнологичной модернизации экономики, обеспечивающей ее реиндустриализацию на качественно новой основе [6, с. 10] (в том числе за счет импортозамещения [7]); без резкого ускорения инновационных процессов [3, с. 39–41]; без восстановления интеграции производства, науки и образования [4, с. 35, 38–40] нас ждет роль периферии, околицы цивилизованного мира, обреченной добывать материальные блага, используя чужие технологии, и подносить эти блага на блюдечке технологическим монополистам.

Как не допустить такой участи?

Перспектива цивилизационного развития – неизбежный переход к новому индустриальному обществу второго поколения [11, с. 18]. За счет чего НИО.2 может обеспечить преодоление сложившихся проблем? Переход к НИО.2 опирается на объективную тенденцию к качественно новому уровню знаниеемкости производства и его продукта. Обобщенно говоря, продукт становится менее материалоемким, трудо- и капиталоемким,

но при этом резко расширяются возможности удовлетворения многообразных потребностей людей за счет синергетического, ускоряющегося «взаимодействия» различных знаний, содержащихся в этом продукте, и основанных на них разнообразных технологий. Одновременно (при сохранении индустриального типа производства для массового удовлетворения потребностей) формируется база для «настройки» такого продукта на индивидуальные запросы потребителя (по типу продукта, его характеристикам, качеству, даже темпам доставки) [9, с.11–12].

Отметим, что применяемый нами подход ставит под сомнение оценку удовлетворения потребностей исходя из объемов производства (как принято в традиционных схемах экономического анализа эффективности развития народного хозяйства), измеряемых, к примеру, в показателях валового внутреннего продукта. Разумеется, от количественных оценок совсем уйти нельзя, но представляется, что измерять надо не обезличенные «валовые» потоки благ, а давать количественную оценку новых «качеств» в удовлетворении потребностей; в создании новых («невозможных» ранее) свойств продуктов; в формировании новых технологических платформ (к примеру, позволяющих обеспечить форсированный перевод экономики на перспективный технологический уклад на основе нано-, био-, инфо-, когнитивных и аддитивных технологий), базовых комплексов индустриального производства, техноэкосистем, новых способов промышленной кооперации; парадигм научных исследований, образования и воспитания, также базирующихся на новых технологических парадигмах.

Опираясь на революционные достижения в технологии и организации производства, можно создать предпосылки для принципиального скачка в расширении возможностей удовлетворения несимулятивных потребностей людей. Однако на этом пути нас ждет целый ряд социальных противоречий: между ростом значимости для индивида социально-экономической среды и индивидуализацией личной жизни; между естественной потребностью в «прайвеси» и принципиальным снижением возможности его реализации (технологически открытое общество!); между желанием равного доступа к базовому ресурсу – знаниям и невозможностью (физической!) такого равенства в силу разных способностей людей; между требуемым на фазе НИО.2 уровнем компетенций в сфере занятости и принципиально значимым количеством членов общества, не способных достичь такого уровня; между «догнавшими» и «недогнавшими» экономикой и т. д. НИО.2 не только открывает возможность для разрешения этих противоречий, но и создает перспективу для их бесконфликтного снятия. Благодаря принципиально возросшей роли знания и создаваемых на его основе технологий общество получило инструменты, позволяющие разрешить эти противоречия, найти такие способы удовлетворения нужд людей, которые помогут смягчить, а затем и устранить социальные напряжения.

В связи с изложенным закономерен вопрос о текущем состоянии данного процесса. Прогресс технологий несет не только потенциальные позитивные перспективы, но и существенные угрозы, если человечество не осознает риски «неправильного» использования его результатов. Сегодня мы наблюдаем опережающее развитие техносферы при отставании развития той части общественного сознания, которая «ответственна» за разумное использование технологических достижений и устойчивое формирование несимулятивных потребностей личности и общества. При этом уровень технологического развития чрезвычайно высок и позволяет нанести цивилизации непоправимый ущерб – при отсутствии соответствующего «баланса» в общественном сознании, ставящего преграду подобному сценарию.

Современное состояние цивилизационного развития в этом смысле можно охарактеризовать как кризисное. Налицо множество негативных тенденций, связанных с опережающим развитием техносферы. Под угрозу поставлена среда обитания человека; накапливаются проблемы взаимодействия человека с техносферой; возрастает зависимость человека от технической и информационной среды, что приводит к своего рода «киборгизации» человека (пока без формального существенного вторжения в его физическое тело). Человек сталкивается с растущей негарантированностью своего существования и как биологического, и как социального существа. Можно сказать, что эволюция техносферы оказывает определяющее влияние на эволюцию общественного устройства, и от тренда технологического развития во многом будет зависеть облик общества, в котором нам (и тем более – нашим потомкам) предстоит жить.

Каковы возможные пути выхода современной цивилизации из кризиса?

Геоэкономический аспект такого выхода – неизбежная (но, к сожалению, не обязательно бесконфликтная) смена лидеров. С точки зрения видения модели экономического будущего – это преодоление «определенного смятения» экономического сообщества, где сейчас процветают неосновательные футурологические идеи, замешанные на концепциях «постиндустриального общества», фукуямовского «конца истории» с превознесением добродетелей не существующего в реальности либерального капитализма, и прочие совсем уж шарлатанские «провидения» «пророков» от экономики. Из-за отсутствия внятных идей о моделях цивилизационного развития «новой нормальности» вполне серьезно объявляется совокупность симптомов, свидетельствующих о ненормальном, кризисном, переломном состоянии экономики, без понимания процессов, лежащих в его основе.

В ресурсном аспекте – это ставка на смену приоритета с традиционных (материально-вещественных) ресурсов на базовый ресурс НИО.2 – знания, воплощаемые в технологиях; в гносеологическом плане – смена приоритетов и целевой установки развития.

С учетом такого пересмотра необходимо предупредить возможность ошибочного выбора на развилке развития современной цивилизации при переходе к НИО.2. Здесь вероятны два базовых сценария. Один из них, условно – «технократический», мы пока твердо идем именно этим путем, и никакого просвета не видно. Он базируется на принятой в мире парадигме «экономического развития», под которым понимается не столько **качественный**, сколько **количественный** прогресс. По существу, это – дикарский процесс: «больше-больше-сожрем-сожрем-никому больше не дадим»; цель – пусть лопнуть, но ... съесть как можно больше (явно нелепо, да? – но весь мир считает, что это – ...разумно!). Если же не «дадим стране угля» (стали, автомобилей, телевизоров, шампуней, кремов, закусовых, химчисток...) больше, чем вчера, то это – «стагнация-рецессия-снижение удовлетворения потребностей населения... обеднение»!

Но что важнее в удовлетворении потребностей в принципиальном плане? Количество или качество? Если иметь в виду потребности несимулятивные, то исключительно качество. А эта алгебра гармонией статистических цифр нынешней экономики кривых зеркал не поверяется! И если не отказаться от этого пути, по которому сейчас шествует весь мир, то, «развивая», как мыслили сторонники «конвергентного» общества, «лучшие черты» славных «...измов», мы скатимся точнехонько к технократическому варианту развития. А это грозит нам битвой на истощение ресурсов – во всеоружии новейших технологий.

Есть ли альтернатива этому сценарию? Безусловно. Что дает ей шанс? – Знания! Они всегда давали ответ на возникающие проблемы и потребности. Человек рано

или поздно – осозНАЕТ, какой путь для него предпочтительней. Потребность в таком осозНАНИИ уже возникает (!), а значит, решения будут найдены. И вот тут во весь рост встает проблема критически важной роли **культуры** (в предельно широком смысле слова) в осозНАНИИ человеком своих не симулятивных, не фальшивых, не «наведенных» потребностей.

Выбор между прогрессом технологии и культуры не представляет собой реальной дихотомии. Их развитие связано так, что оторвать одно от другого невозможно.

Человек вышел из **природы** как существо **биологическое**, опираясь на производство продукта для удовлетворения своих потребностей и добываемые в процессе этого производства знания [12, с. 19]. В процессе развития человек сформировался как **духовное** существо, осозНАЛ себя как **личность** и в известном смысле окончательно **вышел** из природы.

Используемые технологии в значительной мере определяют цивилизационный код той или иной формации; более того, они непосредственно влияют на формирование базовых компонент человеческой культуры. В качестве примера рассмотрим одну из них – доверие. Любая цивилизация, любое общество порождает определенную систему отношений – устоев, нравов, традиций, правил, привычек и пр. В нашей культуре сложилось множество «элементов» (правил), основанных на договорных отношениях. Мы доверяем им – вынужденно – иначе не будет дома под названием «наша цивилизация», «наше культурное пространство». Нарушение членом общества упомянутых «элементов» (правил) рассматривается как выход за пределы такого пространства; массовое их нарушение ведет к его разрушению, видоизменению. К примеру, когда кто-то кого-то обманет, мы говорим о нарушении культурной традиции, нашего **доверия**. Пользуясь благами и преференциями цивилизации (товарами, услугами, отношениями), мы вынуждены постоянно проверять их на соответствие заявленным критериям (как правило, технологически) в рамках принятого цивилизационного кода, но чаще – мы просто доверяем, так как невозможно все подвергнуть сплошной проверке... Проблема доверия – одна из базовых в современной цивилизации. О ее значимости говорит тот факт, что затраты на удостоверение правильности, к примеру, банковских операций составляют около половины всех затрат банковской системы. И чем дальше, тем важнее фактор доверия для сохранения устоев цивилизации и ее **устойчивого** развития, поскольку технологий, позволяющих «влезть» в каждого из нас и нарушить общественные договоренности, все больше, а защищенности – все меньше! Таким образом, с ростом технологической «вооруженности» общества возникает **потребность** в повышении уровня доверия в отношениях. И приоритетом в решении этой проблемы следует считать не воспитание (оно необходимо, но его роль вторична), а изменение условий реализации отношений, т. е. технологически.

Целью развития технологий должно стать создание технологических условий для повышения уровня доверия. К примеру, если физически исключить возможность обмана, сойдут на нет и его попытки! Если обмануть технически невозможно – тогда нет оснований не верить полученной информации? Можно небезосновательно предположить, что повсеместное внедрение «технологий доверия» постепенно изменит культурный код: привычки, понятия, способы общения и т. д., как меняли культурные традиции развившиеся технологии, что наблюдалось в истории нашей цивилизации всегда.

Заметим, что и «технологии доверия» существовали всегда и постоянно развивались. В настоящее время этот процесс идет весьма интенсивно – возьмем хотя бы технологию «блок-чейн».

Таким образом, ответом на вызовы экстенсивно-«технократического» сценария развития должна стать осознанная интенсификация создания и использования технологий, способствующих личностному развитию человека, совершенствованию культурного кода современной цивилизации.

Развитие НИО.2 по этому сценарию неизбежно приведет к изменению стандартной роли основных институтов общества и государства. Например, порталы госуслуг могут взять на себя все основные функции не просто выдачи и регистрации документов, но и регулятивные, и другие. Изменится роль денег: к примеру, восстановится на новом уровне «натуральный межличностный обмен» на базе «технологий доверия». Это повлечет за собой изменение способов присвоения общественного богатства и т. д. В дальнейшем эти привычные функции постепенно исчезнут. Наступит стабильное состояние общественного устройства, основанного не просто на доверии, а на твердом **знании**, что информация, получаемая в результате «общественного» обмена, всегда верна. Знания могут быть разные, но потребность будет возрастать в **ВЕРНЫХ**, **проВЕРЕННЫХ**, которым можно **доВЕРЯТЬ**. И разумных.

Общественные институты вследствие повсеместного, «укладного» применения таких технологий также будут меняться. Например, станет возможной реальная прямая демократия – не только (и не столько) выборы, но и прямое решение **любых** вопросов жизни сообщества на базе **доверительного** (не требующего проверки!) **консенсуса**: пустить ли трамвай по этой улице, снести ли памятник, построить ли рядом с жилым кварталом завод...

Подчеркнем, что целевой установкой развития технологий в этом варианте является достижение разумного общественного развития и удовлетворение разумных (несимулятивных) потребностей личности в рамках культурно-цивилизационного кода, сформированного на каркасе НИО.2. Неважно, кто будет работать – робот (скорее) или человек-творец (стоящий, по К. Марксу, «над производством»). При этом базис останется материальным, а способ производства благ – индустриальным, основанным на технологиях своего времени [14].

И Карл Маркс, рассуждавший о «царстве свободы» «по ту сторону материального производства» [15, с. 386–387], и Эрих Фромм, предлагавший решение дилеммы «иметь или быть» в пользу последнего [18, 19], и теоретики Римского клуба, бившие тревогу по поводу «пределов роста», возникающих вследствие ресурсного напряжения [16, 17, 20], и многие их последователи – все они апеллировали к человеческому разуму как средству решения нарастающих проблем. Однако у них не было ответа на вопрос, какими конкретно материальными средствами такое решение может быть достигнуто, как не было ответа и о способе разрешения назревших противоречий. Нам представляется, что эти идеи могут быть реализованы на солидном фундаменте тенденций развития материального производства.

При этом именно культура выступает средством формирования важнейшего элемента цивилизационного кода такого общества – внутреннего самоограничения человека, которое переориентирует его с безудержного наращивания объемов потребления и погони за разного рода миражами-симулякрами на формирование потребностей человека разумного, когда первостепенное значение имеет качество потребностей и потребляемых благ. Культура выступает также фундаментом нового качества межличностного взаимодействия как в процессе труда-творчества, так и в общественной жизни. Одновременно прогресс технологий закладывает огромный потенциал для изменения самого культурного кода человеческой цивилизации.

Представляется, что нынешний этап состояния общества, анализ тенденций его развития требуют рассмотрения идеи перехода к НИО.2 в общекультурном контексте, так как именно этот подход лежит на магистральной линии прогресса человеческой цивилизации как в материально-экономическом, так и в глубоко философском смысле.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. К инновационной экономике – через рынок интеллектуальной собственности / С. Д. Бодрунов // *Новости Петербурга*. – 2013. – №15 (778). – 17–23 апр.
2. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация должна стать базовой идеей создания новой экономики России / С. Д. Бодрунов // *Новости Петербурга*. – 2013. – №15 (778). – 17–23 апр.
3. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С. Д. Бодрунов, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин // *Экономическое возрождение России*. – 2013. – №1 (35).
4. Бодрунов, С. Д. Возрождение производства, науки и образования: проблемы и решения / С. Д. Бодрунов // *Проблемы современной экономики*. – 2014. – № 4 (52).
5. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация российской экономики: анализ рисков в сфере интеллектуальной собственности при реализации политики импортозамещения / С. Д. Бодрунов // *Право интеллектуальной собственности*. – 2014. – №6.
6. Бодрунов, С. Д. Какая индустриализация нужна России? / С. Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России*. – 2015. – № 2(44).
7. Бодрунов, С. Д. Теория и практика импортозамещения: уроки и проблемы / С. Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2015.
8. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты / С. Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России*. – 2016. – №2 (48).
9. Бодрунов, С. Д. О некоторых вопросах эволюции экономико-социального устройства индустриального общества новой генерации / С. Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России*. – 2016. – №3 (49).
10. Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016.
11. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество второго поколения: человек, производство, развитие / С. Д. Бодрунов // *Общество и экономика*. – 2016. – № 9.
12. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты / С. Д. Бодрунов // *Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики: сб. пленарных докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2016)*. – СПб., 2016. – Т. 1.
13. Бодрунов, С. Д. Идеи наследие Г. В. Плеханова: ретроспектива и перспектива развития индустриального общества / С. Д. Бодрунов // *Науч. тр. Вольного экономического общества России*. – М., 2017. – Т. 204.
14. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский; отв. ред. А. Л. Яншин. – М.: Наука, 1991.
15. Маркс, К. Капитал: Т. 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс // *Собр. соч.* – Т. 25, ч. II. – 2-е изд. – М.: ИЛ, 1962.
16. Пределы роста / Д. Медоуз [и др.]; пер. с англ.; Предисл. Г. А. Ягодина. – М.: Изд-во МГУ, 1991.

Вступительное слово главного редактора

17. Пределы роста. 30 лет спустя / Д. Медоуз [и др.]. – М.: Академкнига, 2007.
18. *Фромм, Э. Иметь или быть?* / Э. Фромм; пер. с англ. – М.: АСТ, 2000.
19. *Fromm, E. To Have or to Be?* / E. Fromm. – N.Y.: Harper&Row, 1976.
20. *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind* / Donella H. Meadows, Jorgen Randers, Dennis L. Meadows, William W. Behrens. – N.Y.: Universe Books, 1972.

ПО ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

*С. Д. Бодрунов*¹

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПРОЦЕССЫ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ

Сотрудничество стран – участников евразийского интеграционного проекта – активно развивается как в рамках основных экономических, военно-политических и иных международных структур на территории бывшего СССР, так и на двусторонней основе. Дальнейшее развитие этих отношений должно способствовать наращиванию объемов товарооборота и повышению устойчивости национальных экономик. В рамках единого экономического пространства формируются общий энергетический рынок, единое транспортное пространство, решаются другие принципиальные вопросы экономической интеграции.

Наша страна, отказываясь от сырьевой модели экономики, «нащупывает» новую модель экономического роста в рамках заявленной Президентом России задачи модернизации экономики. Главным направлением, базовой платформой этой модернизации объявлена новая индустриализация («реиндустриализация») страны.

Наше сотрудничество в рамках евразийской экономической перспективы не может не влиять на эти процессы. В ходе реиндустриализации России требуется решить множество задач: восстановить на базе нового технологического уклада промышленность, в первую очередь ее ядро – машиностроение, а затем, в рамках нового индустриального развития, создать институты, инфраструктуру и механизмы развития инновационной экономики.

Реиндустриализация в заявленном варианте невозможна без модернизации базовых элементов экономики, развития институционального инструментария для реализации задач модернизации, создания современной и адекватной технологической инфраструктуры.

Ограничимся кратким анализом нашего сотрудничества в этих трех базовых направлениях, соответственно, остановимся лишь на трех проектных контрапунктных комплексах в силу их особой важности в формировании общего рынка: 1) развитие

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор.

высокотехнологичного машиностроения – базы технологической независимости и экономической устойчивости участников; 2) рынок интеллектуальной собственности как важнейший регулятивный инструмент основного мирового ресурса ближайшего будущего – знания; 3) информатизация/цифровизация экономик как главный инфраструктурный элемент, призванный осуществить их принципиальную модернизацию на едином таможенном и экономическом пространстве.

1. Как известно, развертывание **новой индустриализации** предполагает: перевод экономики на новый технологический уровень, соответствующий вызовам XXI в., на базе новейшего технологического уклада; создание десятков миллионов рабочих мест, оснащенных современными техническими средствами; изменение структуры промышленности, ее инфраструктуры; наращивание мощи и повышение конкурентоспособности корпораций и предприятий и, наконец, укрепление обороноспособности и коллективной безопасности. Сходные проблемы развития индустриального сектора, очевидно, стоят и перед нашими партнерами по интеграционному проекту. Задачи реиндустриализации глобальны; те же США, например, вынуждены вернуться к идее возврата в страну многих секторов промышленности, отказавшись, по сути, от парадигмы «постиндустриального» развития.

Новая индустриализация требует существенной модернизации, а в ряде отраслей – фактически создания суперсовременных машиностроительных производств с необходимой для их функционирования научно-технической, инженеринговой, маркетинговой, логистической и иной инфраструктурой. Используя чисто административные методы, сформировать современный машиностроительный комплекс нельзя. Необходимо создать условия для окупаемости инвестиций в исследования и разработку новой техники. Все это можно быстрее и эффективнее сделать **при организации полноценного общего рынка** товаров и услуг.

На первом этапе придется, несмотря на санкции и с учетом таковых, активно импортировать оборудование. Однако, опыт предыдущих десятилетий показывает, что главным должно быть развитие собственной технологической базы.

В годы первых пятилеток СССР, воспользовавшись мировым кризисом, закупал оборудование и технологические линии в США и Германии для создания новых заводов. Однако «генеральной линией» при проведении *социалистической индустриализации* была ориентация на *импортозамещение продукции машиностроения* на основе строительства новых и реконструкции имевшихся заводов. Благодаря этой политике наша страна достигла пика индустриального развития.

Сейчас Россия стоит перед решением той же задачи в сходных условиях. Расширение экспорта сырья в обмен на увеличение поставок машин и оборудования сегодня *невозможно* по известным причинам. Альтернативой является развитие **отечественного** машиностроения. Это не означает, что мы должны отказаться от импорта машин и оборудования. Напротив, нам следует, как в 1930-е гг., мобилизовать крупные финансовые ресурсы на импорт значительной части оборудования и технологий, необходимых для создания новых и модернизации имеющихся машиностроительных производств. При этом опыт СССР, Японии, Китая, Кореи свидетельствует о необходимости **изменения структуры импорта продукции машиностроения с целью расширения использования собственных разработок технических средств** и перехода отечественных предприятий на новые технологии. В проведении такой политики заинтересованы и наши партнеры по интеграционному проекту, это – одна из наших совместных задач.

Однако на этом пути у нас есть ряд серьезных проблем. Возьмем, например, наше сотрудничество с Казахстаном, где с 2000-х гг. принято более 90 государственных программ по развитию экономики и практически во всех – сотрудничество с Россией. При этом в некоторых из важнейших программ предусмотрены мероприятия, к реализации которых весьма активно привлекались (и привлекаются) российские компании и организации. Это – «Развитие космической деятельности в Республике Казахстан», «Программа освоения казахстанского сектора Каспийского моря», «Программа развития отрасли телекоммуникаций Республики Казахстан», «Развитие атомной энергетики в Республике Казахстан» и др.

Уже из этого краткого перечня программ видно, что *сотрудничество связано во многом с развитием имеющихся у России высоких технологий и автоматически включает в себя учет нашего движения по пути реиндустриализации*. Например, в сфере атомной энергетики ситуация такова. Казахстан занимает второе место в мире по запасам урана и заинтересован в собственной программе мирного использования атома. Россия же, занимающая первое место в мире по конверсии урана и активно развивающая соответствующие технологии, заинтересована в участии партнеров в инвестиционных проектах по атомной энергетике. Нашими странами заключен ряд соглашений о совместной добыче урана, организации совместных предприятий по его обогащению, проектированию энергоблоков нового поколения и выходу на рынки других государств.

Однако в целом объем российских инвестиций в экономику Казахстана намного меньше объема инвестиций западноевропейских стран и США. При этом Россия инвестирует в основном *в сырьевой*, в первую очередь нефтегазодобывающий, сектор Казахстана. Наиболее значительные инвестиционные проекты осуществляют ОАО «Лукойл», ОАО «НК «Роснефть» и ОАО «Газпром».

Отметим, что примерно 70 % всего товарооборота обеспечивается за счет *приграничной торговли и межрегионального сотрудничества*.

Можно констатировать, что Россия и Казахстан, являясь стратегическими партнерами, пока не решили узловую проблему, которой следует уделить особое внимание в процессе реиндустриализации. Это – проблема увеличения доли *высокопередельной* продукции индустрии в структуре товарооборота между нашими странами.

Проанализируем опыт интеграции индустриальных комплексов в рамках интеграционного процесса в сотрудничестве России и Белоруссии. В нашем двустороннем товарообороте около 50 % занимают продукция машиностроения и другие виды высокопередельной продукции. Большинство крупных белорусских машиностроительных предприятий кооперационно взаимосвязаны с российскими организациями. Во взаимных поставках участвуют более 8000 предприятий. Наиболее высок уровень кооперации в автомобилестроении, электротехнической промышленности и сельскохозяйственном машиностроении.

Здесь можно выделить три основных формы сотрудничества.

Во-первых, развитой формой интеграции в машиностроении Республики Беларусь является создание *совместных производств*. В основном – это предприятия по сборке сельскохозяйственной техники, тракторов, бытовой техники из поставляемых комплектов. Характерно, что, например, в 2011 г. предприятия белорусского машиностроения были кооперационно взаимосвязаны со 106 зарубежными сборочными производствами в разных странах (из них 58 % располагались в России).

Во-вторых, расширению экономического сотрудничества в машиностроении Белоруссии и России содействует деятельность *межгосударственных финансово-*

промышленных групп (МФПГ), среди которых отметим «БелРусАвто» – по развитию дизельного автомобилестроения, «Формат» – по производству оборудования для выпуска химических волокон и нитей, переработки льна и шерсти, «Межгосметиз» – по производству металлокорда, «Электронные технологии» – по производству телевизоров и средств связи, «Оборонительные системы». В то же время почти каждый второй рубль инвестиций, направляемых Россией в страны СНГ, работает в экономике Белоруссии.

В-третьих, машиностроительные комплексы двух стран активно развивают кооперацию в форме **совместных проектов**, реализуемых через совместные государственные научно-технические программы в рамках Союзного государства. Благодаря финансированию союзных научных и производственных программ, с середины 1990-х гг. до начала 2000-х гг. были реанимированы некоторые крупнейшие предприятия в Белоруссии и России, создана конкурентоспособная продукция, соответствующая европейским стандартам, в частности, грузовые автомобили, соответствующие требованиям Евро-3/4. Ведутся работы по созданию дизельной автомобильной техники, соответствующей экологическим требованиям Евро-3 и Евро-4.

Нам надо закрепить результат в этой сфере и активно развивать новые направления сотрудничества: взаимное включение предприятий в концерны страны-партнера; формирование общих технологических платформ и т. д. Движение неизбежно пойдет по этому пути, что будет способствовать созданию единого рынка товаров и услуг.

Данный позитивный опыт необходимо распространить на экономическое пространство всех стран – участников евразийского сотрудничества.

2. Важнейшим инструментом в решении задач новой индустриализации наших экономик и повышения их конкурентоспособности является рынок интеллектуальной собственности.

Не секрет, что в ряде стран (в Европе, США) этот вид собственности коммерциализован и вносит серьезный вклад в ВВП этих стран, что позволяет им прочно удерживать лидирующие позиции в инновационном развитии. В России существенные проблемы в этой сфере обусловлены неразвитостью рынка интеллектуальной собственности. Почему это происходит?

Посмотрим на зарубежный опыт. Успехи Китая в экономике во многом связаны с реализуемой государством на протяжении многих лет стратегией «К инновационной экономике – через рынок интеллектуальной собственности» и созданием жесткой централизованной системы государственного управления этим процессом через комитеты интеллектуальной собственности (до муниципалитета включительно), которые помогают снимать административные барьеры при формировании и развитии национального рынка интеллектуальной собственности. Известно, что в КНР вклад интеллектуальной собственности в рост ВВП составляет 1,1...1,5 %. А если учесть, что прирост экономически активного населения в Китае – 6...7 % в год, тогда «чистый» прирост ВВП (не за счет «массы», а за счет «качества» экономики) составляет около 3 %, т. е. от трети до половины этого «качественного» прироста ВВП дает рынок интеллектуальной собственности.

В России вопросами интеллектуальной собственности занимаются более 20 министерств и ведомств (единой службы нет). Результаты предпринимаемых усилий в сфере формирования рыночных отношений в этой области несопоставимы с объемами финансовых вложений государства в данное направление в последние годы. Это – один из стратегических рисков индустриализации.

В этом вопросе неплохо обратиться к опыту Казахстана, построившего «вертикаль» госуправления интеллектуальной собственностью на базе подразделения своего минюста. В России целесообразно создать сходную структуру, что вписывается в рамки интеграционного проекта. За счет этого мы сможем в ходе реиндустриализации упорядочить наши отношения с «интеллектуалкой», сформировать единый развитый рынок интеллектуальной собственности и решить две важнейшие задачи: увеличить темпы роста ВВП (в России на 1...1,5%), требуемого для стабильности экономики; сформировать на всем пространстве евразийского сотрудничества реальный спрос на инновации и реальные возможности его удовлетворения, т. е. создать важнейший элемент инновационной экономики и единого рынка.

Создание общего рынка продукции высокотехнологичного машиностроения – важный шаг в решении задач повышения в нашем товарообороте доли товаров с высокой добавленной стоимостью и увеличения объемов самого товарооборота.

3. Важнейший элемент инфраструктуры современной экономики – ее информационная составляющая. Цифровизация (или оцифровка) активов и структуры управления экономикой – насущная задача реиндустриализации и создания современной индустрии и экономики в целом. Оцифрованные активы стоят гораздо дороже. Неоцифрованные активы в связи с глобальным трендом развития, предполагающим полную инфо-цифровизацию, не вписываясь в современную структуру пользования ими, не только теряют стоимость на рынке, но обесцениваются и становятся фактически балластом; владение такими активами, даже наиболее продвинутыми, не улучшает конкурентоспособность экономики, а, напротив, требует сверхнормативных средств для их поддержания. Индустриальные комплексы отраслей, в которых у стран – участников интеграционного проекта – имеется потенциал экономического роста, следует быстро оцифровывать.

Оцифровка активов должна осуществляться на всех уровнях: от предприятия (готовая продукция, бизнес-процессы (склад – производство – реализация), система управления и т. п.) и кооперационной группы до уровня отрасли. Цифровизация отрасли позволяет выстраивать межотраслевые платформы, что способствует повышению эффективности кооперационных групп, снижению транзакционных расходов, сокращению количества элементов транзакционных цепочек, посредников и т. п.

Должна быть оцифрована и экономическая инфраструктура единого экономического пространства (таможенная, транспортно-логистическая, дорожная, фискальная и др.), что позволит радикально повысить эффективность грузоперевозок, поставок товаров, обмена услугами. Кроме того, только «оцифрованная» экономика участников сможет обеспечить их включение в наиболее продвинутые сегменты глобального рынка ближайших десятилетий.

Реализация совместного проекта цифровизации единого экономического пространства стран – участников евразийской интеграции – позволит (как в свое время проект ГОЭЛРО) построить современную конкурентоспособную экономику, опирающуюся на базис нового технологического уклада (информационно-цифровые технологии) и отвечающую вызовам современного мироустройства и тенденциям его развития.

*Р. С. Гринберг*¹

ЭКОНОМИКА МИРА И РОССИИ: ТРЕНДЫ, ШАНСЫ, РИСКИ²

В мире идет беспрецедентная смута (в политике, в экономике и даже в различении добра и зла), и уровень непредсказуемости и неопределенности нашего будущего тоже беспрецедентный. Мы все на пороге чего-то нового, о чем можем только догадываться. Ясно лишь одно: так называемая либеральная глобализация, которая совсем недавно считалась символом «конца истории», похоже, идет к своему закату. Напомню, что либеральная глобализация – это апогей мировой свободной торговли, которая возникла в Европе в 1930-х гг., когда ведущие страны стремились только продавать и ничего не покупать. Это был период картелей, жесткого государственно-монополистического капитализма и парализующего торговлю протекционизма.

После Второй мировой войны победители и побежденные обязались вернуться к практике свободной торговли и никогда не возвращаться к протекционистским барьерам. До недавнего времени это обязательство худо-бедно соблюдалось, и многие страны выиграли от открытой торговли. Многие, но не все.

Однозначно от свободной торговли выигрывает потребитель, причем – в любой стране, в ней участвующей. А вот с производителями все не так просто: если вы не готовы к конкуренции, то рискуете вылететь из «свободного рынка». Задача государственной власти – подготовить отечественные предприятия к суровым реалиям конкурентной борьбы. И если она (власть) уклоняется от этого обязательства, то происходит «избиение младенцев», что и случилось с большинством предприятий распавшегося СССР.

Российские реформаторы первой волны допустили практически одномоментное радикальное открытие внутреннего рынка, что привело к примитивизации всей структуры экономики. Запад предложил нам концепцию «естественных конкурентных преимуществ», которую наши реформаторы принялись реализовывать без особых оговорок.

Благодаря горбачевской перестройке весь мир готовился к благостному существованию. Казалось, холодная война закончилась навсегда, а на смену классовым пришли общечеловеческие ценности. Все мы ожидали мирного сотрудничества наций – в экономике, культуре, науке. Геополитика стала бранным словом, а международное разделение труда представлялось выгодным для всех стран. Нам говорили: у вас хорошо получают нефть, газ, освоение других природных ресурсов, вот вы и поставляйте их нам, а все остальное – от колбасы до станков – мы поставим вам. И мы стали жертвой этой концепции.

¹ *Руслан Семенович Гринберг*, научный руководитель Института экономики РАН, научный руководитель Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, член-корреспондент РАН.

² По материалам доклада на III международном конгрессе «Производство, наука и образование в России: новые вызовы» (26–27 ноября 2016 г., Москва).

С другой стороны, крупные, ориентированные на экспорт экономики, которые открылись миру раньше (Индия, Китай, Южная Корея), получили от глобализации громадные преимущества. Тем более что западный мир не особенно заботился о том, чтобы они открыли свои экономики. У меня есть конспирологическое подозрение, что Запад поощрял экспортоориентированный рост в Китае, усиливая его позиции в качестве противовеса СССР (все это происходило на фоне ухудшения наших отношений с КНР). Как бы то ни было, китайское «экономическое чудо» стало сюрпризом. Считалось, что Китай как делал теннисные мячики и пластмассовые будильники, так и будет их делать. Но в КНР резко выросла эффективность экономики, пошли западные капиталы, она стала конкурировать с Западом почти на равных. Наступил момент, когда товары из КНР (по крайней мере, потребительские) по качеству не уступали западным, но были значительно дешевле. Это создавало проблемы западным странам.

Вот Дональд Трамп говорит о необходимости вернуть рабочие места в США. При этом утрата рабочих мест в США происходит не только из-за переноса производств в третий мир, но и вследствие научно-технического прогресса – скорость промышленной роботизации превышает скорость появления новых рабочих мест. Белые образованные люди из семей среднего класса также испытывают громадные трудности. Перестали работать социальные лифты, и дети впервые живут хуже родителей.

Чтобы понять этот феномен, вспомним, что кризис 2008–2009 гг. обозначил водораздел между «тучными» и «тощими» годами. До кризиса экономический рост в США был высоким и беспрецедентно долгим – 130 месяцев подряд. Кризис в значительной мере был связан с практикой массового кредитования физических лиц в эпоху, которую Барак Обама охарактеризовал как доминирование «культуры безответственности». Раздача кредитов всем без разбора привела к раздуванию финансовых пузырей. Но, когда ты получаешь кредит, твоя покупательная способность растет, ты покупаешь и тем самым поддерживаешь экономику. А если доступа к кредитам нет, нет и массового потребительского спроса. Природа отсутствия такого спроса проста: за последние 30 лет в силу практики дерегулирования «плоды экономической активности» стали распределяться скандально неравномерно. Они и раньше распределялись неравномерно, но кредиты это маскировали. Сегодня это общепризнано и считается серьезным барьером на пути устойчивого экономического роста. Известно, что уровень неравенства не только не снижается, но, наоборот, увеличивается.

И это серьезная проблема для экономики даже в самых благополучных странах, где две трети населения относятся к среднему классу (Северная Америка, Западная Европа и Скандинавия).

Сейчас средний класс сокращается по всему миру, но в каждой стране есть свои особенности. Так, в России, по некоторым данным, в самый благополучный период до 20 % населения относилось к среднему классу, а за последние три года (2014–2016 гг.) это количество снизилось до 15 %.

Люди недовольны и тем, что больше не работают социальные лифты. Напомним, что Клинтон или Шредер – это послевоенное поколение, люди, которые самостоятельно поднялись из небогатых семей на самый верх. Теперь же это почти невозможно.

Как верно замечает французский экономист Томас Пикетти: «...если в 20 веке люди наживали капиталы с нуля, то сейчас богатство все больше наследственное, «деньги к деньгам», и все возвращается к схеме общества без социальных лифтов». А это уже не какой-то посткапитализм или капитализм «с человеческим лицом», а откат к феодальному капитализму.

Далее, рассмотрим феномен массовой миграции в западный мир. И здесь не все так очевидно. Принято считать, что когда недостаточно **рабочих мест для своих, мигранты только ухудшают ситуацию**, становясь нагрузкой на систему соцзащиты. Я не согласен. Есть исследования, показывающие, что в Германии, Австрии и Франции мигранты вносят серьезный вклад в ВВП. Да, 10...15 % из них не работают, но остальные реально способствуют росту экономик принявших их стран.

Европейцы же, принимая мигрантов, думают о другом: они считают, что кто бы ни приехал в Европу, они обязаны обеспечить ему достойную жизнь, даже если он не работает. Это – общество с развитой социальной ответственностью, и оно готово было принимать всех. Предыдущие поколения мигрантов действительно вливались в это общество, они ехали за хорошей жизнью, но они хотели и работать для этого. Сегодня из 7 миллиардов людей в мире только 1,2...1,3 миллиарда живут по-человечески. Но остальные знают, как они живут, потому что у этих остальных, может, нет еды, хорошей воды, но телефон с интернетом есть. И у них есть выбор – либо приехать в этот райский мир и влиться в него, либо уничтожить его.

Стоит вспомнить слова Меркель о том, что надо бороться с неравенством на родине мигрантов. Пока существуют бедные государства, будут такие угрозы и дисбалансы. Но сейчас всем не до этого.

Благодаря глобализации, мировая экономика становится единой и все больше нуждается в наднациональном регуляторе. Но именно в тот момент, когда возникает объективная потребность в ограничении национальных суверенитетов, происходит откат к протекционизму и укреплению национальных суверенитетов – это основное противоречие нашей эпохи.

Как сказал один очень неглупый человек, мы все живем в одной деревне, но дома в ней находятся в разных веках. И это создает мощный конфликтный потенциал. Отсюда – и тенденция к протекционизму и закрытию границ. Если, например, во Франции победит Ле Пен или даже Фийон, то в Европе возобладает тренд дезинтеграции.

Перейдем к проблемам российской экономики. Особую озабоченность вызывает валютная политика. При правильной валютной политике валютный курс должен меняться по мере изменения инфляции: если инфляция у вас 6 %, то и курс понижайте на 6 %. Сильный рубль, слабый рубль – все плохо, нам нужен стабильный рубль. Нам говорят, что надо обвалить рубль, и тогда товары станут конкурентоспособными. Конечно, станут, если они у вас есть, но товаров у нас своих нет.

В чем дефект валютной политики? Если ваш экспорт на 80 % зависит от топлива и сырья, и при этом вы открыли валютный рынок и не регулируете его, то вам придется смириться со скачками курса и иметь валютные резервы для его выравнивания. А мы резервы копим на черный день, а когда этот день приходит, ничего все равно не получается. Вспомним, как обвалился рубль – это скандал и позор!

Рецепт очевиден – если у вас недиверсифицированный экспорт, вам надо иметь определенные валютные ограничения: во-первых, ограничения на вывоз капитала, и во-вторых, обязательная продажа 40...50 % валютной выручки. Тогда в комбинации с интервенциями можно сохранять стабильность рубля при резком падении цены на нефть. Только очень сильные страны могут позволить себе абсолютно нерегулируемый валютный курс.

Теперь об экономике в целом. Наше руководство успокаивает народ – дескать, все у нас нормально и, хотя рост нулевой, от социальной ответственности мы не отка-

жемся. Но уже чувствуется легкая паника. Экономика не развивается, она, похоже, вступила в длительную фазу стагнации. Появляются разные проекты, но четкого решения не просматривается. В каждой из предлагаемых программ имеется что-то продуктивное, и нужно что-то выбирать. Для нашей власти – это выбор между двумя главными вариантами: 1) ничего не делать – и это большой риск; 2) что-то выбрать и начать что-то делать – но и тут большой риск.

Есть две точки зрения, два лагеря экспертов. Первый, назовем его условно лагерем «перфекционистов», настаивает на том, что надо улучшать инвестиционный климат, ограничить коррупцию, ослабить административное бремя на бизнес, обеспечить неприкосновенность частной собственности и добиться независимости судов. Все это мы слышим уже 25 лет. Но что же вам мешало заниматься всем этим раньше?

Хотя, вообще-то, никто не против: совершенствуйте институты, улучшайте инвестиционный климат. Но они еще требуют структурных реформ, которые пахнут социал-дарвинизмом. Проще говоря, это – установка на максимально полную коммерциализацию образования, здравоохранения и культуры. И тут я категорически против, так как не хочу, чтобы моя страна была элитарной и плутократической. Но даже если бы этот лагерь ограничился совершенствованием институтов и инвестклимата, это были бы меры необходимые, но не достаточные. Может кто-то думает, что у нас где-то лежат на печи тысячи бизнесменов-инноваторов, и как только мы им снизим административную нагрузку и сделаем дешевле подключение к электричеству, они встанут с печи и начнут инвестировать... и будет всем счастье. Надо совсем потерять чувство юмора, чтобы так думать. Бизнес у нас на данный момент, во-первых, «закошмаренный», а во-вторых, почти все товарные ниши заполнены – куда новым бизнесменам податься? А в регионах нет денег, значит, нет покупательского спроса.

Когда мне говорят – надо снижать ключевую ставку, и тогда начнут расти бизнесы, я спрашиваю: какова доля банковских кредитов в общем объеме инвестиций? – 6 %. И возникает вопрос. Хорошо, это дорогой кредит. А 94 % – это же не деньги банков, это собственные средства, капиталы. Они-то почему не идут в инвестиции? Потому что некуда вкладывать. А у банков очень много денег, но они не знают, что с ними делать. Почему к ним не приходят компании с проектами за этими деньгами? Потому что боятся инвестировать, риски слишком высокие. И все у нас в итоге замерло.

Теперь о лагере «интервенционистов». Они считают, что надо улучшать инвестклимат, снижать процентную ставку, минимизировать инфляцию, но они против снижения мер социальной поддержки, против этих предлагаемых структурных реформ. Они говорят (я тяготеем к этому лагерю), что это все вещи верные, но не достаточные. Даже при наличии идеального инвестклимата непонятно, почему инвесторы должны инвестировать, а население, несмотря на низкие доходы, должно покупать? Представители этого лагеря выступают за активные государственные действия. Но тут начинаются нюансы. Я, в отличие от многих, выступаю за приоритет госинвестиций, за мегапроекты, развитие инфраструктуры и за государственно-частное партнерство (ГЧП).

Настораживает один важный тезис, который «интервенционисты» педалируют с особым упорством: они считают, что нужно накачать экономику деньгами. На мой взгляд, наша экономика такова, что, в отличие от Запада, у нас «количественное смягчение» не работает.

Говорят, что в стране много бедных, низкий спрос и разве повышение уровня жизни не может стать драйвером роста, ведь тогда люди начнут покупать потребительские товары – от мебели до автомобиля. Я обычно отвечаю, что это будет не наш ав-

томобиль, а корейский. Эти деньги уйдут иностранным компаниям. И здесь я согласен с Набиуллиной. На Западе эта схема работает, потому что там много производителей, мало монополий и производится много товаров. В период низкого спроса государство вбрасывает ликвидность, и потом деньги доходят до хозяйствующих субъектов, до людей. Если на Западе вброс денег в экономику ведет сначала к росту производства и только потом – к инфляции, то у нас – сразу к инфляции.

Представьте, что вы в Германии хотите купить джинсы. Допустим, они стоят сто евро, и все их покупают за сто. Цену никто не повышает. Потом число покупателей увеличивается, Продавец звонит на фабрику и просит увеличить производство джинсов. И когда уже все мощности задействованы, а спрос растет, повышают цену. У нас же любое повышение покупательной способности населения вызывает повышение цен, потому что везде монополии. И если государство объявляет, что собирается повысить пенсии, практически на ту же величину растут цены.

Все это не отменяет необходимости точечной эмиссии, тесно увязанной со структурной политикой по строго отобраннным приоритетам. Необходимо выбрать 8...10 ключевых брендов для страны а ля Нокия, Самсунг; провести ревизию оставшегося научно-технического потенциала; посмотреть, что у нас еще может производиться близко к мировым стандартам, и сформировать соответствующие приоритеты. При этом важно оценить достаточно серьезные риски: например, сможем ли мы конкурировать с китайцами по потребительским товарам, а с Германией или Италией – по инвестиционным товарам и оборудованию?

Мы делаем хорошие вертолеты, истребители, ракетоносители, грузовики. Но для России этого очень мало. Поэтому я ратую за активную реализацию инфраструктурных проектов. У нас плохо с дорогами (не только с высокоскоростными железнодорожными трассами), значит, надо строить и ремонтировать автодороги, нужно перестраивать порты. Нам нужен транспортный коридор от Сеула до Лиссабона. Россия возьмет на себя перевозки грузов из Азии в Европу и обратно и получит шанс на диверсификацию экспортных доходов, которые так же волатильны, как и мировые цены на нефть.

Самый большой дефицит у нас – это дефицит договороспособности. В каждой программе – и Кудрина, и Глазьева – есть рациональные вещи. Но нет взаимного желания обсудить их и попытаться достичь консенсуса, отсюда – естественная потребность в сильной руке,

Пока бочка нефти стоит почти 60 долларов и есть уверенность, что такая цена сохранится в ближайшей перспективе, можно особенно не расстраиваться. Я, правда, считаю, что ценоповышательные факторы на рынке нефти окажутся слабее ценопонижательных. Как бы то ни было, наша власть, похоже, хочет, чтобы экономика росла, все развивалось и при этом ничем не пришлось рисковать.

*Е. Б. Ленчук*¹

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЛЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Сегодня вряд ли у кого вызывает сомнения тот факт, что действующая экспортно-сырьевая модель развития исчерпала себя и выход на траекторию устойчивого развития требует структурной перестройки, возрождения и развития реального сектора экономики на базе инноваций, обеспечивающей переход к новой модели развития.

За четверть века квазилиберальных реформ Россия превратилась из ведущей технологической державы в потребителя зарубежных далеко не всегда передовых технологий. Сегодня поставлен под угрозу технологический суверенитет страны. Технологическая отсталость становится серьезным препятствием на пути обеспечения качественного экономического роста. Несмотря на то, что необходимость перехода к инновационной модели развития декларировалось в нашей стране, начиная с начала 2000 г., решить эту задачу так и не удалось.

Суть проблемы состоит в том, что на государственном уровне не была выстроена соответствующая система целеполагания. Страны с инновационной моделью развития, формирующие постиндустриальную экономику (речь идет о ведущих мировых державах) в качестве важнейшей цели провозглашают повышение качества жизни человека на основе технологического прогресса и фундаментальной науки. В нашей стране упор сделан на финансовую стабильность и получение максимальной финансовой прибыли. А если мы положим в основу системы целеполагания финансовую прибыль и достижение определенных финансовых показателей, то нет сомнений в том, что экономика автоматически переключается на ресурсный тип развития. Это самый быстрый путь достичь желаемого результата.

Важно отметить, что постиндустриальная экономика – это не та, в которой нет производства, а та, где в реальном секторе экономики преобладает интеллектуальный труд и высокие технологии.

И сегодня в развитых странах мира, да и во многих развивающихся, мы можем наблюдать активные процессы «новой индустриализации», связанные с новой волной технологических изменений IV промышленной революции, прежде всего, передовых производственных технологий, которые обладают потенциалом качественного обновления производственных процессов, ведут к существенному увеличению производительности труда, меняя представление о том, что и как может быть произведено. К таким технологиям относятся (3D-принтеры, новые материалы, робототехника, цифровая революция, облачные технологии, «интернет вещей» и т.п.). Они способны создавать новые рынки и отрасли, выступая драйверами экономического роста.

¹ Елена Борисовна Ленчук, директор Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор.

Таким образом, суть новой индустриализации, которая сегодня превратилась в мейнстрим экономической политики стран Запада, состоит в распространении прорывных передовых технологий, которые не только формируют новые отрасли, но и модернизируют традиционные сектора экономики.

Переход к новой модели экономического роста в России также связан с решением задач «новой индустриализации», которое предполагает возрождение и дальнейшее развитие реального сектора экономики на самой передовой технологической основе. Только в этом случае можно будет сформировать конкурентоспособную экономику.

Решение этой стратегической задачи требует в первую очередь огромных инвестиционных ресурсов, но не менее важно наличие соответствующего человеческого капитала, наличие талантливых образованных людей, способных решать организационные, экономические и технологические задачи современной экономики.

Насколько эффективно у нас формируется человеческий капитал можно судить по вкладу в «экономику знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение). Так, доля «экономики знаний» в ВВП у нас крайне низка – всего 15%, в то время как в советское время эта доля доходила до 20%, в западноевропейских странах она составляет 30%, в США – 40%. А ведь экономика знаний – главный локомотив социально-экономического роста, наиболее быстро растущая сфера в народном хозяйстве, обладающая наибольшим мультипликативным эффектом.

Формирование инновационной модели развития, прежде всего, требует перестройки системы образования, которая должна быть направлена на формирование творческой личности, генератора, производителя, потребителя и инвестора инноваций. Это не пустые слова. Надо сказать, что до недавнего времени Министерство образования выстраивало образовательную систему под формирования квалифицированного потребителя – специалиста, способного потреблять, эксплуатировать технологии, разработанные кем-то до него. Следует привести слова А.А. Фурсенко, который в 2004 г. говорил следующее: «Недостатком советской системы образования была попытка формирования человека-творца, а сейчас наша задача заключается в том, чтобы вырастить квалифицированного потребителя».²

Для инновационного развития с перспективой перехода к постиндустриальному развитию обществу необходимо создание инновационной системы образования. Различие с системой подготовки квалифицированного потребителя состоит в следующем (см. табл. 1).

Развертывание процессов новой индустриализации в России требует новых подходов к уровню профессиональной подготовки, обеспечения нового качества рабочей силы, трансформации профессионально-квалификационной структуры занятости (см. табл. 2). Последнее должно происходить в направлении наращивания кадрового потенциала страны высокообразованными техническими специалистами, учеными, инженерами и высококвалифицированными рабочими, основная функция которых – интеллектуальное обеспечение политики модернизации путем развития новых научных направлений, разработки конкурентных технологий, строительства промышленных предприятий и организации новых производств. Необходимо вовлекать к госуправлению технократов, формируя новую технократическую элиту. За последние 20 лет российский госаппарат практически полностью утратил подобные компетенции.

² <http://www.pravda-tv.ru/2012/04/19/14237/14237>

Таблица 1

Инновационная система образования (ИСО) и система подготовки квалифицированного потребителя (СПКП)

Основные характеристики	ИСО	СПКП
Базовый принцип образования	Фундаментальность	Развитие компетенций
Базовая квалификация	Творческая работа в сфере науки и высоких технологий	Техническая работа по освоению и использованию технологий
Поддержание квалификации	Возможность самостоятельного образования в течение всей жизни	Необходимо создание специальной системы переподготовки и повышения квалификации
Уровень конкурентоспособности	Конкурентоспособность на рынке труда	Конкурентоспособность на внутреннем рынке при условии периодической переподготовки
Интеграция и мировой общеобразовательный процесс	Привлечение студентов из разных стран	Привлечение студентов из развивающихся стран. Отъезд молодежи в ведущие университеты мира

Источник: Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Россия XXI век: стратегия прорыва. М., ЛЕНАНД, 2016, с. 132.

Таблица 2

Выпуск бакалавров, магистров и специалистов государственными и муниципальными вузами в 2013 году (тысяч человек)

Наименование специальностей	Число, человек	Доля в %
<i>Инженерно-технические</i>	260,5	24,58
Образование и педагогика	102,6	9,68
Экономика и управление	350,5	33,07
Гуманитарные и социальные, включая право	192,6	18,17
Естествознание и точные науки	31,8	3,0
Сельское и рыбное хозяйство	35,2	3,32
Здравоохранение	36,0	3,40
Культура и искусство	20,6	1,94
Безопасность жизнедеятельности и защита окружающей среды	14,0	1,32
Сфера обслуживания	16,2	1,53
Итого	1060	100

Источник: Образование в Российской Федерации: 2014: статистический сборник. – Москва: НИУ «Высшая школа экономики», 2014. – с. 386.

По имеющимся оценкам текущий дефицит инженерных кадров в России составляет порядка 800 тыс. чел., особо острая нехватка кадров отмечается в ОПК. В этой связи на протяжении последних лет объемы контрольных цифр приема на инженерные специальности постоянно увеличивался. В настоящее время подготовка инженерных кадров осуществляется в 560 вузах РФ, в которых обучается 1,5 млн. студентов по инженерным специальностям.

Следует отметить, что сегодня озабоченность проблемой дефицита высокопрофессиональных инженерно-технических кадров проявляется и на Западе. Это связано с повышенным вниманием к разработке передовых производственных технологий, которые в условиях глобализации становятся основным критерием конкуренции. Так, например, США для того, чтобы сохранить свое мировое научно-технологическое лидерство, планирует увеличить число выпускников американских вузов по STEM-специальностям вдвое – до 400 тыс. чел. ежегодно. Еще более быстрыми темпами растет число выпускников по естественным и инженерным специальностям в Китае, Индии и Южной Корее. Так, например, Южная Корея выпускает сегодня столько же магистров и бакалавров по линии STEM, что и США. В то время как в Китае и Японии на долю естественно-научных и инженерно-технических дисциплин приходится более двух третей от общего числа обладателей степеней бакалавров, тот же средний показатель по 25 странам ЕС – 36%, в США – 24%.

Учитывая, что важнейшей составляющей новых производственных технологий являются информационно-коммуникационные технологии, обеспечивающие производство новых идей и разработку соответствующих математических программ, чрезвычайно важным становится подготовка специалистов в этой области. Наше отставание здесь очень существенно. Так, в США, Китае, и Индии насчитывается по 3-4 млн. программистов, а в России – только около 400 тыс. программистов. Ежегодно там готовится более 100 тыс. новых специалистов в этой сфере. И хотя до сих пор Россия занимает ведущие места в мире по математическому образованию, тем не менее в 2015 г. наши доходы от оффшорного программирования и информатизации составили только 7 млрд. долл., а доходы Индии 70 млрд. долл., что выше всей выручки России от продажи за рубеж природного газа или суммарного экспорта черных и цветных металлов. Выручка Индии здесь в 4,5 раза превышает получаемые Россией средства от ежегодного экспорта всех вооружений.

Важно обратить внимание и на качество подготовки инженерного образования в России. Последние международные рейтинги вузов пока свидетельствуют о невысоких позициях российских вузов в области инженерных специальностей. Так, согласно рейтингу «The Times Higher Education World University Ranking 2013-2014» в число 200 лучших не попал ни один российский технический вуз. В рейтинге «QS World University Rankings» в 2014 наилучший из российских вузов Бауманский технический университет занял 322 место.

Особое место в решении задач новой индустриализации и формировании инновационной экономики занимает кадровый научный потенциал. За истекшее десятилетие произошло трехкратное сокращение численности научного персонала, участвующего в инновационном процессе. Страна утратила лидерство в относительной численности исследователей. В 2014 г. Россия по этому показателю занимает 12 место, уступая по этому показателю таким странам как Испания, Южная Корея, Великобритания. Учитывая, что средний возраст в научных организациях превышает 50 лет, а число исследователей в возрасте 60 лет достигло 40%, можно спрогно-

зировать, что в ближайшей перспективе (5–10 лет) количество исследователей снизится еще вдвое.

Проводимая реформа науки, прежде всего реформа РАН, создает угрозу дальнейшего ухудшения ситуации и требует безотлагательных решений. Те условия, в которых сегодня работают многие академические институты ведет к дальнейшему оттоку научных кадров в виде внутренней и внешней миграции. Сегодня общая численность современной российской диаспоры на Западе составляет от 150–200 тыс. человек, причем большая часть из них – высоко квалификационные специалисты в самом продуктивном научном возрасте.

Таким образом, для успешного решения вполне достижимых задач по преодолению технологического отставания от развитых стран и переводу отечественной экономики на инновационный путь развития необходимо первоочередное внимание обратить на приток в сферу науки, образования и высоких технологий наиболее подготовленных квалифицированных специалистов, активных предпринимателей и творческой молодежи, способных возратить стране утраченные позиции в этой сфере с целью достижения высокого уровня благосостояния населения и закрепления геополитической роли страны как одного из лидеров, определяющих мировую политическую повестку дня.

Список литературы

1. *Аганбегян, А. Г.* Сокращение инвестиций гибель для экономики, подъем инвестиций – ее спасение / А. Г. Аганбегян // *Экономические стратегии*. – 2016. – №4(138). – С. 74–83.
2. *Иванов, В. В.* Россия XXI в.: стратегия прорыва / В. В. Иванов, Г. Г. Малинецкий. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 304 с.
3. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости/ под ред. Е. Б. Ленчук. – СПб.: Алетейя, 2016. – 336 с.
4. *Ленчук, Е. Б.* Курс на новую индустриализацию – глобальный тренд экономического развития / Е. Б. Ленчук // *Проблемы прогнозирования*. – 2016. – №3. – С. 132–143.
5. *Ленчук, Е. Б.* Актуальные проблемы кадрового обеспечения инновационной экономики России / Е. Б. Ленчук // *Федерализм*. – 2013. – С. 27–42.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

*К. А. Хубиев*¹

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Затянувшаяся вялотекущая стагнация российской экономики настойчиво ставит конкретные и злободневные вопросы о главной причине кризиса и путях выхода на позиции устойчивого развития. Проявились два подхода к ответу на данные вопросы. Первый (условно) подход отмечает исчерпанность и даже тупиковость либеральной модели экономического развития, который, в частности, абсолютизирует монетарные методы регулирования, придавая развитию реального сектора вторичное значение. С этих позиций признание необходимости структурной перестройки российской экономики сводится к долевым перераспределению бюджетных средств в пользу науки, образования, медицины с целью развития человеческого капитала. Целевая установка не вызывает возражений. Проблема в том, что долевой подход предполагает сокращение других статей бюджетных расходов. Введение, например, прогрессивного налога, государственная монополизация всех доходов рентного и монопольного происхождения как источников дополнительного финансирования отраслей, накапливающих научный потенциал и развивающих человеческий капитал, не поддерживается либерально ориентированными представителями экономической науки. Но это лишь дополнительные источники. Главная задача состоит в структурной перестройке реального сектора на новой индустриальной основе. На этой основе появятся и дополнительные источники поддержки важных направлений и источников креативного развития. В защиту своих изрядно оскудевших в научном отношении позиций либеральное направление проявляет изобретательность. Изрядно использованные положения о необходимости защиты прав собственности (последние четверть века это одно из главных занятий правительства); создание независимых судов (это важно, только суды, это не экономическая сфера. Они могут перераспределить имущество и доходы, но не приумножить их); провести «вторую волну» приватизации (чем поможет вторая волна, если первая, исторически беспрецедентная по масштабам приватизация способствовала небылому 50-процентному спаду производства). Исчерпанность научных ресурсов проявляется в научном шарлатанстве. В самое последнее время сочинен миф об избыточной

¹ *Кайсын Азретович Хубиев*, профессор экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, д-р экон. наук.

доле государства в экономике как главном факторе торможения конкуренции и развития. Поэтому считаем важным исследовать данную проблему.

Обсуждение данного вопроса в российской экономической науке усугубляется тем обстоятельством, что саму науку упорно и последовательно ориентируют на зарубежные издания. От зарубежного признания теперь напрямую ставится престиж учебного, финансирование учреждений науки и образования, выделение грантов. В подобной ситуации затрудняется объективное научное исследование. Российская наука и образование существуют за счет бюджета государства. Естественно ожидать, что и работать она должна в интересах России и ее граждан. При этом не может быть никаких ограничений свободного научного творчества. Но парадоксальной выглядит ситуация, когда приближенная к государственной власти экономическая наука обильно питается из государственного источника, тратит немало ресурсов на доказательство избыточного присутствия своего «кормильца» в экономике и в этом видится основная проблема стагнации. Из этих незамысловатых построений делаются определенные выводы: для оживления экономики надо сократить государство, в том числе и за счет «новой волны» приватизации. Все эти изыскания псевдолиберального толка хорошо ложатся на интересы зарубежных изданий и всевозможных фондов, выделяющих гранты. Создается впечатление, что только сверхлиберальное государство может из своих ресурсов подкармливать научные изыскания, направленные на внешние и отнюдь недружественные интересы, особенно в сложившихся конкретно-исторических условиях. Трудно представить себе подобную зеркальную ситуацию со стороны зарубежных государств.

Парадоксальность описанной ситуации ярко проявляется на примере заявленной темы. Она не нова, и нам приходилось участвовать в ее обсуждении, о чем будет сказано ниже. Но с самого начала хотелось бы заявить о том, что мы всегда были против «количественного» обсуждения роли государства в экономике. Нами был предложен качественный подход к исследованию экономической роли государства по критериям экономической и социальной эффективности [10].

В процессе обсуждения поставленного вопроса в течение XXI века произошли два волновых всплеска. Первый относится к началу нового века, второй приходится на текущее время. Первый этап уже был нами рассмотрен, в том числе и на страницах журнала «Философия хозяйства» [11]. Десять лет назад были приведены неопровержимые аргументы, доказавшие несостоятельность формулы обратной зависимости экономического роста от доли государства в экономике [4,6,7,13]. Критические аргументы теоретического и модельно-математического [8] порядка не были творчески преодолены сторонниками упомянутого направления, поэтому мы не будем к ним возвращаться и сановное внимание уделим текущему периоду. Российская наука и образование ввели в научный оборот зарубежную литературу преимущественно либерально-монитаристской направленности. В тени оказались кейнсианское направление и институционализм технологического направления (Дж. Гэлбрейт). Между тем Дж. Кейнс исследовал экономику неполной занятости, т.е. кризисно-депрессивную, что особенно актуально для России. Кроме того, основным источником развития он видел в инвестиционном процессе, что является исключительно важным для новой индустриализации. Дж. Гэлбрейт создал теорию Нового индустриального общества.

Особая позиция в системе нового индустриального общества отводится государству. Дж. Гэлбрейт полемизирует как с либеральным, так и с консервативным направлениями, отграничивающими роль государства, и делает принципиально важный для своей концепции вывод: «На деле же в индустриальной системе граница между

частной и государственной сферами компетенции неразличима и в значительной степени условна, а ненавистный союз между государственными и частными организациями нормален» [5, с. 422]. Государству отводится, прежде всего, важнейшая функция по подготовке технотрактуры² и еще ряд важнейших функций: забота об экономическом росте, научно-техническом развитии, государственные закупки, в том числе и для обеспечения безопасности страны, регулирование спирали зарплата-цены.

Роли и место государства у Дж. Гэлбрейта органически связаны с общественной системой, которую он определял как конвергенцию, содержательно имея в виду схождение общественных систем (капитализма и социализма) к единому основанию — новому индустриальному обществу на базе новых технологий и крупного корпоративного производства. Дж. Гэлбрейт последовательно продвигал важное теоретическое положение о том, что развитие производительных сил на новом индустриальном уровне наталкивается на ограничения рыночной системы и требует планового ведения хозяйства³. В концепции Гэлбрейта планированию отводится ключевая роль и основные функции, которые традиционно отводились рыночному механизму: активное влияние на спрос, ценообразование, сбережения, инвестиции и др. Здесь важно отметить, что субъектом планирования является крупная компания. Особое значение отводится вертикальной интеграции, которая превращает рыночные отношения интегрируемых организаций во внутрифирменные плановые отношения. Исходным основанием планирования является компания, но само планирование не ограничивается ее рамками, а выходит далеко за ее пределы, например, активно влияя на спрос, ценообразование. Но между государством и фирмой нет жестких границ, а складывается сложная система координации.

Планирование у Гэлбрейта органически связано с институтом собственности и власти. Эта важная проблема рассматривается в исторически развивающемся контексте. Собственность и экономическая власть эволюционизировали в зависимости от доминирующих факторов производства: земля, капитал, технотрактура. Он делает фундаментальный вывод о том, что развитие производительных сил и технологический прогресс «бесшумно устраниают» частную собственность из реального экономического процесса. «На промышленном предприятии власть принадлежит тем, кто принимает решения» [5, с. 154]. А решения принимает технотрактура. И ей принадлежит реальная власть, хотя формально собственниками являются акционеры. Реальная собственность и власть «бесшумно» отняты у капиталистов-собственников и «переданы» технотрактуре потому, что успешное функционирование крупных корпораций полностью зависит от «мозгового центра» специалистов, в том числе и высочайшей квалификации [5, с. 98]. В их числе может оказаться и собственник, но как носитель иного

² «Квалифицированные кадры имеют решающее значение для преуспевания индустриальной системы. Образование и обучение, от которых зависит их формирование, обеспечиваются главным образом государственным сектором экономики» [5, с. 421].

³ «Планирование существует потому, что описанный (рыночный — К. Х.) механизм перестал быть надежным. Развитие техники и сопутствующий ему характер использования времени и капитала привели к тому, что запросы потребителя должны быть определены заранее — на месяцы и даже годы вперед. Но через несколько месяцев или лет вполне может оказаться, что потребитель не проявит готовности покупать соответствующую продукцию» [5, с. 45].

качества – высокопрофессионального специалиста и члена команды. Качество реально функционирующего капиталиста оставляется за собственником мелких и средних предприятий, где нет высоких профессиональных требований и командной работы.

В российской экономической литературе иное отношение к планированию и государственному участию в экономике. Тревожит то, что околоправительственные круги экономистов, исчерпав ресурс научной аргументации, используют метод устрашения надуманными угрозами, якобы исходящими от государства.

В интенсивный оборот, в том числе и в правительственных кругах, запущена впечатляющая цифра 70% доли государства в экономике. При этом терминологическая путаница – сродни загадочности происхождения магической цифры, которая призвана напугать образом Левиафана. Одни под этой цифрой понимают вклад государственно-го сектора в производство ВВП: «Государство стремительно наращивает присутствие в экономике. Вклад его и госкомпаний в ВВП вырос до 70% в 2015 ...», – пишет ФАС [14]. Здесь сразу следует обратить внимание на два момента. Во-первых, ФАС, на который ссылаются Ведомости, правительственный орган и на его данные ссылаются министры в публичных выступлениях и даже некоторые представители академической науки [9]. Во-вторых, каким образом государство помимо госкомпаний участвует в производстве ВВП (ниже мы вернемся к этому сюжету). Другие этой цифрой оценивают долю госсектора в экономике. « В российской экономике общая доля госсектора, по оценке МВФ, составляет не менее 71% , в том числе госкомпании формируют порядка 29% ВВП...» [16]. Приведенная цитата важна тем, что в ней указан первоисточник – материал МВФ, к которому мы позже еще обратимся. Третьи употребляют более расплывчатое понятие «участие государства в экономике». Анализ начнем с последнего. В это расплывчатое понятие можно вместить не только госкомпании и бюджет, а всю легальную экономику, поскольку на нее всю распространяется налоговая и монетарная политика государства. Обширное и всеобъемлющее понятие не имеет научного и вообще точно определённого смысла. Но оно служит основой для спекулятивных заявлений о том, что государство везде расставило свои щупальца, поэтому его участие огромно и надо его сократить. Что касается вклада государства в ВВП. Между тем, по официальной статистике, в государственной собственности после тотальной приватизации осталось менее 3% предприятий, основных фондов в государственной собственности – менее 20%, а занятых в госсекторе (включая муниципальный уровень) – менее 30%. Ведь ВВП включает в себя блага, т. е. товары и услуги, которые без участия людей и средств производств, а не создаются. Ну а если меньшей долей ресурсов государству удастся проводить большую долю ВВП, то надо на этот сравнительно эффективный сектор приключать ресурсы от других, менее производительных секторов. Но ведь сторонники рассматриваемой точки зрения предлагают сократить этот сектор, в том числе и путем «новых волн» приватизации. Создается впечатление, что некоторые авторы настолько ангажированы, что даже не видят противоречивости своих изысканий. Если, по данным официальной статистики, занятых в госсекторе около 30% и на их долю приходится 70% ВВП, то следует определенный вывод о высокой эффективности госсектора. И отсюда никак не может следовать вывод о необходимости его сокращения.

На основе впечатляющих цифр, терминологической путаницы, методологической и методической неопределенности изысканий делаются далеко идущие выводы и предложения. А именно: за вычетом 70% «неэффективной» государственной доли в экономике на долю «эффективного» частного бизнеса остается лишь 30%. Вот где усматриваются основные беды российской экономики. Вот красноречивое заявление:

«Государство и госкомпании контролируют 70% российской экономики. ФАС признал государство главным врагом конкуренции» [16]. Виновник указан, остается принимать решения, в том числе о «второй волне» приватизации, и действовать. Конкуренция – это благопристойная ширма, за ней скрывается полюбленная на вкус устремленность к дешевой приватизации оставшихся у государства предприятий оборонного комплекса и естественных монополий. Алчущим хотелось бы напомнить, что два десятка лет нас уверяли в том, что стоит только передать «неэффективные» государственные предприятия в «эффективные» негосударственные руки, как развернется конкуренция и другие чудотворные силы рынка. Более 97% предприятий было приватизировано. Сперва следует запустить в этом огромном частном секторе конкурентно инновационный процесс, потом можно будет обсуждать продолжение того, что дало свои драматические результаты в 90-х годах. Поскольку подобные блюда с псевдолиберальной начинкой периодически подсовываются с завидной настойчивостью, без всякой оглядки на научную аргументацию, а их практическое использование не раз приводило экономику к кризисно-депрессивному состоянию, не следует очередной раз поддаться ложным рецептам. Следует отметить, что ФАС – правительственная организация. Исходящая от нее информация о государстве как главном угнетателе конкуренции может иметь далеко идущие практические последствия. Во-первых, в доле и роли государства будет найдена главная причина кризисно-стагнационного состояния экономики. Во-вторых, в этом направлении будут проводиться «оздоровительные» меры правительства.

Важность обсуждаемого вопроса требует обратиться к разбору методов определения доли и роли государства в экономике.

Нам не удалось обнаружить методику расчета ФАС 70% доли государства в экономике, на которую ссылаются периодические издания, средства массовой информации, чиновники правительственного уровня и даже представители академической науки. Наш анализ публикаций выявил любопытную логику событий, достойную описания. «Газете. RU в ФАС пояснили, что данная оценка является экспертным мнением, с которым Служба согласна.» [15]. К этому следует добавить, что здесь же утверждается, что «Министерство экономического развития также не смогло привести расчетов доли государства в экономике, ограничившись цитатой главы ведомства А. Улюкаева» [15]. Два экономических ведомства правительства ссылаются на экспертное мнение. «В частности, можно привести экспертное мнение, подготовленное Кириллом Андросовым (Председатель совета директоров Аэрофлота на Гайдаровском форуме 2016)» [15]. Указание на эксперта и источник позволяет продолжить анализ более целенаправленно. «...около 30% (ВВП – К. Х.) формируют компании с государственным участием, оставшиеся 40% – это вклад бюджетов всех уровней, – утверждает К. Андросов» [15]. Метод сложения производства ВВП госкомпаниями и расходов госбюджета, да еще и всех уровней, прямо выводит и на отчеты и методику МВФ. Это конечная инстанция и конечный источник мифической цифры. В докладе МВФ мы обнаруживаем следующее: «на государственный сектор приходится значительная доля экономической активности с выручкой не менее 71% ВВП, расходы – не менее 68% ВВП, а по оценкам профицит в размере 3 процентов от ВВП» [17]. Названная цифра в 71% не имеет никакого отношения к доле государства в производимом ВВП. Используются понятия «активность государства» и «выручка». Здесь вообще речь идет о государственных финансах, о чем свидетельствует последующее изложение, посвященное активам и обязательствам государства и корпоративного сектора. При этом используется методология «доходы расходы» применительно к финансам, о чем свидетельствует и указание

на профицит в 3%. Выручкой в финансовой сфере могут считаться доходы от продажи государственных ценных бумаг, что отразится и на обязательствах государства. Возникают и другие вопросы. Если бюджет государства в два раза меньше, то откуда берется остальная часть финансовых доходов, как она минует законодательный бюджетный процесс, на что тратится, и кто ее в итоге присваивает?

В данном случае ВВП используется как универсальный, но пассивный объект для сравнительной оценки, как это делается с другими показателями (объем инвестиций в сравнении с ВВП, государственный долг в сравнении с ВВП). О субъектах **производства** ВВП речь не идет. Вообще доклад МВФ посвящен фискальной проблеме и государственным финансам, а не методам расчета ВВП, определению доли роли государственного участия в этом процессе. Поэтому ссылка на данный материал МВФ для определения доли государства в ВВП или госсобственности некорректна. А других источников нет. Вот на такой научно-методической основе делаются громкие выводы: «Государство поглотило 70% экономики». «При этом госкомпании неэффективны и в нынешнем виде являются тормозом развития, заявил 23 сентября 2016 г. на Московском экономическом форуме глава ЦСР А. Кудрин» [19]. Итоговый приговор российской экономике в приведенном источнике такой. В России сложился неэффективный государственно-монополистический капитализм. Можно даже уточнить эту формулу – государственно-олигархический капитализм. Только следует уточнить: как и откуда он возник. А он не с неба упал, а возник в результате массовой приватизации, включая залоговые аукционы. Тогда куда приведут призывы ко второй волне приватизации. Прежде чем предлагать второй сеанс уже пройденного, надо подтянуть до эффективного уровня уже приватизированную массу ресурсов, прежде принадлежавших государству. Дальнейший разбор приведенной позиции не имеет смысла.

К ряду источников, посвященных обсуждаемому вопросу, в отдельную категорию следует выделить публикации, выполненные в жанре научного исследования.

В последнем (декабрьском) номере журнала «Вопросы экономики» опубликована статья, специально посвященная обсуждаемой теме, и она заслуживает особого внимания, поскольку в ней содержится методика, отличная от МВФ [1].

Авторы справедливо отмечают, что нет универсальной оценки определения анализируемых показателей: доли государственной собственности и ее роли в экономике. Сами авторы выбрали метод прямого и косвенного владения государством ценными бумагами корпораций. В рамках данного подхода используются две методики. Первая включает в государственную собственность прямое и косвенное владение не менее 10% акций (метод ЕБРР). Вторая включает в госсобственность владение любым количеством акций (метод Госкомстата).

Данная работа заслуживает внимания, поскольку не ограничивается ссылкой на МВФ, а предпринимается оригинальная попытка самостоятельного исследования сложного вопроса. Но обеим методикам присущ недостаток, который мы считаем коренным. Они основаны на владении государством вторичными активами, или фиктивным капиталом. Блага, составляющие ВВП, создаются не фиктивными, а реальными ресурсами в виде производственных фондов, вовлеченных в создание ВВП и трудовым ресурсом (рабочая сила). Собственность, в том числе и государственная, – довольно сложная категория. Она должна оцениваться стоимостью ресурсов (основного и оборотного капитала), потоком произведенных благ и доходов. И только в последнюю очередь собственность может быть охарактеризована вторичными активами (фиктивным капиталом). У данного подхода есть и другие более частные недостатки. Не будут охвачены

государственные и муниципальные предприятия, не имеющие акционерную форму, но производящие блага, включаемые в ВВП. Волатильность цен корпоративных акций на фондовом рынке имеет ряд причин, в том числе и неэкономических.

Если даже придерживаться данного подхода, то имеет смысл, чтобы государство владело контрольным пакетом, позволяющим реализовать собственность в ее экономическом содержании: контроль над движением ресурсов (включая слияния и поглощения), процессом производства благ (включая менеджмент) и распоряжение потоками доходов. В остальных случаях миноритарное владение имеет номинальный смысл. Эти компании будут функционировать как частные компании, включая контроль над доходами, дивидендную и инвестиционную политику. В данном случае можно говорить о собственности государства в рамках приходящихся на ее долю доходов через дивиденды. Для определения доли в ВВП это имело бы косвенный смысл, если бы ВВП определялся методом суммирования первичных доходов. Но с этой задачей справляется прибыль, относящаяся к первичным доходам и включающая, в том числе, и дивиденды.

Для продолжения анализа, как нам представляется, сперва надо отдельно изучить государственную собственность как таковую и участие государства в производстве ВВП, каждая из них имеет свои сложности. Это пересекающиеся, но не тождественные проблемы.

Собственность вообще и государственная собственность в частности относятся к числу самых сложных проблем. «В докторантурах, по свидетельству экономиста Стива Чена, права собственности долгое время считались «запретной зоной» в качестве тем докторской диссертации» [2, с. 19].

Если подойти к ее содержанию не только с позиций имущественной принадлежности, в особенности если иметь в виду принадлежность государству вторичных активов, а более комплексно и с учетом методологии запасов и потоков, то можно выделить следующие элементы:

- принадлежащее государству имущество;
- собственность на неимущественные права;
- государственный бюджет;
- элементы экономической политики.

Отметим сразу, не вся государственная собственность участвует в производстве ВВП.

Первый элемент состоит из естественных ресурсов, недвижимого имущества производственного и социального назначения, фондовых активов (акций, облигаций). Естественные ресурсы являются общенародным достоянием и должны служить государственным интересам. В конкретном экономическом смысле доходы от разработки и реализации естественных ресурсов, имеющие рентное происхождение, как уже отмечалось, должны присваиваться государством и использоваться на общенародные цели.

Государственное имущество социального назначения по определению предназначено для реализации интересов населения. Однако при государственных учреждениях социального назначения создаются коммерческие структуры, легально оказывающие платные услуги, что служит реализации индивидуальных или групповых экономических интересов с использованием государственного имущества. В данном случае на практике реализуется разрыв между запасами (госимущество) и потоками доходов. Но при этом создаются блага, входящие в ВВП, которые через владение акциями не могут быть учены.

Что касается государственного имущества производственного назначения, то проблема реализации интересов здесь представляется более сложной. Организационно оно представлено в виде унитарных и казенных предприятий. Если их функционирование направлено на реализацию исключительно государственных нужд, то цикл реализации интересов замкнут на государственном секторе, хотя и происходит дифференциация коллективных и государственных интересов. Работники таких предприятий должны иметь гарантированную оплату труда с элементами внутрихозяйственного экономического стимулирования. Положение других государственных предприятий, не полностью работающих на государственный заказ, двойственно. С одной стороны, они в приоритетном порядке должны удовлетворять государственные нужды, а с другой – функционировать на коммерческих условиях, реализуя групповой экономический интерес. Продукция казенных и иных государственных и муниципальных предприятий, не имеющих акционерную форму, также не может быть учтена в ВВП, через владение акциями.

Особого внимания заслуживают производство и реализация продукции, связанной с монопольным положением. Если монопольное положение получено за счет создания новых технологий и продукции, то результаты монопольного положения должны приоритетно удовлетворять интересы тех субъектов, которые их создали. Сверхдоходы, полученные в сфере функционирования естественных монополий и приравненной к ней (алкоголь, табак и др.), должны служить реализации общественного интереса. Едва ли может быть оправдано экономическое положение, когда государство отторгает от себя потоки доходов, приватизируя отрасли, приносящие рентный и монопольный доход и монопольную ренту, а затем прилагает огромные, зачастую малоэффективные, усилия по получению в бюджет части этих доходов, которые целиком ей принадлежали изначально (пример ЮКОСа).

Доходы – важнейший элемент экономической реализации собственности и интересов. Каждый участник экономических процессов может претендовать на долю доходов, в формировании которых принял участие. Доходы от естественных ресурсов и монопольных товаров, не будучи результатом экономической деятельности отдельных физических и юридических лиц, должны присваиваться государством и служить реализации общегосударственных или общенациональных интересов.

К государственному имуществу относятся приносящие доход активы, в том числе и акции. Это особая сфера функционирования государственной собственности, где отчетливо проявляется отсутствие контроля со стороны социального субъекта общенационального уровня. Это проявляется в низкой доходности корпоративных акций, принадлежащих государству. В компаниях со смешанной собственностью интерес представителей частного капитала значительно мотивированнее представителей государства.

Следующим элементом государственной собственности является бюджет, который в исследованиях по собственности оставался в тени и не включался в содержание государственной собственности. Объясняется это тем, что в трактовке содержания государственной собственности преобладал ресурсно-факторный подход, или «вещный» подход. Между тем бюджет представляет собой важный поток доходов (и расходов), который реализует социально определенные интересы.

В условиях рыночной экономики бюджет служит главным фактором реализации общегосударственных и общенациональных интересов. Правда, речь в данном случае идет об экономической возможности, которая осуществляется не автоматически, а под воздействием социально-политических сил в бюджетном процессе. Некото-

рые авторы расходы бюджета включают в ВВП, исчисляемый методом расходов. Такой подход корректен, если берется не весь бюджет, а только та его часть, которая идет на закупку товаров и услуг. Но включением бюджета в ВВП совершается ряд ошибок, в том числе и повторный счет.

Собственность на неимущественные права государства – особый элемент содержания государственной собственности. Совместно с экономической политикой она может оказаться главным элементом ее содержания в условиях индустриального и постиндустриального общества. Государственной собственностью, приносящей доход для реализации общесоциальных интересов, могут служить транспортные коридоры (наземные, водные, воздушные); контролируемое космическое пространство; эфирные частоты; основные коммуникации и объекты инфраструктуры; службы связанные с обеспечением безопасности движения всех видов транспорта. Перечень этот можно продолжить. Представляется, что в ВВП здесь могут быть включены не созданные блага, а доходы как важнейшая форма экономической реализации собственности.

В качестве особого элемента государственности мы включили экономическую политику. Такой подход нельзя считать традиционным для основных направлений экономической теории, специально занимающихся вопросами теории собственности. Он может быть обоснован воспроизводственным подходом к собственности и трактовкой ее содержания как процесса реализации определенных интересов. Экономическая политика существенным образом влияет на направления, структуру и интенсивность потоков доходов, которые могут быть учтены в ВВП по доходному методу. Налоговая, таможенная политика, политика доходов, динамики ВВП и занятости – эти и иные направления экономической политики служат реализации социально определенных интересов. Новейшая история России содержит достаточное количество свидетельств на сей счет. Явление «олигархов» в России объясняется тем, что экономическая политика была выстроена таким образом, что стала возможной концентрация значительной части прав собственности и экономической власти в руках узкой группы людей. Конкретизация экономической политики, приводящей к олигархизации экономики, последовательность и направленность реализации такой политики требуют особого исследования и описания. Основная суть заключается в том, что экономическая политика, влияющая на потоки доходов и реализацию интересов, выступает важным фактором государственной собственности.

Как воспроизводственный процесс все указанные моменты государственной собственности выступают в единстве. Но из этого не следует, что в ВВП можно объединять разные методы расчета для получения устрашающих цифр государственного участия в ВВП.

Теперь кратко о корпоративной собственности, поскольку государственному участию в ней придается решающее значение при определении доли государственной собственности и его участия в ВВП.

Логика образования эффективных корпораций состоит в том, что в исходном пункте их образования находится инвестиционный проект. Под этот проект, если он перспективен, мобилизуются средства акционеров, с помощью которых этот проект реализуется. Активы фирмы складываются из средств, заинтересованных этим проектом лиц. Мотивы контроля базируются на интересе акционеров. Получение и распределение доходов венчают этот жизненный цикл, который повторяется заново. Главная причина неэффективности корпоративной формы в переходной экономике России кроется в нарушении эффективной логики её образования. Вместо концентрации активов

под перспективный инвестиционный проект здесь происходило рассредоточение государственных активов без всякой связи с инвестиционным процессом. Если путем акционирования приобретались прибыльные фирмы, то «улавливание» доходов было главной целью приватизаторов. То, что в эффективно формируемой корпорации является завершающим этапом, в переходной экономике России было исходным пунктом. По сути, эта была рентноориентированная приватизация. Разрушение логики эффективности имело определенные последствия. Доходы и даже оборотные средства приватизированных предприятий отвлекались в спекулятивный сектор, который был более доходным по сравнению с реальным сектором. Инерционно приносящие доход средства производства невозобновляемо изнашивались. К такому же результату приводило инвестирование полученных доходов за рубежом. Разрыв прямой связи между доходами и их источниками разрушал логику эффективного функционирования акционерных обществ. Конечным выводом упомянутой выше статьи является неэффективность государственной собственности [1]. На самом деле проблема значительно шире. Неэффективность российских компаний, независимо от того участвует в них государство или нет, определяется характером их происхождения, противоречащим экономической логике эффективного происхождения данной формы организации предпринимательства.

Наша позиция о роли государственной собственности в структуре отношений собственности нуждается в некотором уточнении. Когда она измеряется исключительно принадлежащим государству имуществом, то искажается ее действительная величина. Приватизаторы в России ссылаются на то, что в развитых странах (например, в США) невелика доля государственной собственности. Отсюда делается вывод: чтобы стать развитой страной, надо доприватизировать все, что еще осталось неприватизированным. Предлагается даже приватизировать учебные заведения, учреждения культуры и т. д.

Собственность в данном случае рассматривается как запас, как принадлежащее государству имущество. Но если рассмотреть собственность как поток, которым распоряжается государство, то окажется, что государственная собственность в США составит около половины ВВП. Имея в распоряжении ресурсы такого масштаба, государство может проводить эффективную внешнюю и внутреннюю политику, в том числе и экономическую. Опыт именно развитых стран дает ориентиры на усиление роли государственной собственности. Ее структура в разных странах формировалась под влиянием конкретно-исторических причин. В одних странах государственное предпринимательство играет существенную роль, в других основной центр тяжести государственной собственности ложится на бюджет. Ставку на бюджет в структуре госсобственности могут делать те страны, где установлен баланс межсоциального распределения национального дохода, отлажен национальный механизм эффективного сбора налогов, высока налоговая дисциплина, гражданская и предпринимательская этика.

Россия пока еще очень далека от формирования подобного рода традиций. В условиях коррупции, высокой доли теневой экономики, олигархизации приватизация является неэффективной, поскольку ее результаты направлены на усиление указанных негативных тенденций. В этих условиях в России следует укрепить государственную собственность, и прежде всего в отраслях, где доходы не имеют предпринимательской основы.

Подведем итог. Государственная собственность имеет многослойную и многофункциональную структуру. Через нее определить долю государства в ВВП крайне сложно. Если ставить такую задачу, заранее определив, для чего ее надо решать, нужен другой подход.

Суть ВВП – это произведенные блага. Блага производятся с использованием ресурсов, в том числе и трудовых. Официальная статистика предоставляет возможность анализа в данном направлении.

Основные фонды в государственной собственности составляют около 17%. Среднегодовая численность занятых в государственной и муниципальной собственности составляла в 2014 году 27,9%. Поскольку статистика по оборотным средствам не приводится, рассчитать долю государства в производимом ВВП лучше через долю занятых. Большинство источников отводит государству 28–30% производимого ВВП. «По расчетам МВФ проведенном методом сложения расходов, в 2012 г. 26 крупнейших государственных компаний производили 28% российского ВВП, что почти соответствует вкладу КГУ в ВВП 61 крупнейшей компании» [1, с. 75]. Приведена цифра, которая соответствует доле занятых в госсекторе. Скорректировать этот показатель можно через разницу в средней производительности труда в государственном и негосударственном секторах. Если доля госсектора в ВВП не меньше доли занятых в нем, то нет оснований говорить о более низкой производительности труда и вообще неэффективности госсектора. И наконец, «В то же время оценка вклада в ВВП всего государственного сектора, включая бюджетные организации, сделанная МВФ, по данным за 2012 год, в размере 68% примерно совпадает с аналогичными расчетами ФАС (2016), согласно которым совокупный вклад государства и государственных компаний в ВВП России составил около 70%, а в 2005 г. эта доля не превышала 35%» [1, с. 75]. Методику и расчеты ФАС нам обнаружить не удалось, а ведомство, по свидетельству Газеты.RU, сообщило, что ни методики, ни расчетов нет, а на материалы МВФ мы уже ссылались. В них есть обе цифры 71 и 68. Первая означает доходы, вторая – расходы. Разница называется профицитом. Скорее всего ФАС взяло первую цифру из доклада МВФ, авторы статьи ссылаются на вторую. Основной темой доклада МВФ является, как отмечалось, фискальная политика, долговая нагрузка и т. п., а не методы расчета ВВП [18]. Об этом свидетельствует ссылка на бюджетные организации, которые прямо выводит на сложение бюджетных расходов и производимого ВВП. Метод расходов смешивается с производственным методом расчета ВВП, кроме того, очевиден повторный счет. И все это ради получения впечатляющей и даже устрашающей цифры, дающей карт-бланш на достаточно легкое обоснование основных причин экономических трудностей и столь же легкую возможность по их преодолению.

В заключение следует отметить два важных момента, ради чего написана данная статья.

Пора отказаться от количественного подхода к оценке доли и роли государства в экономике, в особенности от тех изысканий в этом направлении, которые на научно несостоятельной основе отстаивают идею «сокращения» государства новых «волн» приватизации.

Экономической науке следует перейти к неангажированному обсуждению качества роли государственного участия в экономике по критериям экономической и социальной эффективности. Хорошего (по данным критериям) государства должно быть как можно больше, плохого – как можно меньше.

Список литературы

1. *Абрамов, А.* Компании с государственным участием на российском рынке: структура собственности и роль в экономике / А. Абрамов, А. Радыгин, М. Чернова // Вопросы экономики. – 2016. – № 12.
2. *Бетелл, Т.* Собственность и процветание / Т. Бетелл. – М., 2008. – 19 с.
3. Бюллетень о развитии конкуренции // Ведомости. – № 4171 от 29.09.2016 г.
4. *Гайдар, Е.* Тактика реформ и уровень государственной нагрузки на экономику / Е. Гайдар // Вопросы экономики. – 1998. – №4.
5. *Гэлбрейт, Дж. К.* Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: АСТ, 2004.
6. *Илларионов, А.* Размеры государства и экономический рост / А. Илларионов, Н. Пивоварова // Вопросы экономики. – 2002. – №9; Как Россия потеряла XX столетие // Вопросы экономики. – 2000; Экономическая свобода и благосостояние народов // Вопросы экономики. – 2000. – №4.
7. *Мау, В.* Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития / В. Мау // Вопросы экономики. – 2002. – №7; Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. – 2009. – № 2.
8. *Нигматулин, Р.* Об оптимальной доле государственных расходов в ВВП и темпах экономического роста / Р. Нигматулин // Вопросы экономики. – 2003. – №3. – С. 125–131.
9. *Сидорова, Е. А.* Гайдаровский форум 2016: государство в экономике / Е. А. Сидорова, М. В. Клинова. – 2016.
10. *Хубиев, К. А.* О количестве и качестве роли государства в трансформационной экономике / К. А. Хубиев // Государство и общество; под общ. ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. – М., 2005.
11. *Хубиев, К. А.* О количестве и качестве государственного участия в экономике в системе альтернатив дирижизма и либерализма / К. А. Хубиев // Философия хозяйства. – 2012. – № 2 (80). – С. 14–28.
12. Экономический рост и вектор развития современной России / под ред. К. А. Хубиева. – М.: Теис, 2004.
13. *Ясин, Е.* Бремя государства и экономическая политика (либеральная альтернатива) / Е. Ясин // Вопросы экономики. – 2003. – №1; Перспективы российской экономики: проблемы и факторы роста. – М., 2002; Российская экономика. – М.: ВЭШ, 2002; Функции государства в рыночной экономике // Вопросы экономики. – 1997. – №6; Модернизация российской экономики: повестка дня // Модернизация российской экономики / отв. ред. Е. Ясин. – Кн. 1. – М., 2002.
14. Ведомости. – № 4171 от 29.09.2016.
15. Газета. RU 18.10.2016.
16. Коммерсант. – 29 декабря 2016.
17. International Monetary Fund. – 2014. – May. – P. 8.
18. <http://kommersant.ru/doc/2480928>
19. Finanz.ru 29.09.2016.

*Е. М. Бухвальд*¹

ПОЕДЕТ ЛИ ТЕЛЕГА ВПЕРЕДИ ЛОШАДИ?²

Утверждение в июне 2016 г. Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года [1] (далее – Стратегия) следует рассматривать как событие весьма неординарное, по меньшей мере, в двух аспектах. Во-первых, данная стратегия, безусловно, смотрится как наиболее значительный «официоз» в системе разного рода программ, концепций, «дорожных карт» и прочих документов, когда-либо принимавшихся в стране по вопросу развития и государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП). Во-вторых, данная стратегия стала одним из первых документов стратегического характера, разработанных и получивших законную силу после принятия федерального закона о стратегическом планировании в Российской Федерации [2]. По сути, Стратегия МСП стала своеобразным тестом нашей способности готовить высококачественные, работоспособные документы стратегического планирования.

В данной статье мы не будем останавливаться на тех достижениях и нерешенных проблемах российского МСП, которые нашли обстоятельное отражение в названной Стратегии. Отметим лишь то, что в качестве ключевых ориентиров Стратегии МСП к 2030 г. обозначен ряд масштабных задач, таких как увеличение хозяйственного оборота МСП в сопоставимых ценах в 2,5 раза по сравнению с 2014 г. Это соответствует увеличению доли МСП в ВВП России не менее чем в 1,5 раза. Стратегией также предполагается увеличение в 2 раза производительности труда занятых в секторе МСП по отношению к 2014 г.; увеличение доли обрабатывающей промышленности в хозяйственном обороте сектора МСП до 20% (против 12–13% в настоящее время). В плане социальных эффектов Стратегией предусматривается увеличение доли занятых в сфере МСП до 35% в общей численности занятых.

На повторяемость ключевых индикаторов Стратегии МСП по отношению к тем задачам, которые уже ставились в ранее принимавшихся документах аналогичной направленности, мы уже указывали ранее [3]. Однако, полагаем мы, вынужденная необходимость возвращаться в Стратегии к целевым индикаторам, которые уже ставились ранее (а часто и не раз!), не отвергает того факта, что в целом данный документ глубоко анализирует ситуацию в сфере российского МСП. Стратегия глубоко раскрывает основные проблемы и практические возможности усиления вклада этого сегмента рос-

¹ *Евгений Моисеевич Бухвальд*, главный научный сотрудник, заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор.

² Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта РГНФ №14-02-00324 «Альтернативы государственной политики в отношении малого и среднего предпринимательства России».

сийской предпринимательской среды в решение приоритетных для страны хозяйственных и социальных задач.

Цель данной статьи – проанализировать на ряде примеров то, насколько Стратегия «вписывается» в общую логику, основные принципы и систему документов, которые обозначены в 172-м ФЗ. Подобное исследование имеет и научное значение с точки зрения дальнейшей проработки теоретико-методологических основ стратегирования социально-экономического развития, и глубокий практический смысл. Ведь «пикантность» ситуации со Стратегией заключается в том, что она не просто появилась на свет до разработки и принятия основополагающих документов стратегического планирования. Документ был одобрен на фоне принятия решения об отсрочке практического решения этой задачи в полном объеме – с 1.01. 2017 г. до 1.01. 2019 г. [4]. Подобная ситуация неизбежно генерирует существенные сложности согласования основных положений Стратегии с приоритетами развития российской экономики как в отраслевом, так и в пространственном аспекте. Последнее особенно важно с учетом того, что откровенно слабым местом всех ранее принимавшихся программно-концептуальных документов по развитию и поддержке российского МСП и, соответственно, одной из наиболее весомых причин неудач с их реализацией неизменно была некая «самоизолированность» этих документов. Другими словами, постоянно наблюдалась недостаточная согласованность основных целей и инструментов государственной политики в отношении МСП с основными приоритетами отраслевого и пространственного развития национальной экономики [5]. Кроме того, ранее разрабатывавшиеся документы практически были лишены сценарного предвидения событий, в связи с чем в течение ряда кризисных периодов в развитии российской экономики сфера МСП оказалась неспособной обеспечить свою естественную для этих случаев функцию социально-экономического демпфирования. Станет ли в этих условиях новая Стратегия МСП действительно продуктивным рабочим документом для данного направления социально-экономической политики государства или останется еще одним выражением традиционного политеза в отношении российского малого бизнеса?

Стратегия МСП как старт системы стратегического планирования

Стратегическому планированию характерны следующие принципы:

- системный охват всех основных хозяйственных и социальных процессов в экономике в целом и ее отдельных отраслях в согласовании с пространственной картиной развития и размещения производительных сил;

- сценарный вариант долгосрочного социально-экономического планирования;
- долговременность целей и их адекватное экономическое обеспечение;
- программно-целевое управление и бюджетирование;
- использование механизмов государственно-частного партнерства.

Как вписывается Стратегия в канву 172-го ФЗ, в общую логику и основные принципы стратегического планирования в целом?

Строго говоря, в самом 172-м ФЗ ничего о сфере МСП непосредственно не говорится. Но это не значит, что требования стратегических подходов на государственную политику в отношении МСП вообще не распространяются. Во-первых, крайне сложно представить себе продуктивное социально-экономическое стратегирование в стране, особенно на субфедеральном уровне, вне представлений о долговременных трендах развития сферы МСП, а также и о потребных ей мерах государственной и муниципаль-

ной поддержки. Во-вторых, 172-й ФЗ ориентирован не на отдельные сегменты экономики, а на ключевые принципы, методы и документы стратегического планирования, детализация которых в практике управления будет определяться значительным числом подзаконных нормативно-правовых актов. В-третьих, в преимущественной мере успех стратегического планирования в стране в его отраслевых и пространственных составляющих в значительной мере будет определяться степенью взаимодействия целого ряда принятых в последнее время законодательных важных актов, создающих основу государственного регулирования экономики. Помимо названного выше закона о стратегическом планировании, это также закон о промышленной политике [6] и закон о государственно-частном партнерстве [7].

В соответствии с п.1. ст.11 172-го ФЗ, документы стратегического планирования на федеральном уровне, на уровне субъектов Российской Федерации и на уровне муниципальных образований разрабатываются в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования. При этом документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания, делятся на стратегические разработки по отраслевому и территориальному принципу. Анализ Стратегии МСП показывает, что по своему содержанию она не может быть однозначно отнесена ни к одному из названных блоков документов. Этот документ, несомненно, носит синтетический характер, интегрируя в себе элементы и целеполагания, и прогноза, и основ государственного программирования. Кроме того, Стратегия содержит в себе еще один важный функциональный блок, формально не обозначенный в 172-м ФЗ, но необходимость которого ныне становится все более очевидной. Это – блок институционального стратегирования, т.е. долговременного предвидения и практического осуществления тех институциональных новаций, которые должны обеспечить достижение ориентиров стратегического плана [8].

Формально Стратегию МСП можно соотнести с положениями ст.19 172-го ФЗ (Отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации), где к отраслевым документам стратегического планирования Российской Федерации относятся также стратегии отдельных сфер (?) социально-экономического развития и иные документы стратегического планирования, решение о разработке которых принято Президентом РФ или Правительством РФ. В принципе, можно было бы инициировать вопрос о включении Стратегии МСП в круг обязательных стратегических документов, предусмотренных 172-м ФЗ. Однако это могло бы повлечь за собой многочисленные аналогичные инициативы относительно стратегий развития того, что так или иначе может ассоциироваться с достаточно неопределенным понятием «сфера социально-экономического развития».

Однако, несмотря на те или иные формальные соподчиненности, система приоритетов и конкретных целей стратегического планирования должна быть единой и логически последовательной. В этом смысле отдельные положения Стратегии МСП, появившейся «априори» основного блока документов стратегического планирования, вызывают определенные сомнения. Это, в частности, касается формулировки тех принципов, на которых основывается как сама Стратегия, так и, судя по всему, базовая гипотеза ее практической реализации. Получается, что или Стратегия как бы диктует некие принципы всем иным последующим документам стратегического планирования, или между этими документами неизбежно возникнет существенное методологическое противоречие.

Первый из таких принципов, представленных в Стратегии, – «малый бизнес прежде всего. При проектировании и реализации государственных решений в сфере

регулирования предпринимательской деятельности в первую очередь учитываются интересы представителей малых и средних предприятий». На наш взгляд, здесь допущен явный перебор, который в итоге неизбежно приведет к конфликту приоритетов среди документов стратегического планирования. При всем уважении к авторам Стратегии очевидно, что все приоритетные задачи инновационной модернизации российской экономики, совершенствования ее отраслевой и пространственной структуры силами только МСП решены быть не могут. В этом плане куда более близким к истине нам представляется мнение Р. С. Гринберга: «...мантра про то, что малый и средний бизнес вытащит страну, совершенно беспочвенна. Малый и средний бизнес у нас очень активен и хорошо работает, но там, где есть спрос — в сфере строительства, общественного питания, торговли, сферы услуг и немного в финансовом секторе. И все. А почему его нет в промышленности? Потому что там нет нашего большого бизнеса. В этой области для большого производства, которое осуществляет поставку на рынок готовых изделий, узлы и детали производит малый бизнес. В России недостаточно бизнеса, ориентированного на масштабное производство и крупное машиностроение» [9]. Одним из сквозных принципов стратегического планирования во всех его ключевых документах должен быть не приоритет только малого или только крупного бизнеса, а формирование сбалансированной, высококонкурентной предпринимательской среды, отвечающей специфике отдельных отраслевых и пространственных сегментов российской экономики.

Не меньшее возражение вызывает и «постулат» Стратегии о том, что реализация ее целевых индикаторов обеспечивается за счет выделения следующих целевых групп (секторов) малых и средних предприятий:

- массовый сектор – предприятия, которые, как правило, специализируются на осуществлении торговых операций, предоставлении услуг гражданам, производстве и реализации сельскохозяйственной продукции и, таким образом, играют ключевую роль в обеспечении занятости, повышении качества и уровня комфорта среды для проживания;

- высокотехнологичный сектор – экспортно-ориентированные предприятия, предприятия в сферах обрабатывающего производства и предоставления услуг, быстрорастущие предприятия, которые обеспечивают внедрение инноваций и решают задачи по диверсификации экономики и повышению ее конкурентоспособности.

По нашему мнению, для всех предприятий (а не только для малых и средних) деление на «массовый» и «высокотехнологичный» сектора в современных условиях некорректно. Такое деление повторяет принцип развития экономики «советского типа», где полагалось возможным постоянно продвигать высокотехнологичный (прежде всего, оборонно-промышленный) сектор экономики на фоне консервации технической отсталости сферы «массового производства» (прежде всего, товары народного потребления). Однако в итоге крах этой модели оказался настолько очевидным, что трудно было ожидать, что кто-то возьмется за его реанимацию. По нашему мнению, одним из ключевых принципов стратегического планирования во всех его основных документах должна быть идея последовательности и всеобъемлющего характера инновационности и высокотехнологичного производства в отношении всех видов товаров и услуг. Только на этом пути можно решить сформулированную авторами Стратегии задачу «обеспечения занятости, повышения качества и уровня комфорта среды для проживания». Кстати заметим, что в известных «майских указах» Президента РФ речь идет не просто об обеспечении занятости, а о создании миллионов высокотехнологичных рабочих мест,

что со всей очевидностью недостижимо, если ограниченному высокотехническому сектору экономики, в том числе и в сфере МСП, будет противостоять некий «массовый», технически застойный сектор.

Вызывают сомнения и некоторые трактовки Стратегии в отношении институциональных аспектов государственной политики МСП. В частности, в документе содержится такой призыв: «Необходимо перейти от политики тотальных запретов к применению гибких инструментов регулирования, направленных на стимулирование предпринимчивости и творчества граждан». Конечно, стимулировать предпринимательский настрой, деловые инициативы граждан необходимо. Однако по поводу все еще якобы актуального ныне ухода от «политики тотальных запретов» – это уже явный перебор. «Тотальных запретов» в отношении МСП в России вообще никогда не было, а в последние десять лет продвижения по пути дерегулирования, при всей их противоречивости, стали достаточно заметны [10]. То, что Стратегия сегодня оперирует «тотальными запретами», по сути, ради красного словца, говорит о том, что авторы документа просто не различают формальные и неформальные аспекты взаимодействия власти и бизнеса.

Действительно, формально еще наличествующие сегодня факторы бюрократического давления на предпринимательскую среду во многом снимаются намеченной в Стратегии дальнейшей реализации решений, принятых в 2014–2015 годах. Это формирование и ведение единого реестра проверок; обеспечение 3-летнего моратория на проведение плановых проверок в отношении субъектов малого предпринимательства; апробация риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в отдельных сферах и пр. Однако на деле, как многократно свидетельствовали и эксперты, и сами представители самого малого бизнеса, нормативно ограниченные формальные методы регулирования и контроля довольно быстро трансформируются бюрократической средой в инструменты неформального воздействия. В их числе разного рода «навязанные услуги» со стороны действующих в интересах бюрократии «обслуживающих» или «обеспечивающих» структур; слабая защищенность интересов субъектов МСП как собственников и арендаторов, в т. ч. со стороны институтов судебной системы. Сюда же следует отнести различные формы оттеснения неугодных МСП от системы закупок для государственных и муниципальных нужд; многообразие и чрезвычайная усложненность многих видов разрешительных документов, в т. ч. в сфере внешнеэкономической деятельности и пр.

Понимание этой проблемы в Стратегии заметно, но косвенно, «подспудно». Речи идет о замещении публичной стороны во взаимодействии «власть – малый бизнес» уполномоченных органов исполнительной власти федерального и регионального уровня³ специализированными организациями, не выступающими как собственно властные структуры. Такой подход несколько снижает риски забюрократизованности всей системы государственной поддержки и регулирования МСП, однако также имеет свои слабые стороны. Так, институциональный раздел Стратегии МСП сконцентрирован вокруг деятельности «Корпорации развития МСП», осуществляемой в соответствии с №209-ФЗ, которая в документе рассматривается «системным интегратором мер поддержки

³ Именно по этой причине «не прошло» активно продвигавшееся еще 2-3 года назад предложение вернуться к деятельности существовавшего в 1995–1988 гг. Государственного комитета Российской Федерации по поддержке и развитию малого предпринимательства.

малого и среднего предпринимательства». Однако Корпорация не является федеральным органом исполнительной власти и не может в полной мере действовать, как сказано в Стратегии, как механизм, который позволит скоординировать действия органов власти всех уровней, представителей предпринимательского сообщества и организаций инфраструктуры поддержки МСП. Ни в одном нормативно-правовом документе, включая и Устав Корпорации (утв. Распоряжением Росимущества от 21 июня 2015 г. № 581-р), нет четкого описания о том, каковы ее координирующие полномочия по взаимодействию с федеральными органами власти, как с органами власти управления субъектов, с институтами поддержки МСП и его общественными организациями. Решение проблемы видится в том, чтобы «реанимировать» формально заложенную в 209-й ФЗ [11] идею общественно-государственной поддержки МСП, привлечь различные организации МСП не только к консультированию программ и отдельных мер поддержки МСП на всех уровнях управления, но и к общественному контролю за всеми формальными и неформальными сторонами взаимодействия власти и бизнеса. Эти позиции необходимо отразить и в законодательстве о государственно-частном партнерстве, в частности в виде дополнительной главы в названный выше 224-й ФЗ 2015 г.

Стратегия МСП: что можно и нужно улучшить

Центральное место в новой Стратегии развития и поддержки МСП должно занять утверждение новой, отвечающей вызовам времени идеологии этого «среза» экономической политики государства. Отсюда и требование новой системы приоритетов, институтов и инструментов реализации этой политики. Это тем более необходимо, учитывая, что в российских условиях в течение последних 20 лет эта политика в преимущественной мере основывалась на идеологии государственного патернализма в отношении МСП, на предпочтении все охватывающих («веерных») мер его поддержки и, соответственно, вливания в эту сферу значительных бюджетных ресурсов. Последнее, как приходится признать, отвечало и отвечает не только нуждам самого малого бизнеса, но и коррупционным интересам части государственного аппарата, что в итоге во многом и предопределяло низкую результативность бюджетных затрат на указанные цели.

Отсюда и сложилась ситуация, при которой в практике государственной политики в отношении МСП преобладающими оказались принципы вспомоществования, льготирования, квотирования и пр. Разумеется, эти методы государственной политики в отношении МСП как таковые никто не подвергает сомнению: они были и остаются значимыми в практике поддержки МСП всех экономически развитых и тем более развивающихся стран. Другое дело, когда эти принципы приобретают самодовлеющий, часто безальтернативный характер; как бы отрываются от социально-экономических реалий и вызовов времени. Тогда результативность государственной политики в отношении МСП, как показала российская практика, существенно снижается и, соответственно, на каждом новом этапе социально-экономическая отдача от каждого бюджетного рубля, направляемого на эти цели, неизменно сокращается.

С этих позиций совершенно очевидно, что стратегия МСП до 2030 г. не сможет эффективно «работать», будучи простым подновлением целой серии подобных документов, принимавшихся в предшествующие годы и не имеющих особого успеха в плане их практической реализации. Иначе итоговый результат новой стратегии МСП опять будет таким же. Примером может служить так называемая «Дорожная карта» «Развитие малого и среднего предпринимательства» до 2012 г., которая, кстати, предусматривала

увеличение доли сектора МСП в ВВП страны с 21% в 2008 г. (что мы имеем и сегодня) до 29% в 2012 г., чего мы так и не достигли. Сейчас предполагается довести эту долю до 45–50% (!), что на деле требует в принципе иной структуры всей национальной экономики в целом и, следовательно, очень тщательного согласования целевых индикаторов Стратегии МСП с теми основными положениями и конкретными задачами, которые будут представлены в отраслевых стратегиях для российской экономики.

Как мы полагаем, последовательная наработка системы документов стратегического планирования рано или поздно потребует значительного числа согласительных поправок и уточнений в Стратегию МПС, а также принятия соответствующих им законодательных новаций. Для того, чтобы в ходе этих уточнений получить в лице Стратегии регулятивный документ нового, действительно стратегического характера, нужно, как минимум, определиться с двумя главными вопросами. Во-первых, четко сформулировать то, что конкретно подлежит стратегированию в сфере развития и государственной поддержки МСП и, главное, отвечает ли этим требованиям нынешний вариант Стратегии МСП. Во-вторых, в какой мере и как конкретно следует увязывать подобную стратегию с иными документами отраслевого и территориального стратегического планирования. Как мы полагаем, четкая позиция по двум названным вопросам должна быть сформулирована и закреплена на законодательном уровне.

Что же конкретно подлежит стратегированию в сфере развития и государственной поддержки МСП? Разумеется, стратегирование в сфере развития и поддержки МСП не может свестись к количественному и качественному видению того, как хотелось бы видеть этот сектор российской экономики в долговременной перспективе. Без такого видения всякая стратегия «слепа», а без понимания того, что эта идеальная картина не достижима только методами государственной политики в отношении МСП, вне общего стратегического курса преобразований в российской экономике, всякая стратегия просто беспомощна. В этой связи, как мы полагаем, в содержательном плане всякая Стратегия МСП будет заведомо малопродуктивна, если она будет просто повторять идеологию и практический инструментарий государственной политики в отношении МСП, которые сложились за 20 лет экономических реформ в России и ныне нуждаются в глубоком переосмыслении. Речь идет о переходе к новой, фокусно-ориентированной государственной политике в отношении МСП. Реализовать эффективную систему мер поддержки МСП вне выделения в ней соответствующих фокусных групп в настоящее время в принципе невозможно. Это требует системы мер:

- ориентированной в преимущественной мере не на вспомоществование и льготирование, а на быстрое достижение рыночной зрелости и устойчивости основной массы МСП, на достижение их все большей независимости от факторов так называемой «государственной поддержки»;
- ориентирующей на уже сложившуюся внутреннюю сегментацию российского малого бизнеса по потребным мерам содействия со стороны государства, что, собственно, и должно стать своеобразным компасом для данного направления экономической политики государства;
- возросшую способность российского малого бизнеса осуществлять уже не только и не столько «компенсаторные» функции в экономике переходного типа, но и решать задачи стратегического характера, в том числе и связанные с инновационной модернизацией производства и политикой реиндустриализации;
- учитывающей качественно различия, характеризующие степень развития МСП в различных регионах России и отсюда – необходимость локально специфических мер

государственной поддержки малых форм хозяйствования на основе согласования усилий федерального, регионального и муниципального уровня управления.

Таким образом, очень важно, чтобы стратегическое планирование в сфере МСП не вылилось лишь в фиксацию тех или иных количественных показателей на перспективу. Необходим особый «срез» институционального стратегирования, т. е. планирования на долговременном горизонте тех институциональных новаций, которые должны обеспечить собой достижение приоритетов плана, в том числе по развитию сектора МСП и усилению его позитивного воздействия на развитие всей национальной экономики. В числе таких предлагаемых Стратегией новаций следует назвать создание единого центра поддержки МСП (видимо, имеется в виду названная выше Корпорация МСП); новые рыночные ниши и новые возможности технологического развития для малого бизнеса; доступное финансирование и предсказуемая фискальная политика, а также квалифицированные кадры. Дает ли это достаточные основания говорить о том, что реальное стратегирование в развитии российского МСП и формировании соответствующего направления экономической политики государства состоялось?

Общий курс очерчен в целом верно. Однако, по нашему мнению, эффективное стратегирование развития и государственной поддержки МСП возможно только в том случае, если это стратегирование в полной мере преодолевает прежнюю тенденцию самоизолированности этого направления экономической политики государства и только в увязке со всеми исходными или ключевыми документами стратегического планирования – как отраслевой, так и пространственной направленности. Ключевую роль среди этих документов играет Стратегия развития социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г., работа над которой все еще продолжается. В этой связи действующий вариант Стратегии МСП преодолеть названную выше тенденцию самоизолированности государственной политики в отношении МСП просто объективно оказывается не в состоянии.

Как уже было отмечено выше, в институциональном смысле Стратегия делает основной упор на деятельность Корпорации МСП. Роль Корпорации МСП как «единого центра» такой поддержки, конечно, очень существенна, но решения всех задач государственной политики в отношении МСП в их огромном разнообразии Корпорация в одиночку явно «не вытянет». Как уже отмечали наши эксперты, решение комплекса задач модернизации российской экономики, перестройки ее отраслевой и пространственной структуры требует формирования системы институтов развития. Помимо «центральных» институтов развития (Внешэкономбанк, Инвестиционный фонд, Фонд прямых инвестиций, Фонд развития промышленности, Фонд поддержки моногородов и пр.), а также многочисленных государственных корпораций действует значительное число «рассредоточенных» институтов развития (наукограды, федеральные и региональные особые экономические зоны, зоны территориального развития, зоны опережающего социально-экономического развития, свободный порт, промышленные округа и индустриальные парки).

Усиление роли всех видов институтов развития – одна из наиболее прогрессивных тенденций в формировании современной политики, нацеленной на решение задач инновационной модернизации и структурной перестройки национальной экономики. Эта тенденция в полной мере касается и политики развития и поддержки МСП, поскольку содержит в себе, во всяком случае в потенци, большие возможности частичного разгосударствления этой политики, ее дебюрократизации и усиления целевого начала в отношении фокусных групп МСП как по отраслевому, так и по территориальному признаку.

При этом, независимо от степени функциональной специализации тех или иных из этих институтов, все они на деле одновременно реализуют задачи подъема отдельных высокотехнологичных отраслей производства, устойчивого социально-экономического развития территорий локализации, а также оживления в ареале их действия всех форм предпринимательской активности, включая и систему субъектов малого и среднего предпринимательства [12, 13]. Все меры и практические инструменты по развитию российского МСП, по приданию ему современного облика окажутся малопродуктивными, если не будет в достаточной степени обеспечено взаимодействие этих мер со всеми подобными институтами, что, собственно, хорошо заметно в Стратегии МСП. Помимо общих призывов к взаимодействию ничего конкретного на сей счет документ не предлагает.

При этом стоит обратить внимание, что в последнее время обозначились признаки неудовлетворенности итогами деятельности многих институтов развития, что, в частности, проявилось в намерении заморозить создание новых федеральных ОЭЗ и даже закрыть некоторые из числа ранее уже утвержденных. По опубликованным оценкам, начиная с 2006 г. на формирование и обустройство 33 федеральных ОЭЗ было направлено 186 млрд руб., из которых 24 млрд руб. в итоге так и не были использованы. Налоговые и таможенные платежи резидентов зон за это время составили только 40 млрд руб. Вместо плановых 25 тыс. рабочих мест к 2016 г. в этих зонах было создано 18 тыс. рабочих мест. При этом создание одного рабочего места в ОЭЗ обошлось в 10,2 млн руб. Этих средств хватило бы на то, чтобы выплачивать занимающим эти рабочие места работникам среднюю по стране заработную плату в течение 25 лет [14].

Не вдаваясь специально в этот вопрос, отметим лишь, что, по нашему мнению, низкая результативность ряда ОЭЗ и иных институтов развития, в том числе и по показателям создания рабочих мест и налогово-бюджетного эффекта, во многом была обусловлена все тем же трендом самоизолированности в их деятельности; отсутствием с их стороны мощного позитивного импульса для оживления всех форм предпринимательской и инвестиционной деятельности в данном регионе, включая и толчок к активизации малых форм хозяйствования – как прямых участников (субъектов) институтов, так и на кооперационной основе.

С точки зрения эффективной стратегии развития и государственной поддержки МСП здесь как бы необходимо движение с двух сторон. С одной стороны, Стратегия МСП должна более четко и конкретно отражать и практически проводить положение о том, что при координирующей роли Корпорации МСП вся совокупность целей и задач государственной политики в этом направлении в равной мере реализуема через всю систему действующих институтов развития как федерального, так и регионального, а в отдельных случаях – и муниципального уровня. С другой стороны, нормативные документы, регулирующие деятельность различных институтов развития, должны содержать четкое указание на то, что эти институты параллельно с их иными функциями реализуют и определенные задачи по развитию малых форм хозяйствования. К сожалению, реализовать эту установку достаточно сложно. Это связано с тем, что в Российской Федерации в настоящее время отсутствует единая законодательная база в отношении формирования и деятельности институтов развития. По сути, каждый отдельный вид таких институтов регулируется особым отдельным федеральным законом или законом субъекта Федерации, а также нормативно-правовыми актами системы местного самоуправления. Задача, как мы полагаем, могла бы быть решена путем принятия «рамочного» федерального закона «Об институтах развития в Российской Федерации»,

который определил бы основные типы таких институтов, их целевые функции и механизмы взаимодействия, а также принципы пространственной локализации. Здесь было бы целесообразно нормативно закрепить и определенную долю ответственности всех видов институтов развития за развитие малых форм хозяйствования.

Одним из наиболее важных аспектов структурной перестройки российской экономики является решение проблем ее пространственного развития [15]. В числе этих проблем – сокращение высокой степени социально-экономической дифференциации российских регионов, что предполагает существенный вклад и со стороны активного пространственного распространения малых форм хозяйствования. Несомненным позитивом 172-го ФЗ следует считать то, что он не только выделил как самостоятельный пространственный аспект социально-экономического стратегирования, но и поставил во главу угла социально-экономической политики государства взаимообусловленность отраслевого и пространственного «срезов» стратегического плана для страны.

В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что в стратегии МСП в Российской Федерации до 2030 г. слабо представлен пространственный аспект развития и поддержки МСП. Опять-таки, в решающей степени это можно объяснить неготовностью тех документов, которые предусмотрены ст. 20-й 271-го ФЗ, а именно Стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также основы государственной политики регионального развития. На данный момент содержание этих документов видится в достаточно общем виде. Так, Правительством РФ принято постановление, предварительно определяющее содержание, состав, порядок разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации [16], но даже косвенного указания на необходимости отразить в этой стратегии роль малых форм хозяйствования в документе не имеется.

Между тем, как было сказано выше, межрегиональная дифференциация в этой сфере настолько велика, что все разговоры о тенденциях и проблемах МСП, о необходимых путях (мерах) его поддержки «вообще» часто напоминают формулу «средней температуры в больнице». Это значит, что российскому малому бизнесу необходимы территориально дифференцированные меры поддержки, и только они могут способствовать выравниванию экономики России как «поля» развития МСП, а также сыграть заметную роль в позитивном сближении уровней экономического развития ее регионов.

Формально имеющийся вариант Стратегии МСП содержит особый раздел 7 – «Стимулирование развития предпринимательской деятельности на отдельных территориях». Однако его положения носят общий, декларативный характер; они не опираются на принцип учета специфических особенностей социально-экономического развития различных групп регионов России и, соответственно, не содержат даже самой общей характеристики особых проблем и трудностей развития МСП в этих типах регионов, равно как и конкретных предложений по преодолению этих трудностей. Как мы полагаем, и для Стратегии МСП, и для других документов стратегического планирования должно иметь принципиальное значение положение 870-го Постановления о стратегировании социально-экономического развития на основе «отнесения городов и регионов Российской Федерации к определенным типам». Следует признать, что данное постановление – один из первых правительственных документов, где отчетливо признается значение типизации регионов как обязательного условия эффективной политики пространственного развития. В этой связи пока трудно сказать, какой должна быть

методологическая база этой типизации и должна ли эта типизация быть «сквозной» для всех направлений экономической политики, или в каждом случае эту типизацию предстоит строить на неких специфических признаках, включая и уровень развития МСП. Последнее предполагает дифференциацию мер федеральной поддержки МСП в различных типах регионов России, равно как и условий ее предоставления, а также обязательную координацию этой политики с реализацией федеральных программ и проектов и, конечно, с деятельностью федеральных институтов развития в том или ином регионе.

В равной мере практическое задействование ресурса МСП как фактора оптимизации пространственного развития российской экономики требует дальнейшего акцента на децентрализацию этого направления экономической политики государства, создания механизмов стимулирования органов регионального и муниципального управления в осуществлении действенных мер поддержки МСП на местах. Номинально стратегия декларирует такой принцип государственной политики в отношении МСП, как «создавать условия для развития малых и средних предприятий – выгодно». Однако в этом направлении стратегия, как и многие предшествующие документы подобного рода, снова и снова обещает, что будет сформирована система стимулов для вовлечения органов государственной власти и органов местного самоуправления в деятельность по развитию МСП. Однако что это за стимулы, стратегия не конкретизирует, а то, что в ней описывается (например, поэтапная передача в местные бюджеты большей доли налоговых поступлений; проработка вопроса об установлении дополнительных отчислений в местные бюджеты по всем налоговым поступлениям, уплачиваемым субъектами МСП) на деле обсуждается – и пока безрезультатно – уже не один год. Давно пора проработать более конкретные предложения в этом направлении.

* * *

При всех названных и иных пробелах Стратегии МСП ее реализация, несомненно, будет качественно новым шагом в этом направлении экономической политики государства. Однако само нынешнее позиционирование данной Стратегии «априори» всей системы стратегического планирования создает ситуацию «телега впереди лошади». Поедет ли такая конструкция? В гужевом извозе – заведомо нет, а вот в системе управления это возможно. Главное – не воспринимать нынешний вариант стратегии как «истину в последней инстанции» и последовательно ее совершенствовать по мере работы всего блока документов стратегического планирования. Кроме того, как мы полагаем, требует соответствующих дополнений 209-й ФЗ 2007 г. о развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации [11]. Так, ст. 2 данного закона следует дополнить определением и фиксацией основных требований к общегосударственной, региональной и муниципальной стратегии развития МСП. Соответственно, ст. 9, 10 и 11 этого закона следует дополнить указанием на полномочия органов государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по формированию стратегий развития и поддержки МСП в соответствии со всеми иными документами стратегического планирования, разрабатываемыми на данном уровне управления. Реализация этих норм, несомненно, будет способствовать существенному усилению стратегических начал в развитии российской экономики, в т. ч. и в сегменте малых форм хозяйствования.

Список литературы

1. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. №1083-р.
2. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
3. Бухвальд, Е. М. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в России до 2030 года: амбиции и реалии / Е. М. Бухвальд // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – №1. – С. 66–80.
4. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. №210-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
5. Бухвальд, Е. М. Правовые и институциональные проблемы государственной политики развития и поддержки малого и среднего предпринимательства / Е. М. Бухвальд // Вестник Финансового университета. – 2016. – №3 (93). – С. 6–18.
6. Федеральный закон от 31 декабря 2014 года №488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».
7. Федеральный закон от 3 июля 2015 года №224-ФЗ «О государственно-частном, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации...».
8. Стратегическое планирование – институциональная основа перехода к устойчивому развитию российской экономики // Федерализм. – 2016. – №1. – С. 19–30.
9. <http://www.business-gazeta.ru/article/131787/>
10. Клисторин, В. И. Скромное обаяние государства / В. И. Клисторин // ЭКО. – 2015. – №5. – С. 69–81.
11. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».
12. Бухвальд, Е. М. Институты развития и формирование инновационной экономики в России / Е. М. Бухвальд // Векторы смены экономического курса. – Вып. 10. – РЭУ им. Г. В. Плеханова; Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. – М.; Тамбов, 2015. – С. 115–128.
13. Издиев, Г. И. Институты модернизации региональной экономики / Г. И. Издиев // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – №41. – С. 10–17.
14. <https://lenta.ru/news/2016/06/09/oesbanpeskov/>; <http://ria.ru/economy/20160618/1449104130.html#ixzz4CodDsw00>
15. Бухвальд, Е. М. Какой быть стратегии пространственного развития для России? / Е. М. Бухвальд // Экономическое возрождение России. – 2016. – №1. – С. 41–52.
16. Постановление Правительства РФ от 20 августа 2015 г. №870 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации».

Ж.-Л. Трюэль¹, А. К. Рассадина²

ОПЫТ ФРАНЦУЗСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЗАДАЧИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Инструменты промышленной политики, включая различные виды планирования и прогнозирования, весьма широко применяются в большинстве развитых и растущих экономик мира в течение уже более полувека. При этом позиция западных стран зачастую состоит в том, что, при настойчивом продвижении идеи свободного рынка за пределами своих границ и навязывании развивающимся государствам исключительно мер по либерализации их экономик, сами они всегда использовали и используют промышленную политику и различные плановые методы экономического регулирования в качестве важнейшей составной части собственной стратегии развития. Роль этих инструментов в экономиках высокоразвитых государств на самом деле намного значительнее, чем это принято считать.

В России, экономика которой находится сегодня в состоянии глубокой затяжной депрессии, в условиях не только существующего, но и растущего научно-технологического отставания от экономически развитых стран, когда вопросы структурной трансформации на базе реиндустриализации, инновационного развития и технологической модернизации являются критичными для дальнейшего развития страны, использование различных форм планирования и экономического прогнозирования встает на повестку дня со всей определенностью.

Необходимость активного использования различных форм государственного регулирования экономического развития, в том числе применения грамотной промышленной политики и различных видов планирования, неоднократно обосновывалась в работах таких известных российских экономистов, как Бодрунов С., Бузгалин А., Глазьев С., Гринберг Р., Губанов С., Дзарасов С., Ивантер В., Колганов А., Рязанов В., Пороховский А., Татаркин А., Полтерович В., Сорокин Д., Хубиев К. и др.

На самом деле, термин «планирование» обозначает достаточно широкий круг явлений и инструментов:

- с одной стороны, он широко используется для характеристики функционирования плановой экономики – прежде всего той, которая имела место в СССР и странах СЭВ во второй половине XX века, а также в Китае и Вьетнаме;
- с другой стороны, термин «планирование» применяется в контексте индикативного планирования;

¹ Жан-Луи Трюэль, профессор Парижского университета Кретьейл, вице-президент клуба Кондратьева.

² Алла Константиновна Рассадина, старший научный сотрудник экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, канд. экон. наук.

• и, наконец, когда речь идет о различных формах социально - экономических прогнозов, широко используемых в большинстве развитых и растущих экономик сегодня.

Особое место среди различных форм государственного регулирования экономики занимает так называемое «индикативное планирование», получившее широкое распространение в целом ряде стран в основном в 50-е – 70-е годы прошлого столетия и применявшееся, в частности, во Франции, Японии, Скандинавских странах, Ю. Корее. При всех отличиях европейской, прежде всего французской, модели от азиатской аналогичными были цели, которые ставили правительства этих стран, заключавшиеся в необходимости осуществления радикальных модернизационных, прежде всего, технологических преобразований.

В данной статье мы не ставим целью проанализировать возможные конкретные варианты и формы индикативного и других форм планирования в русле решения стоящих перед российской экономикой задач – это отдельная большая тема, а хотели бы остановиться более подробно на французском опыте. Это связано с тем, что исходные задачи, которые ставило правительство Франции, обращаясь к индикативному планированию в конце 40-х – начале 50-х годов, а также цели, лежавшие в основе использования данной модели планирования другими странами, во многом корреспондируются с целями, стоящими сегодня на повестке дня в Российской Федерации.

Не останавливаясь на определении индикативного планирования – его принципы достаточно известны – попытаемся проанализировать функционирование французской модели с учетом как позитивных, так и негативных факторов.

Система экономического планирования в той или иной форме функционирует во Франции, начиная с 1945–1946 года, и на протяжении всех лет ее сопровождали зачастую противоречивые представления относительно формы и степени контроля экономики со стороны государства.

Наибольший интерес к французскому опыту именно **индикативного** планирования приходится на конец 1950-х – начало 1960-х годов. Страна превращалась в одного из ведущих игроков на европейской сцене, и де Голль бросил прямой вызов американской гегемонии в мире в целом и роли доллара в частности, а также вторжению американских транснациональных корпораций во французскую промышленность. Французское правительство активно применяло политику экономического дирижизма, одной из главных характеристик которого была система планирования.

Успешный опыт применения индикативного планирования во Франции имел большой резонанс и в других странах, а его использование стало в то время чем-то вроде популярного тренда. В 1959 году Бельгия начала применять французскую модель. Учреждение в Великобритании Национального Совета по экономическому развитию состоялось, по общему признанию, также под воздействием примера Франции. Установление Канцлером Германии Людвигом Эрхардом четырехлетней структуры формирования годового бюджета и создание им Совета экономических советников также во многом обязаны развитию французской модели «социальной рыночной экономики» и разработке индикативных планов [5, с. 84 – 94].

Многие публикации того времени делились на две категории. Первая относилась к успехам в экономическом развитии Франции того периода именно к применяемой там системе планирования. В числе наиболее значимых таких работ была книга А. Шонфильда «Современный капитализм»³. При этом значительное число публикаций было

³Shonfield A. Modern Capitalism. – London, 1965.

посвящено критическому осмыслению планирования во Франции. К ним относятся работы Шеана, Коена, Лютца и др.⁴ Ко второй категории относятся и те публикации, в которых утверждалось, что французское планирование 1960-х годов не оказывало значительного влияния на последовательность проводимой тогда правительством промышленной политики⁵. Подобные утверждения были поддержаны и в ряде публикаций в самой Франции⁶.

Противники использования французского опыта указывали на то, что французская модель планирования является в значительной степени чисто французским феноменом. Они утверждали, что в развитых западных странах, где имеет место конкуренция, возможности инновационной деятельности, грамотное перераспределение ресурсов, разумные и эффективные монетарные и фискальные механизмы – индикативное планирование не является насущной проблемой. Однако даже они признавали, что там, где эти составляющие экономического роста не присутствуют в должной мере или находятся в латентном состоянии, требуется определенный механизм для их возникновения или приведения в действие. И в этом случае планирование представляется наиболее эффективным инструментом. Вопрос о том, может ли французский тип планирования способствовать экономическому росту в странах, где вышеперечисленные его составляющие отсутствуют, то есть в менее развитых государствах или в государствах, переставших находиться на передовых рубежах экономического роста (что произошло к концу 60-х гг. в Великобритании), активно дискутировался западными учеными и практиками. При этом признавалось, что французская экономика 50-х годов, была успешно сбалансирована и смогла использовать планирование для колоссального стимулирования эффективного развития.

К концу 60-х годов интерес к системе французского планирования уменьшился, что было связано с изменениями в ней самой по сравнению с началом десятилетия.

Первый этап, связанный с применением во Франции государственной промышленной политики и планирования в форме разработки **индикативных планов**, приходится на годы с 1945-го по 1990-й. Однако на протяжении этого периода происходили существенные изменения в роли индикативных планов в экономическом развитии Франции. В целом, экономическая политика государства в те годы основывалась на трех главных факторах:

- индикативное планирование на основе соответствующей организации процесса – разработки пятилетних планов,
- поддержка французских мега-проектов,
- поддержка крупных корпораций (так называемых «национальных чемпионов»).

В целях осуществления государственного индикативного планирования в 1946 году во Франции был создан Генеральный Комиссариат по Планированию (Commissariat General du Plan (CGP)). Этот влиятельный и уважаемый институт, лишенный догматической тяжеловесности, осуществлял деятельность, связанную с определением общенациональных целей экономического развития и роста, а также с разработкой инстру-

⁴ Sheahan J. Promotion and Control of Industry in Post-War France. Cambridge. Mass, 1963; Cohen S. S. Modern Capitalist Planning, The French Model. Berkeley. Calif, 1969, second edition, 1977; Lutz V. Central Planning for the Market Economy. London, 1969.

⁵ McArthur J. Scott B. Industrial Planning in France. Cambridge. Mass, 1969.

⁶ Stoleru L. L'Imperatif Industriel. Paris. 1969.

ментов по их достижению. В рамках этой деятельности использовались экспертные оценки самого высокого уровня. К работе, связанной с разработкой индикативных планов, привлекались различные общественные силы – профсоюзы, чиновники, представители бизнеса и др. При этом важная роль отводилась специализированным Комиссиям. Важной отличительной особенностью данных процессов была их независимость от краткосрочной политической конъюнктуры.

Три основные функции французского индикативного планирования состояли в следующем:

- Анализ предполагаемых перспектив развития. Он состоял в распространении информации, касающейся возможных будущих трендов в сфере экономики, развитии технологий и социальных процессов. Пятилетний план обозначал приоритетные задачи развития на весь планируемый период, не вдаваясь в операционные детали. При этом обеспечивался доступ к этой информации широкого круга участников.

- Помощь в осуществлении социального диалога. Процесс обсуждений, которые проводились в специализированных Комиссиях, содействовал большему взаимопониманию между экономическими, социальными и политическими участниками, принимающими конкретные решения.

- В ряде случаев индикативное планирование несло на себе функцию по достижению консенсуса по наиболее значимым реформам, проводившимся во Франции. В качестве примера можно привести достижение консенсуса по реформе, связанной с внедрением нового метода финансирования общественной безопасности за счет отчислений из всех видов доходов, а не только заработной платы, как делалось прежде.

Применение системы индикативного планирования во Франции обеспечивало создание согласованной системы действий в различных сферах деятельности:

- в реализации крупных инфраструктурных проектов,
- в промышленной и инновационной политике,
- в региональном развитии.

После нефтяного кризиса 1973–1974 гг. роль индикативного планирования во Франции начала снижаться. Но с 1981-го по 1986 год вновь наблюдалась его активизация, что во многом было связано с приходом к власти социалистов.

С конца 70-х гг. необходимость внесения корректировок в процесс планирования в связи с возрастанием международной конкуренции генерировала новые идеи, которые, по существу, легли в основу новой версии индикативного планирования во Франции. Правительство было сильно обеспокоено тем, что, несмотря на то что страна достигла уровня одной из ведущих мировых промышленных держав, она еще не нашла свою правильную нишу в плане обладания сравнительными экономическими преимуществами. Наиболее значимые исследования второй половины 70-х годов, проводимые, прежде всего, в русле работы над 8-м Планом [12], показали, что французская экономика является весьма конкурентоуязвимой как в сфере производства высокотехнологичной продукции со стороны других развитых государств (Германии, Японии, США), так и в производстве низко- и среднетехнологичных продуктов, производимых новыми индустриальными странами [7, с. 6]. При этом работа над 7-м и 8-м Планами сопровождалась серьезными дебатами относительно мер против рецессии, в которую погружалась экономика Франции. Однако власти их в значительной степени проигнорировали.

По мнению Кейва, основная роль Комиссариата по планированию в тот период состояла в организации комплекса консультаций и обеспечении участия в дискуссиях,

касающихся разработки Плана. Это было очень важно для достижения широкого социального консенсуса по выработке приоритетов в национальном экономическом развитии на среднесрочную перспективу. Однако, в силу ряда причин, в основном идеологического порядка, весь процесс все более превращался в пиар-действие, в то время как сам План терял свой авторитет [4, с. 23]. Постепенно роль индикативного планирования во Франции оказалась практически полностью девальвированной. Последняя реальная попытка его реализации относится к 10-му Плану 1989 – 1992 гг.

В целом, по признанию большинства западных экспертов, французское планирование в форме разработки индикативных планов имело реальное и весьма значительное позитивное влияние на экономическое развитие страны на ранней стадии его применения: были подняты ожидания со стороны промышленности, новые идеи грамотно распространялись, произошел мощный модернизационный рывок, экономика была сбалансирована [6, с. 279 – 303]. Это было связано не только с тем, что агенты экономической деятельности верили в публикуемые количественные прогнозы. Огромную роль сыграл и другой фактор: в начале 60-х годов идея социального консенсуса ставилась выше интересов частного сектора. План стал центром широких дебатов в обществе относительно национальных приоритетов.

Индикативное планирование имело реальную силу и было эффективным в период быстрого и ускоряющегося роста национальной экономики. Последовавшие негативные явления были частично связаны с тем, что инструменты, лежащие в его основе, перестали соответствовать растущей открытости национальной экономики. С другой стороны, определенную и немаловажную роль сыграли изменившиеся идеологические предпочтения. И тем не менее, на протяжении 70-х – 80-х гг. консультативный механизм планирования продолжал существовать на макроэкономическом уровне, хотя и в существенно ограниченном виде.

Остановимся более подробно на **причинах снижения эффективности индикативного планирования** и постепенного отхода от него. По мнению большинства западных экономистов, основная причина возникших проблем заключалась в том, что к концу 60-х годов Франция становилась все более открытой экономикой. На начальном этапе планирующие органы использовали модель «входа-выхода» или подхода к макроэкономическому планированию с точки зрения материального баланса. Результатом было определение «узких мест», которые могли возникнуть в экономике. Основное обоснование необходимости индикативного планирования, по мнению Массе [9, с. 265–276], состоит в том, что, несмотря на то что рынки работают удовлетворительно, подавая сигналы фирмам относительно текущего спроса, они не подают сигналов относительно спроса будущего. Это означает, что инвестиционные решения могут основываться на неверной информации. Путем сопоставления информации корпоративных планов государство может дать каждому агенту экономической деятельности знание о намерениях других агентов, что позволяет планировать предложение. Результатом является набор прогнозов, которые в значительной мере будут самовыполняющимися, т.к. они представляют собой внутренне последовательную картину того, в чем компании и потребители реально нуждаются. Однако фундаментальным недостатком такого анализа является то, что он оперирует только с неопределенностью, присущей рынку. Если неопределенность такого рода относится к непредвиденным намерениям агентов лишь **внутри** системы, она может быть устранена путем обмена намерениями в результате создания некоего информационного пула. Анализируя эти процессы, Маде [10] делает различие между **эндогенной** неопределенностью и **экзогенной**. Последняя воз-

никает вследствие того, что никто не знает, какой набор возможных внешних обстоятельств может в действительности возникнуть. Разнообразие плановых параметров, призванное обеспечить полный обмен информацией при условии возникновения возможных непредвиденных обстоятельств, может способствовать устранению лишь **эндогенной** неопределенности. Однако процесс планирования может оказаться неэффективным в условиях непредсказуемости внешней среды. Считается, что основной источник ошибок французских планов уже с конца 1950-х до середины 1960-х гг. лежал именно в **экзогенном** (внешнем) элементе – международной торговле. Как показывают Эстрин и Холмс, несмотря на то что разработчики планов предусматривали продолжающееся расширение международной торговли, они всегда недооценивали как рост импорта, так и рост экспорта [7, с. 1–20].

Базовые модели индикативного планирования, по мнению Миллера, Эстрина и Холмса, также не учитывали в полной мере того, как в реальности фирмы принимают решения в условиях экономической неопределенности [11, с. 27–35; 8, с. 49]. На практике планирование может консультировать лишь «наиболее значимых экономических акторов», при этом оно не в состоянии учесть все число возможных непредвиденных обстоятельств. План, неверно оценивший будущие внешние факторы, может увести фирмы не в направлении согласованных последовательных решений, а в противоположную сторону, что приведет к потерям для тех компаний, которые основывали свои решения на его прогнозах. В этом случае кардинальный элемент авторитета самой процедуры планирования будет подорван. Существует основание для предположения, что именно это и произошло применительно к Франции, когда статус и престиж, связанные с корректным планированием внешних факторов в конце 40-х, 50-х и начале 60-х гг., сменился своей противоположностью после принятия неправильных решений в 5-м и 6-м Планах.

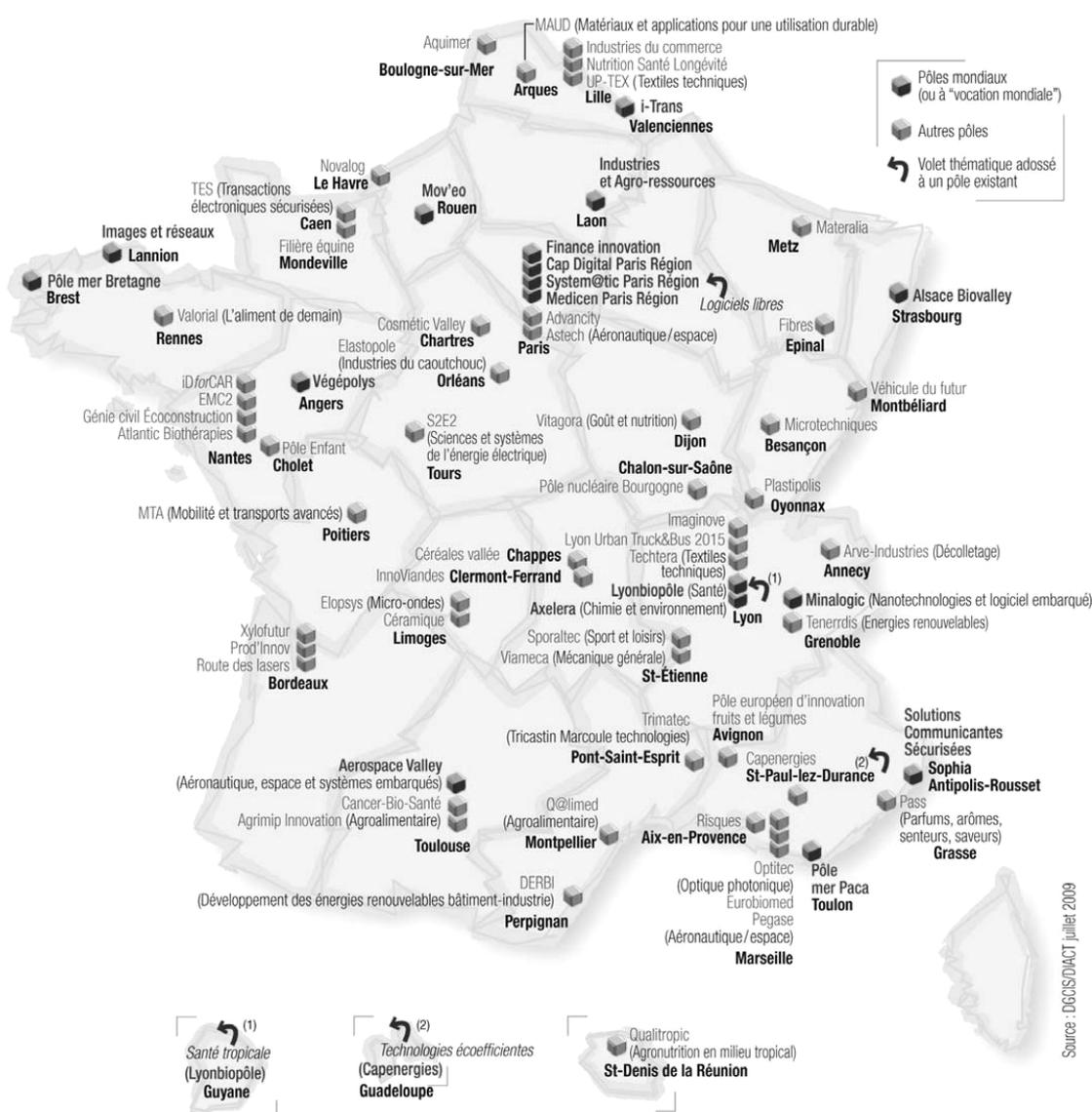
Экономическая неопределенность, вызванная внешними факторами, значительно росла, начиная со второй половины 60-х годов. Модернизация национальной экономики и ее значительное усложнение делали процесс планирования, основанного на материальном балансе, все более сложным даже при условии, если бы экономика оставалась закрытой. Однако концепция простого индикативного планирования оказалась особенно несостоятельной в условиях открытой экономики, в которой важнейшие внешние акторы не могли быть вовлечены в процесс экономического планирования. Это и явилось, по мнению западных экспертов, основным фактором, вызвавшим его постепенный упадок после 1965 года [8, с. 78].

На протяжении следующих 15-ти лет – с 1990 по 2005 год – происходило дальнейшее сокращение применения механизмов промышленной политики в целом и планирования в частности. Это было связано с увеличением влияния либеральной идеологии в экономике и политике – с одной стороны и ростом числа факторов, связанных с увеличением неопределенности в экономическом развитии Франции, – с другой. В этих условиях применение механизмов планирования стало еще более затруднительным. Мега-проекты оказались менее адаптированы к новой экономической среде, а малый и средний бизнес принимался в расчет недостаточно. При этом недооценивалась роль государственного финансирования. В эти годы сам термин «планирование» стал во Франции своего рода неприличным словом.

С 2005 года ситуация меняется – начался новый этап, заключавшийся в постепенном возрождении государственного регулирования экономики Франции, но уже в других формах. Основное внимание фокусировалось на создании благоприятных эко-

Проблемы развития экономики

систем. Главным эффектом от применения новой экономической стратегии государства стало стимулирование им распространения инноваций на территории всей страны. Значительное развитие получили малые и средние предприятия, в том числе стартапы, вошедшие в число главных бенефициаров проводимой новой государственной экономической политики. К данным процессам активно привлекались различные структуры – крупные и малые компании, университеты, научно-исследовательские центры, государственные и региональные администрации. Самым известным примером движения в этом направлении стало развитие «poles de competitivite» – конкурентоспособных кластеров, которые во Франции называют «полюсами конкурентоспособности». 71 такой кластер функционирует сегодня во Франции. Только в Парижском регионе сосре-

Source : DGCS/DIACT juillet 2009

доточено более пяти инновационных кластеров, в том числе кластер цифровых технологий, медицинский и др. В Орлеане находится крупнейший кластер по производству косметической продукции – Косметическая долина. В Монпелье работает агропромышленный кластер. Конкурентоспособные кластеры охватывают, по существу, всю территорию Франции.⁷

Еще одним важным результатом применения новой стратегии стало то, что она стимулировала развитие ряда регионов Франции, ранее подвергшихся деиндустриализации.

После 2012 года применение данной государственной стратегии продолжилось, более того, начал применяться принцип «нового планирования для новой индустриализации». Это происходило в русле решения поставленной Европейским союзом задачи по реиндустриализации европейских экономик на основе инноваций в целях повышения их конкурентоспособности относительно США и стремительно растущих стран Юго-Восточной Азии.

Ключевыми характеристиками данного этапа стали следующие:

- вновь начала признаваться роль государства в экономическом развитии страны;
- был возрожден аналог бывшего генерального Комиссариата по Планированию – Генеральный Комиссариат по разработке стратегических перспектив («*Commissariat general a la strategie et a la prospective*»);

- в разработке различных промышленных проектов стал в большей степени применяться интегрированный подход, объединяющий усилия различных заинтересованных акторов.

В сентябре 2013 года Министерство экономики Франции «запустило» программу 34-х проектов промышленного развития. Главной ее целью является применение новых высоких технологий в существующих отраслях промышленности. В ходе осуществления данной Программы задействован широкий круг различных сфер деятельности – начиная с таких высокотехнологических сегментов, как информационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии, развитие возобновляемых видов энергии, до традиционных отраслей промышленности, нуждающихся в модернизации, таких как металлургия, химическая отрасль, производство строительных материалов, транспорт, текстильное производство, деревообработка и др.

Эта государственная Программа определяет широкий спектр различных сфер интересов и детали по осуществлению конкретной деятельности для Комитетов, представляющих государство, государственных компаний, частных фирм, научно-исследовательских лабораторий и университетов.

Таким образом, при отказе от планирования в виде индикативных планов, во Франции, как и в целом ряде других экономически развитых стран, продолжают применяться различные инструменты планирования экономического развития, но уже в других формах, в большей степени адаптированных к изменившимся условиям развития мировой экономики. И тем не менее отказ от самого термина «планирование», а также определенный отход от использования наиболее выраженных плановых механизмов, произошел.

Помимо указанных факторов, которые ставятся во главу угла западными экспертами, есть еще одна немаловажная причина, повлиявшая на отказ от планирова-

⁷ Из презентации Ж.-Л. Трюэля на Московском экономическом форуме. 24 марта 2016 г.

ния в форме разработки индикативных планов во Франции и ряде других развитых стран. Она связана с интересами (или их отсутствием) крупного национального капитала в различных формах регулирования национальной экономики на разных этапах ее развития. Об этом пишут А. Бузгалин и А. Колганов в статье «Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века». Дело в том, что «в условиях резкого отставания национальной экономики от мировых лидеров определенная часть крупного национального капитала заинтересована в ускоренной модернизации, что позволяет консолидировать интересы *такого* капитала, большей части населения и государственного аппарата» [3, с. 65]. Мы видели, что именно это происходило во Франции в 50-е – начале 60-х гг., когда страна совершала мощный модернизационный рывок и требовалась консолидация в форме широкого демократического консенсуса. Когда этот модернизационный рывок завершен и «национальный капитал обретает достаточный потенциал, чтобы выйти «на равных» в конкурентную глобальную среду», ситуация меняется. Он начинает стремиться «отказаться от государственных ограничений вообще и от планирования в частности, ибо они заставляют капитал делиться (властью, прибылями и т.д.) то ли с государственной бюрократией, концентрирующей ресурсы в прорывных отраслях, то ли с населением (с целью радикально повысить качество жизни и сформировать средний класс), то ли с теми и другими» [3, с. 66].

На этом этапе вопрос о возможности планирования решается в зависимости от того, кто одерживает верх в определении курса экономического развития – государственные элиты, ориентированные на сохранение регулирующей роли государства, или транснациональный капитал, преимущественно финансовый. В европейских государствах, а также в Японии и Южной Корее в 90-е годы верх одержал капитал. Это привело к экономической либерализации, сокращению роли государства в экономике и, соответственно, сворачиванию наиболее выраженных форм планирования. В таких странах, как КНР и Вьетнам, лидирующую роль сохранило государство в союзе с национальным капиталом и заинтересованной в развитии наиболее активной частью гражданского общества.

Обращаясь к странам, применявшим индикативное планирование в прошлом, может возникнуть вопрос, насколько целесообразно использование их опыта в современных условиях. Однако задача заключается не в том, чтобы копировать чей-либо опыт, будь то французский, японский, китайский или опыт СССР, а в том, чтобы ориентироваться на главные приоритеты планирования, наиболее успешно применявшиеся в разных странах на разных этапах. Эти приоритеты касаются сегодня, во-первых, применения различных методов планирования в развитии современных технологий и инноваций, а во-вторых, в их использовании для резкого повышения роли науки и образования в качестве основы этого развития. Оба эти приоритета соответствуют мировым тенденциям государственной экономической политики в настоящий период. Без их учета структурная перестройка экономики на основе высокотехнологичной реиндустриализации и достижение ею международной конкурентоспособности не представляются возможными. «Мы исходим из того, – пишет С. Бодрунов, – что интеграция науки, производства и образования выступает необходимым организационным условием и предпосылкой практической реиндустриализации российской экономики» [1, с. 8].

Переход к новой стратегии развития в нашей стране, одним из основных инструментов которой является применение активной промышленной политики, включая различные виды планирования и государственного селективного регулирования эконо-

мических процессов, является весьма непростой задачей. Причем главные сложности лежат не только и не столько в экономической или чисто технической сфере, сколько в области социально-политических отношений. Переход к новой стратегии невозможен без консенсуса: с одной стороны – в обществе, с другой – среди элит как государственных, так и в бизнесе. В начале функционирования французской модели развития, основывавшейся на индикативном планировании, такой консенсус, как мы видели, существовал, что и привело к успеху.

В экономической трансформации на базе структурной перестройки и новой индустриализации не заинтересованы ни крупнейшие, преимущественно сырьевые, а также другие экспортно-ориентированные российские корпорации (например, металлургические), ни ангажированная ими политическая элита. Не заинтересованы в этом и представители ряда других секторов экономики, таких, как естественные монополии, финансовый капитал, оторванный от реального сектора, структуры ЖКХ и др. Все они являются бенефициарами существующей модели развития.

Однако существуют силы, заинтересованные в переходе к новой экономической модели, способной обеспечить мощный модернизационный рывок и вывести нашу страну на новую траекторию развития. Это, прежде всего, та часть бюрократии, которая консолидируется с промышленным капиталом и опирается на бизнес-элиты реального, преимущественно промышленного, сектора экономики. Это также большая часть интеллектуальной элиты – представители науки, образования, культуры и т.д. – те, кого называют креативным классом.

Учитывая негативные моменты французского планирования 60-х – 70-х гг., наше государство может использовать механизмы, позволяющие воздействовать на интересы значительно большего числа участников бизнес-процессов при реализации плановых индикаторов. Безусловно, этот процесс отнюдь не является простым, однако власти имеют значительное число инструментов для его осуществления. В их числе:

- прямые государственные инвестиции;
- государственно-частное партнерство;
- государственные субсидии;
- налоговые льготы;
- льготное кредитование;
- таможенные и иные внешнеторговые преференции;
- стимулирование спроса;
- поддержка фирм путем предоставления ими научно-технологической информации, а также других методов, стимулирующих инновационные процессы.

Все эти инструменты направлены на стимулирование работы и государственных, и частных компаний в прорывных направлениях.

Есть еще одно важное, на наш взгляд, соображение, касающееся необходимости использования различных видов планирования в нашей стране. Известно, что одним из важнейших факторов, препятствующих осуществлению модернизации российской экономики на основе высоких технологий, является незаинтересованность большей части бизнеса в участии в инновационном развитии. Однако без такого участия надеяться на реальный технологический прорыв не приходится. «Модернизация, – пишет С. Бодрунов, – возможна лишь при условии заинтересованности в ней критической массы предпринимателей, предъявляющих массовый спрос на технологические инновации»[2, с. 20].

Отсутствие заинтересованности российского бизнеса в инновациях связано с разными факторами. Одним из них является отсутствие конкуренции вследствие высо-

кой монополизации в ряде отраслей реального сектора. Но не менее, а возможно, и более существенный фактор связан с высокой степенью рисков, объективно возникающих при осуществлении долговременных инвестиций в инновационную сферу. Минимизируя риски и делая направления развития, соответственно, инвестиций, более предсказуемыми, различные формы планирования и селективного регулирования могут играть существенную роль в стимулировании вовлечения всех экономических агентов в инновационный процесс. Отдельные бессистемные фрагментарные действия в данном направлении в целом ситуацию не изменят.

Выводы

- Не существует единого вида планирования. В разных экономиках на разных этапах оно применяется с различной долей интенсивности, охвата и детализации и принимает различные формы исходя из особенностей экономического развития конкретной страны в определенный период.

- Важным элементом современной системы планирования является интеграция всех участников процесса: государства, регионов, университетов, научно-исследовательских центров, государственных и частных компаний, а также таких социальных сил, как профсоюзы.

- В рамках осуществления государственной промышленной политики главной задачей планирования является сосредоточение на выработке рекомендаций с целью создания благоприятной экономической среды, которая будет способствовать диверсификации отраслей промышленности, проведению инновационной индустриализации, повышению конкурентоспособности экономики страны в глобальном мире.

- Активная промышленная политика и различные формы планирования и прогнозирования могут иметь важнейшее значение для реальной модернизации российской экономики на современном технологическом уровне, а также способствовать вовлечению частного бизнеса в эти процессы.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Какая индустриализация нужна России? / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – №2(44). – С. 6 – 18.
2. Бодрунов, С. Д. К вопросу о реиндустриализации российской экономики / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2013. – №4(38). – С. 5–27.
3. Бузгалин, А. Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века / А. Бузгалин, А. Колганов // Вопросы экономики. – 2016. – №1. – С. 63–80.
4. Cave, M. Macro-Economic Projections and the French Plan / M. Cave. – Mimeo Brunel University. – London, 1981.
5. CEPES (Centre Europeen pour le Progres Economique et Social), French and Other National Economic Plans for Growth // Report of a conference held under auspices of the French group in Paris (June 1962), distributed in United States by Committee on Economic Development // Washington. D. C. – 1963. – June. – P. 84–94.
6. Kindleberger, C. French Planning. National Economic Planning / C. Kindleberger. – National Bureau of Economic Research. – 1967. – P. 279–303. <http://www.nber.org/chapters/c1426>.
7. Estrin, S. The Performance of French Planning 1952–78 / S. Estrin, P. Holmes // Economics of Planning. – 1980. – №16. – P. 1–20.

8. *Estrin, S.* French Planning in Theory and Practice / S. Estrin, P. Holmes. – London; Boston: G. Allen & Unwin, 1983.
9. *Masse, P.* French Planning and Economic Theory / P. Masse // *Econometrica*. – 1965. – №33. – P. 265–276.
10. *Meade, J.* The Theory of Indicative Planning / J. Meade. – London: Allen Unwin, 1971.
11. *Miller, J.* Meade on Indicative Planning / J. Miller // *Journal of Comparative Economics*. – 1979. – №3. – P. 27–40.
12. *Stoffa~s, C.* La Grande Menace Industrielle / C. Stoffa~s. – Paris: Calmann-Levy, 1978.

С. А. Толкачев¹, А. Ю. Тепляков²

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ СТОИМОСТИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ³

За прошедшие почти три года политики импортозамещения вряд ли можно говорить о ее провале, однако нет и убедительных успехов. Флагманом импортозамещения считается сельское хозяйство, а в производственном секторе ситуация не столь радужная. Несмотря на существенное ослабление рубля в 2014 году (40,6% в номинальном и 34,4% в реальном выражении [1]), в промышленности с точки зрения импортозамещения не произошло кардинальных изменений.

Всемирный банк оценивает в 70% долю предприятий РФ, так или иначе использующих иностранные сырье и полуфабрикаты. Согласно данным Института Гайдара, около 60% российских промпредприятий не могут заместить импортные комплектующие или сырье [2].

По нашему мнению, все дело в том, что значительная часть отечественных предприятий за годы рыночных реформ активно включилась в процесс глобальной производственной кооперации. Российский реальный сектор в настоящее время представляет собой не замкнутую внутри страны систему отечественных поставщиков, подобную той, что сложилась в СССР, а отдельные звенья глобальных производственно-обслуживающих систем.

Понятие «глобальные цепочки стоимости»

В XX веке государства, решающие задачи индустриального развития, как правило, сталкивались с дилеммой, ставшей для промышленной политики классической: импортозамещающая индустриализация⁴ или экспортоориентированная индустриализация.

¹ *Сергей Александрович Толкачев*, главный научный сотрудник Института промышленной политики и институционального развития Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д-р экон. наук, профессор.

² *Артем Юрьевич Тепляков*, ведущий научный сотрудник Института промышленной политики и институционального развития Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, канд. экон. наук.

³ Статья подготовлена в рамках Международного конкурса РГНФ – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований (БРФФИ), проект № 16-22-01006 «Воздействие неоиндустриализации на изменение места и роли российских и белорусских предприятий в глобальных цепочках стоимости».

⁴ Концентрация промышленной политики государства на ограничении промышленного импорта с целью создания благоприятных условий для развития отечественных отраслей промышленности.

зация⁵. Однако в настоящее время, по всей видимости, данная дилемма себя исчерпала, что и зафиксировано, например, в докладе Международной организации труда (2014) [3, с.151–174]. Такое положение вещей связано с феноменом глобальных цепочек стоимости (ГЦС)⁶.

Согласно определению, данному руководителем Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН Кондратьевым В. Б., цепочка добавленной стоимости – это последовательность основных бизнес-функций (или стадий производственного цикла) – проектирования, производства, маркетинга, дистрибуции и послепродажного обслуживания потребителя [4, с.5]. В начале XXI века эксперты все чаще стали обращать внимание на факт глобализации таких стоимостных цепочек. Данный процесс имеет ряд характерных особенностей [5]:

- элементы производства «дробятся» среди все большего числа стран, а ГЦС связывают географически дисперсные стадии в единые отрасли;
- страны специализируются на целях и функциях бизнеса в большей степени, чем на производстве определенных товаров;
- страны конкурируют между собой за более выгодное место и более значимую роль в ГЦС;
- в экономике ГЦС велика роль глобальных покупателей и поставщиков, которые контролируют и координируют экономическую активность в глобальных производственных сетях.

Помимо более адекватного теоретического описания изменившейся глобальной экономической реальности, концепция ГЦС открывает новое видение роли государства в регулировании международных торговых и инвестиционных потоков. Так, прежние инструменты стимулирования промышленной деятельности становятся неэффективными. Например, традиционная протекционистская политика может теперь принести большой ущерб стране, если экспорт существенно зависит от импортных компонентов. Учитывая сложность ГЦС, воздействие государства на экономических агентов должно быть более избирательным, «тонким», «умным» – помогающим как отдельным национальным компаниям, так и экономике в целом осуществлять грамотную экспансию в ГЦС, ведущую к наращиванию своей доли в них.

Отдельного внимания заслуживают статистические проблемы описания экономики ГЦС. Так, вице-председатель Совета по актуальным вопросам Глобальной торговой системы Всемирного экономического форума П. Дрейпер заметил: «...Если использовать традиционную торговую статистику по количеству устройств i-Phone, экспортируемых из Китая в США, то американский дефицит по этой позиции составил в 2008 г. 2 млрд долларов. Но если «проверить» эту статистику, используя подход, основанный на оценке добавленной стоимости, то картина меняется кардинально. Доля Китая в торговом дефиците снижается практически до минимума, поскольку основная часть

⁵ Фокусировка промышленной политики на стимулировании экспорта, преимущественно конечных продуктов обрабатывающей промышленности.

⁶ В англоязычной литературе используется понятие «global value chain» (GVC), а в русскоязычных источниках, помимо упомянутого в тексте термина, встречаются и другие формулировки: глобальная цепочка создания стоимости (ГЦСС), глобальная цепочка добавленной стоимости (ГЦДС), глобальная цепочка создания добавленной стоимости (ГЦДСС).

стоимости добавляется где-то еще – в Японии, Германии, Корее – там, где производятся ключевые высокотехнологичные компоненты. Китай, занимающийся сборкой, создает лишь небольшую долю добавленной стоимости. Но формально именно он экспортирует товар обратно в США, и в торговой статистике США эта операция отражается как импорт из Китая. Это частный, но важный пример, показывающий необходимость пересмотра подхода к статистике мировой торговли» [6].

До сравнительно недавнего времени статистика приписывала полную коммерческую стоимость товара (или услуги) последней стране в экспортной цепочке, таким образом, преувеличивая коммерческую важность конечного производителя в цепочке создания стоимости [7]. Осознавая потребность статистической адаптации к изменениям в системе торговых отношений, ОЭСР и ВТО провели совместную работу по созданию базы данных по встречной торговле с добавленной стоимостью (Trade in Value Added, TiVA), которая впервые была опубликована в 2013 году [8, с.3].

База данных «Торговля в показателях добавленной стоимости» (Trade in Value Added, TiVA) 2015 года включает в себя 61 экономику⁷. Отраслевой список предполагает исследование 34 секторов экономики, из которых 16 принадлежит обрабатывающей промышленности (manufacturing), 14 – индустрии услуг. Для анализа выбраны 1995, 2000, 2005, 2008–2011 гг. Показатели, представленные в базе данных, позволяют оценить:

- национальную и иностранную добавленную стоимость, содержащуюся в общем экспорте по каждой экспортирующей отрасли;
- вклад сектора услуг в общий экспорт по каждой экспортирующей отрасли, по типу услуги и по происхождению добавленной стоимости;
- участие в ГЦЦ через промежуточный импорт, «воплощенный» в национальном экспорте (нисходящие связи, backward linkages), и национальную добавленную стоимость в экспорте зарубежных партнеров (восходящие связи, forward linkages);
- «глобальную ориентацию» отраслевой деятельности, т.е. долю отраслевой добавленной стоимости, удовлетворяющей иностранный конечный спрос;
- происхождение добавленной стоимости в конечном спросе по страновому и отраслевому источнику, включая происхождение добавленной стоимости в конечном потреблении (домохозяйств и государства), также в инвестиционном спросе по видам бизнеса;
- двусторонние торговые отношения, основанные на потоках добавленной стоимости, «воплощенной» во внутреннем конечном спросе;
- межрегиональные и внутрирегиональные отношения» [9].

В условиях быстрых глобальных технологических изменений⁸ возрастает роль оценки «качества»⁹ данных изменений, т.к. очень важно понимать, насколько эффек-

⁷ Экономики стран ОЭСР, ряда стран Азии (преимущественно восточной и юго-восточной), Латинской Америки, Африки, а также России.

⁸ Переход к шестому технологическому укладу (С. Глазьев), третья промышленная революция (Дж. Рифкин), формирование Индустрии 4.0 (инициатива немецких бизнесменов, ученых и политиков, 2011) и т.д.

⁹ Под «качеством» участия страны в ГЦС мы понимаем совокупность положительных эффектов, получаемых страной в результате участия ее компаний в ГЦС.

тивно они способны «отвечать» на экономические, политические, социальные и другие глобальные вызовы современности. Для этого необходимо использовать адекватные концепции и соответствующие им измерительные инструменты.

Пожалуй, в наибольшей степени разворачивающиеся технологические изменения должны затронуть промышленную базу как основу почти любой национальной экономики и социально-экономического благосостояния общества. Применительно к нашему анализу особенное значение имеет исследование того, как участие той или иной страны в ГЦС способно повлиять на развитие национальных отраслей промышленности. В первую очередь, конечно же, нас будет интересовать развитие обрабатывающей промышленности с акцентом на ее высокотехнологичный сектор.

В экономической литературе, безусловно, уже существуют попытки осмысления масштабов и «качества» участия страны в ГЦС с точки зрения ее экономического развития. Так, признанным критерием вовлеченности национальной экономики в ГЦС является показатель Total GVC Participation¹⁰, который рассчитывается как сумма двух других показателей:

- Backward GVC Participation: доля стоимости импортных компонентов (иностранной добавленной стоимости), используемых для производства экспортной продукции, в стоимости экспортной продукции данной страны;

- Forward GVC Participation: доля стоимости национальных компонентов (национальной добавленной стоимости), используемых для производства экспортной продукции других стран, в стоимости экспортной продукции данной страны [10, с. 83; 11, с. 29; 12, с. 9].

Помимо данных показателей иностранные и отечественные авторы рассчитывают и целый ряд других:

- доля добавленной стоимости страны/группировки стран в ГЦС [13, с. 89];
- суммарная добавленная стоимость в экспорте по странам/отраслям [14, с. 30–32];
- чистый экспорт добавленной стоимости по странам/отраслям [14, с. 30–32];
- доля добавленной стоимости сектора/отрасли в валовом экспорте [8, с. 12; 11, с. 58; 13, с. 88,93];
- национальная добавленная стоимость в валовом экспорте страны/отрасли [8, с. 11; 11, с. 27];
- иностранная добавленная стоимость в валовом экспорте страны/отрасли [8, с. 11; 11, с. 26];
- средняя протяженность глобальных цепочек добавленной стоимости для отраслей глобальной экономики [4, с.8];
- национальная добавленная стоимость в производственных ГЦС [11, с. 157; 13, с. 90];
- доход, полученный от ГЦСС в производстве [8, с. 21];
- доля добавленной стоимости услуг в торговле производственными товарами [8, с. 18];
- доля добавленной стоимости услуг в экспорте обрабатывающей промышленности [11, с. 99];
- участие страны в ИТ ГЦСС [8, с. 20; 11, с. 106];
- вклад внешней торговли в создание ВВП [8, с. 25];

¹⁰ Общее участие страны в ГЦС.

- уровень роста ВВП на душу населения в зависимости от участия в ГЦСС [8, с. 26];
- доля национальной занятости, под контролем иностранных филиалов [15, с. 39];
- происхождение иностранной добавленной стоимости, включенной в экспорт, по географическому региону [11, с. 28];
- доля реэкспорта промежуточной продукции в объеме импорта промежуточной продукции [11, с. 92];
- выявленное сравнительное преимущество¹¹ в общем экспорте и в экспорте национальной добавленной стоимости [11, с. 104];
- др.

Таким образом, в научный оборот введено много показателей, призванных отразить масштаб и «качество» участия страны в ГЦС. Тем не менее, следует признать, что, во-первых, не прослеживается системы их применения, а во-вторых, на их основе довольно сложно непротиворечиво оценить влияние участия страны в ГЦС на его «качество».

Повальное увлечение концепцией и показателями конкурентоспособности, охватившее российских экономистов в 1990-е годы, не привело, на наш взгляд, к разработке строгих верифицируемых теорий и значимых прикладных результатов. Как правило, многие измеряемые показатели такого рода слабо чувствительны к наиболее существенным факторам конкурентоспособности («прорывным» инновациям, «тонкому» промышленному стимулированию, введению международных санкций и др.).

В связи с этим предлагается авторская концепция **национальной промышленной компетентности** в контексте участия страны в ГЦС. Данный методологический подход основан на объективных статистических показателях добавленной стоимости, позволяющих системно оценить различные аспекты промышленного развития страны.

Концепция национальной промышленной компетентности в контексте участия страны в ГЦС

Национальная промышленная компетентность – совокупность национальных компетенций в области промышленного развития страны, международной промышленной конкурентоспособности и национальной промышленной безопасности.

А. Индекс общей национальной промышленной компетентности

Общая национальная промышленная компетентность (ОНПК) – национальная промышленная компетентность в сфере обрабатывающей промышленности (ОП)¹².

Индекс ОНПК – количественная характеристика ОНПК. Он имеет **два уровня измерения**:

- **относительный уровень**: соотносит показатели, характеризующие различные аспекты ОП страны, и выражается в процентах;
- **абсолютный уровень**: демонстрирует стоимостную характеристику различных аспектов ОП страны;

¹¹ Показатель, измеряющий специализацию страны в определенной отрасли, сравнивая долю данной отрасли в экспорте страны и долю этой же отрасли в мировом экспорте.

¹² Под обрабатывающей промышленностью будем содержательно понимать используемый в англоязычной литературе и международной статистике термин «manufacturing».

Индекс ОНПК призван отразить **три аспекта** состояния ОП страны:

- а) **общее промышленное развитие:** раскрывает роль отраслей обрабатывающей промышленности в экономике страны;
- б) **общая промышленная конкурентоспособность:** показывает востребованность продукции национальных отраслей ОП на мировом рынке;
- с) **общая промышленная безопасность:** отражает общую обеспеченность страны продукцией ОП, а соответственно и относительную независимость страны от импорта ОП.

Таким образом, для каждого уровня измерения ОНПК предполагается расчет **трех показателей**, отражающих указанные выше аспекты состояния ОП страны.

Относительный уровень ОНПК предполагает расчет следующих показателей:

- а) **Относительный уровень общего промышленного развития** рассчитывается как отношение добавленной стоимости (ДС), созданной в отраслях ОП, к общей национальной ДС.

- б) **Относительный уровень общей промышленной конкурентоспособности.** Поскольку термин «конкурентоспособность» весьма многогранен и дискуссионен, авторы предлагают рассчитывать данный показатель аналогично принятому в ОЭСР порядку расчета показателя «выявленное сравнительное преимущество»¹³: отношение национальной ДС в экспорте продукции ОП к национальной ДС в общем объеме экспорта.

- с) **Относительный уровень общей промышленной безопасности** рассчитывается как отношение ДС, созданной в отраслях ОП, к разнице между импортом продукции ОП и реимпортом национальной ДС, созданной в отраслях ОП.

Абсолютный уровень ОНПК предполагает расчет следующих показателей:

- а) **Абсолютный уровень общего промышленного развития** равен ДС, созданной в отраслях ОП.

- б) **Абсолютный уровень общей промышленной конкурентоспособности** равен национальной ДС в экспорте продукции ОП.

- с) **Абсолютный уровень общей промышленной безопасности** рассчитывается как **сумма** ДС, созданной в отраслях ОП, и объема реимпорта национальной ДС, созданной в отраслях ОП, **за вычетом** объема импорта продукции ОП.

Рассчитанные значения каждого показателя для 62 (из которых 61 –экономики отдельных стран / территорий) позиций базы данных TiVA (ОЭСР) [9] ранжируются с присвоением одного из пяти рангов:

- а) **Ранг «-2» (низкий уровень)** присваивается значениям показателя, попавшим в интервал [МИН; (СРЕДН-МИН)*2/5+МИН).

- б) **Ранг «-1» (ниже среднего)** присваивается значениям показателя, попавшим в интервал [(СРЕДН-МИН)*2/5+МИН; (СРЕДН-МИН)*4/5+МИН).

- с) **Ранг «0» (средний уровень)** присваивается значениям показателя, попавшим в интервал [(СРЕДН-МИН)*4/5+МИН; (МАКС-СРЕДН)/5+СРЕДН]

- д) **Ранг «1» (выше среднего)** присваивается значениям показателя, попавшим в интервал ((МАКС-СРЕДН)/5+СРЕДН; (СРЕДН-МИН)*3/5+СРЕДН].

¹³ Измеряет специализацию страны в определенной отрасли, сравнивая долю данной отрасли в экспорте страны и долю этой же отрасли в мировом экспорте [11, с.104].

е) Ранг «2» (высокий уровень) присваивается значениям показателя, попавшим в интервал $((\text{СРЕДН}-\text{МИН}) * 3/5 + \text{СРЕДН}; \text{МАКС}]$.

Относительный и абсолютный уровни ОНПК рассчитываются суммированием рангов соответствующих показателей. Таким образом, значение и относительного, и абсолютного уровня ОНПК является **целым числом** и находится в интервале [-6; 6].

Индекс ОНПК рассчитывается суммированием относительного уровня ОНПК и абсолютного уровня ОНПК. Его значение является целым числом и принадлежит интервалу [-12; 12]. При этом если индекс ОНПК равен:

- а) [-12; -8], то он соответствует **низкому уровню ОНПК**;
- б) [-7; -3], то он соответствует уровню ОНПК «**ниже среднего**»;
- в) [-2; 2], то он соответствует **среднему уровню ОНПК**;
- г) [3; 7], то он соответствует уровню ОНПК «**выше среднего**»;
- д) [8; 12], то он соответствует **высокому уровню ОНПК**;

Б. Индекс стратегической национальной промышленной компетентности

Стратегическая национальная промышленная компетентность (СНПК) – национальная промышленная компетентность в сфере производства машин, оборудования и транспортных средств (МОТС). СНПК иллюстрирует компетентность страны в сфере **высокотехнологического сектора ОП**.

Данный концепт с соответствующей методологией количественной оценки (расчета индекса СНПК) вводим и раскрываем **аналогично общей национальной промышленной компетентности**.

Относительный уровень СНПК предполагает расчет следующих показателей:

а) **Относительный уровень стратегического промышленного развития:** отношение ДС, созданной в производстве МОТС, к ДС, созданной в отраслях ОП.

б) **Относительный уровень стратегической промышленной конкурентоспособности:** отношение национальной ДС в экспорте МОТС к национальной ДС в экспорте продукции ОП.

в) **Относительный уровень стратегической промышленной безопасности:** отношение ДС, созданной в производстве МОТС, к разнице между импортом продукции МОТС и реимпортом национальной ДС, созданной в производстве МОТС.

Абсолютный уровень СНПК предполагает расчет следующих показателей:

а) **Абсолютный уровень стратегического промышленного развития:** ДС, созданная в производстве МОТС.

б) **Абсолютный уровень стратегической промышленной конкурентоспособности:** национальная ДС в экспорте МОТС.

в) **Абсолютный уровень стратегической промышленной безопасности:** сумма ДС, созданной в производстве МОТС, и объема реимпорта национальной ДС, созданной в производстве МОТС, за вычетом объема импорта продукции МОТС.

Индекс СНПК рассчитывается суммированием относительного уровня СНПК и абсолютного уровня ОНПК.

В. Индекс участия страны в глобальных цепочках стоимости

Признанным критерием вовлеченности национальной экономики в глобальные цепочки стоимости является показатель **Total GVC Participation**, который рассчитывается как сумма двух других показателей:

• **Backward GVC Participation**: доля стоимости импортных компонентов (иностранной добавленной стоимости), используемых для производства экспортной продукции, в стоимости экспортной продукции данной страны;

• **Forward GVC Participation**: доля стоимости национальных компонентов (национальной добавленной стоимости), используемых для производства экспортной продукции других стран, в стоимости экспортной продукции данной страны [10, с. 83; 11, с. 29; 12, с. 9].

Индекс участия страны в ГЦС (**Индекс ГЦС**) рассчитываем аналогично двум предыдущим индексам, присваивая полученным значениям Total GVC Participation один из пяти рангов:

а) **Ранг «-2» (низкий уровень)** присваивается значениям показателя, попавшим в интервал [МИН; (СРЕДН-МИН)*2/5+МИН).

б) **Ранг «-1» (ниже среднего)** присваивается значениям показателя, попавшим в интервал [(СРЕДН-МИН)*2/5+МИН; (СРЕДН-МИН)*4/5+МИН).

с) **Ранг «0» (средний уровень)** присваивается значениям показателя, попавшим в интервал [(СРЕДН-МИН)*4/5+МИН; (МАКС-СРЕДН)/5+СРЕДН]

д) **Ранг «1» (выше среднего)** присваивается значениям показателя, попавшим в интервал ((МАКС-СРЕДН)/5+СРЕДН; (СРЕДН-МИН)*3/5+СРЕДН].

е) **Ранг «2» (высокий уровень)** присваивается значениям показателя, попавшим в интервал ((СРЕДН-МИН)*3/5+СРЕДН; МАКС].

Анализ промышленной компетентности Российской Федерации и других стран в контексте участия страны в ГЦС

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что Россия с 1995 по 2011 гг. «выросла» по показателю Total GVC Participation с 38 до 52 % и в настоящее время заметно опережает не только страны-лидеры мировой экономики (США – 40%, Китай – 48%), но и страны с близким объемом ВВП (Великобритания, Франция и Италия – 47–48%, Канада – 42, Бразилия – 35%). Более глубокое участие в ГЦС наблюдается либо у некоторых стран с ярко выраженной экспортной ориентацией (Сингапур – 62, Тайвань – 68, Малайзия – 60%), либо у малых открытых экономик, включенных в интеграционные группировки (Чехия – 65, Словакия – 67, Люксембург – 71%).

Таким образом, наша страна по сравнению с объемом национальной экономики уже весьма глубоко интегрирована в ГЦС. Об этом же свидетельствуют высокая экспортная и внешнеторговая квоты.

Другие страны (за редкими исключениями¹⁴) и мировая экономика в целом также существенно увеличили свою интеграцию в ГЦС. Мир стал намного более взаимозависимым, чем даже еще полтора десятилетия назад. В этих условиях, чтобы осуществить замещение иностранных импортируемых комплектующих, нужно осуществить емкие капиталовложения на своей территории, причем технологический уровень этих инвестиций настолько высок, что инвестором может быть ограниченный круг компаний.

Чем выше уровень мирового разделения труда (МРТ), тем меньше компаний обладают соответствующими технологическими компетенциями. Организация собственными силами производства ранее импортируемых компонентов или привлечение ино-

¹⁴ Например, Хорватия и Мальта.

Total GVC Participation и индекс ГЦС, %

№ п/п	СТРАНА	ГОДЫ							Индекс ГЦС (2011)
		1995	2000	2005	2008	2009	2010	2011	
1.	Австралия	30,51	38,71	38,28	43,15	38,08	41,68	43,6	-1
2.	Австрия	38,75	46,2	48,96	51,87	47,19	50,03	52,52	0
3.	Аргентина	17,94	25,49	32,06	30,76	28,06	29,71	30,48	-2
4.	Бельгия	48,71	54,64	53,86	58,84	51,97	53,57	58,04	1
5.	Болгария	44,74	50,7	48,43	60,3	50,59	51,53	56,66	0
6.	Бразилия	22,93	28,86	30,61	35,94	30,49	33,34	35,27	-2
7.	Бруней-Даруссалам	28,28	37,97	42,45	47,17	40,76	45,82	46,97	0
8.	Великобритания	37,25	41,05	41,48	45,04	41,99	44,64	47,75	0
9.	Венгрия	43,53	63,67	63,39	62,9	60,35	64,35	65,28	2
10.	Вьетнам	34,41	46,74	49,15	52,92	49,65	51,51	52,26	0
11.	Германия	35,56	42,82	45,14	48,37	44,47	46,84	49,64	0
12.	Гонконг, КНР	37,49	38,96	42,08	46,18	42,5	44,24	43,61	-1
13.	Греция	28,15	36,44	37,76	43,91	36,91	39,65	43,25	-1
14.	Дания	39,84	47,22	51,14	57,17	51,64	53,34	56,74	0
15.	Израиль	34,79	37,35	42,34	45,45	39,7	42,43	44,57	0
16.	Индия	22,96	29,58	36,87	41,96	38,57	41,11	43,2	-1
17.	Индонезия	28,77	40,17	41,96	42,22	39,18	41,78	43,47	-1
18.	Ирландия	51,17	56,67	56,79	58,84	56,53	58,59	59,32	1
19.	Исландия	33,64	43,94	49,97	57,82	52,87	56,87	59,29	1
20.	Испания	33,46	41,83	43,98	46,18	39,94	43,84	46,58	0
21.	Италия	32,63	38,56	42,54	46,09	40,8	45,15	47,59	0
22.	Камбоджа	30,73	46,49	50,81	51,52	46,63	48,68	48,72	0
23.	Канада	35,25	38,25	35,58	40,05	37,83	40,28	42,47	-1
24.	Кипр	31,9	36,43	37,53	40,42	36,98	37,96	38,58	-1
25.	КНР	42,88	48,08	50,73	48,47	45,42	47,2	47,76	0
26.	Колумбия	23,76	29,81	30,02	36,67	33,31	33,62	37,85	-1
27.	Коста-Рика	33,07	39,99	45,75	48,32	44,49	43,98	44,62	0
28.	Латвия	40,59	49,98	51,58	51,42	46,15	50,42	52,73	0
29.	Литва	40,37	43,98	41,11	46,1	41,78	44,57	46,34	0
30.	Люксембург	54,82	65,21	66,46	70,76	66,91	68,8	70,88	2
31.	Малайзия	46,1	63,63	62,15	60,43	58,84	61,23	60,42	1
32.	Мальта	58,09	65,11	59,61	61,65	57,79	55,83	54,17	0
33.	Мексика	38,44	44,79	43,43	45,85	44,95	47,27	46,81	0
34.	Нидерланды	41,13	44,94	43,85	47,58	43,29	46,34	47,55	0
35.	Новая Зеландия	27,75	36,52	30,41	35,57	30,81	32,97	33,26	-2
36.	Норвегия	45,4	49,37	50,09	54,89	52,19	55,48	57,66	1
37.	Польша	36,01	44,55	50,08	52,83	48,1	53,11	55,69	0

№ п/п	СТРАНА	ГОДЫ							Индекс ГЦС (2011)
		1995	2000	2005	2008	2009	2010	2011	
38.	Португалия	39,97	44,88	47,71	50,41	44,5	48,11	50,48	0
39.	Россия	38,36	53,31	51,28	52,49	46,3	49,3	51,82	0
40.	Румыния	38,27	45,55	48,65	50,42	44,36	45,66	49,01	0
41.	Саудовская Аравия	31,09	38,27	41,13	44,61	40,4	43	45,31	0
42.	Сингапур	54,68	63,63	60,59	58,97	60,65	61,22	61,71	1
43.	Словацкая республика	50,77	63,38	66,97	66,19	62,5	65,47	67,44	2
44.	Словения	46,39	54,09	56,75	56,99	50,59	55,36	58,78	1
45.	США	30,86	36,98	38,05	40,42	35,8	38,34	39,93	-1
46.	Таиланд	36,29	46,92	53,14	54,85	50,58	53,27	54,39	0
47.	Тайвань	46,52	53,48	64,48	69,72	64,16	67,17	67,68	2
48.	Тунис	36,89	40,91	44,15	50,62	44,03	47,41	50,73	0
49.	Турция	22,24	27,76	34,86	40,09	34,98	37,14	41,03	-1
50.	Филиппины	42,86	51,65	60,1	59,13	53,75	55,22	50,98	0
51.	Финляндия	44,77	53,22	55,1	56,29	51,76	55,51	57,4	1
52.	Франция	35,19	42,43	44,34	46,37	41,59	44,64	47,03	0
53.	Хорватия	35,29	36,27	34,11	33,88	30,07	32,49	34,07	-2
54.	Чешская республика	47,87	57,33	61,35	62,31	58,76	62,48	64,88	2
55.	Чили	34,05	44,49	47,77	53,39	48,83	50,48	51,88	0
56.	Швейцария	35,82	43,11	47,05	47,77	43,97	45,95	47,41	0
57.	Швеция	44,99	50,19	50,84	54,53	50,4	52,1	53,8	0
58.	Эстония	50,9	61,49	60,39	53,28	48,89	53,57	55,61	0
59.	ЮАР	33,67	41,18	42,29	49,1	41,41	43,02	45,97	0
60.	Южная Корея	39,43	50,57	57,72	63,66	59,03	61,34	62,2	1
61.	Япония	29,43	37,3	43,12	47,57	43,8	45,73	47,48	0
62.	Другие страны	31,89	38,03	38,87	43,11	38,97	41,49	43,84	0

Источник: таблица составлена авторами на основе расчетов, использующих показатели базы данных ОЭСР «TiVA».

странного инвестора к дополнительной локализации становится сложнее по мере увеличения звеньев ГЦС и углубления специализации каждого звена. Институционально «заставить» иностранного инвестора отказаться от налаженной кооперации и инвестировать в строительство «гринфильда» или модернизацию заброшенного завода на российской территории будет невероятно сложно.

Не случайно практически единичны примеры подобной релокации производства на российской территории. Так, министр Минпромторга Д. Мантуров гордится

тем, что немецко-японская компания DMG-Mori Seiki построила завод и перевела в Ульяновск выпуск целой линейки станков, которые не будут теперь производиться в Европе. Однако этот успех оказался возможным за счет использования суперльготного режима специнвестконтракта (СПИК), учрежденного в соответствии с недавно принятым Законом о промышленной политике. Однако, по словам министра, «СПИКи не станут массовым инструментом реализации инвестиций, мы будем подходить очень взвешенно и, я бы даже сказал, штучно» [16].

Насыщенность мирового рынка ГЦС объясняет неуспех импортозамещения в таких отраслях, которые ориентируются на внешние рынки. Например, Свердловская область по итогам 2015 года заняла пятое место в рейтинге российских субъектов, заявивших наибольшее количество импортозамещающих проектов, – 111 проектов в 12 отраслях. Сказалась государственная поддержка. Казалось бы, грандиозный успех. Однако «сухая» статистика показывает: за 2015 год объем производства машин и оборудования составил лишь 46,3 млрд руб. и снизился на 8%, производство транспортных средств и оборудования также снизилось на 17,7 процентов [2]. Причина заключается в том, что на фоне сжатия внутреннего рынка рост продаж возможен только на внешних рынках Кубы, Африки, Латинской Америки. Однако для этого нужно сначала вытеснить иностранных конкурентов, уже организованных в высокоэффективные ГЦС.

Данные таблицы 2 показывают, что Россия незначительно улучшила свою общую промышленную компетентность, перейдя из группы стран с рангом -1 в группу стран с рангом 0. И первоначальный, и текущий результат соответствуют среднему уровню промышленной компетентности. Очевидно, на текущее состояние российской промышленности повлиял период экономического роста 1999–2008 гг., когда происходили определенные положительные сдвиги в промышленности, связанные с формированием цепочек производств, встраиваемых в мировую систему разделения труда, в том числе в автомобиле- и машиностроении, нефтехимической и электротехнической промышленности.

Однако данные таблицы 3, отражающей стратегическую промышленную компетентность¹⁵, свидетельствуют о серьезном ухудшении позиций России. Снижение ранга с -2 до -4, прежде всего, за счет ухудшения значения показателя «относительный уровень стратегической промышленной конкурентоспособности» однозначно свидетельствует об утрате отечественных позиций в машиностроении на мировой арене.

Интересно, что две такие признанные машиностроительные державы, как Япония и Германия, с точки зрения динамики стратегической промышленной компетентности показали за прошедший период весьма разные результаты. Если Германия существенно улучшила свое положение (изменение значения соответствующего индекса с 5 до 9), то Япония, напротив, продемонстрировала некоторое ухудшение своих глобальных позиций (снижение значения индекса с 11 до 10). Однако оба эти результата, на наш взгляд,

¹⁵ Авторы осознают ограниченность данного измерителя, отражающего глобальную технологическую «расстановку сил» преимущественно с точки зрения развития отраслей V технологического уклада, в настоящее время господствующего, но в средне- и долгосрочной перспективе неизбежно подлежащего вытеснению отраслями более прогрессивного VI уклада. Тем не менее, для оценки глобальных технологических позиций Российской Федерации данный индекс следует признать релевантным.

Таблица 2

Индекс общей национальной промышленной компетентности¹

СТРАНА	Относительный уровень ОНПК						Абсолютный уровень ОНПК						Индекс ОНПК											
	1995			2011			1995			2011			1995			2011								
	ОПР	ОПБ	Сумма	ОПР	ОПБ	Сумма	ОПР	ОПБ	Сумма	ОПР	ОПБ	Сумма	ОПР	ОПБ	Сумма	ОПР	ОПБ	Сумма						
1. Австралия	0	0	0	0	0	0	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24		
2. Австрия	0	0	0	0	0	0	-1	0	0	-1	0	-1	0	-1	-1	0	0	-1	-1	-1	-2	0	-3	
3. Бельгия	0	0	-1	0	0	0	-1	0	-1	-2	-1	-1	0	-2	-1	0	-2	-3	-1	-1	-1	0	-2	
4. Канада	0	1	0	0	0	0	0	0	-1	-1	0	0	0	0	0	1	-1	0	0	0	0	0	0	
5. Чили	1	0	0	1	0	1	-2	-2	0	-4	-2	-1	0	-3	-1	-2	0	-3	-2	0	0	0	-2	
6. Чешская республика	0	0	-1	1	2	-1	2	-2	0	-4	-2	-1	0	-3	-2	-2	-1	-5	-1	1	-1	-1	-1	
7. Дания	0	0	0	0	0	0	-1	-2	-1	0	-3	-2	-2	-4	-2	-1	0	-3	-3	-2	0	0	-5	
8. Эстония	0	0	-2	0	0	-1	-1	-2	-2	0	-4	-2	-2	-4	-2	-2	-2	-6	-2	-2	-2	-1	-5	
9. Финляндия	0	2	0	2	0	1	-2	-1	0	-3	-2	-1	0	-3	-2	1	0	-1	-2	0	0	0	-2	
10. Франция	0	1	0	1	0	0	0	1	0	1	0	0	-1	-1	0	2	0	2	-1	1	-1	1	-1	
11. Германия	0	2	0	2	1	2	0	3	0	3	0	2	0	2	1	4	0	5	1	4	0	5	5	
12. Греция	-1	0	-1	-2	-1	0	-1	-2	-2	-1	-5	-2	-2	-4	-3	-2	-2	-7	-3	-2	0	0	-5	
13. Венгрия	0	0	-1	1	1	-1	1	-2	-2	0	-4	-2	-2	-4	-2	-2	-1	-5	-1	-1	-1	-1	-3	
14. Испания	0	0	0	0	0	-1	-1	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	-1	0	-5	
15. Ирландия	1	2	-1	2	1	0	0	-2	-1	-4	-2	-1	0	-3	-1	1	-2	-2	-1	-1	-1	0	-2	
16. Израиль	0	0	0	0	0	0	0	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	0	-4	
17. Италия	0	1	0	1	0	2	0	2	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	2	0	2	2	
18. Япония	0	1	2	3	2	2	2	2	2	6	1	1	1	3	2	3	4	9	1	3	3	7	7	
19. Южная Корея	1	2	0	3	2	2	0	4	0	0	0	0	0	0	1	2	0	3	2	2	0	4	4	
20. Люксембург	-1	-1	-2	-4	-1	-2	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-3	-3	-2	-8	-3	-4	-2	0	-9	
21. Мексика	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1
22. Нидерланды	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	-1	0	0	-1	0	0	0	0	-1	0	2	1	1	
23. Новая Зеландия	0	0	0	0	0	0	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	0	-4	
24. Норвегия	-1	-1	-1	-3	-1	-1	-1	-3	-2	-1	-5	-2	-2	-4	-3	-3	-2	-8	-3	-3	-1	0	-7	
25. Польша	0	1	0	1	0	1	0	1	-2	-1	0	-3	-1	-1	-2	0	0	-2	-1	1	0	0	0	
26. Португалия	0	1	-1	0	0	0	0	-2	-2	-1	-5	-2	-2	-4	-2	-1	-2	-5	-2	-2	0	0	-4	
27. Словацкая республика	1	0	0	1	1	2	-1	2	-2	0	-4	-2	-2	-4	-1	-2	0	-3	-1	0	-1	0	-2	
28. Словения	1	2	-1	2	0	1	-1	0	-2	0	-4	-2	-2	-4	-1	0	-1	-2	-2	-1	-1	-1	-4	
29. Испания	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
30. Швеция	0	2	0	2	0	0	0	-1	0	-1	0	0	0	-1	-1	2	0	1	0	0	0	0	-1	
31. Швейцария	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	-1	0	0	-1	0	1	0	1	-1	0	0	0	-1	
32. Турция	1	0	0	1	0	1	0	1	0	-1	0	-1	0	-1	1	-1	0	0	0	0	0	0	0	
33. Великобритания	0	0	0	0	0	0	-1	0	0	0	0	0	-1	-1	0	0	0	0	-1	0	-1	0	-2	

¹ ОПР – общее промышленное развитие, ОПБ – общая промышленная конкурентоспособность, ОПБ – общая промышленная безопасность.

Окончание табл. 2

СТРАНА	Описательный уровень ОНПК						Абсолютный уровень ОНПК						Индекс ОНПК											
	1995			2011			1995			2011			1995			2011								
	ОПР	ОПК	Сумма	ОПР	ОПК	Сумма	ОПР	ОПК	Сумма	ОПР	ОПК	Сумма	ОПР	ОПК	Сумма	ОПР	ОПК	Сумма						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
	0	0	0	0	0	0	0	0	2	2	1	5	2	2	0	4	2	2	1	5	2	2	0	4
	0	0	0	0	0	0	1	1	-1	-2	0	-3	-1	-1	0	-2	-1	-2	0	-3	-1	-1	1	-1
	0	1	1	2	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	0	0	1	1
	-2	-2	-2	-6	-2	-2	-2	-6	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-4	-4	-2	-10	-4	-4	-2	-10
	0	0	-1	-1	0	0	-1	-1	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	-1	-5	-2	-2	-1	-5
	-1	-1	-2	-4	0	0	-1	-1	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-3	-3	-2	-8	-2	-2	-1	-5
	2	0	1	3	2	2	2	6	0	0	0	0	2	2	2	6	2	0	1	3	4	4	4	12
	0	-1	0	-1	0	-1	0	-1	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-3	0	-5	-2	-3	0	-5
	0	0	-1	-1	0	0	-1	-1	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	-1	-5	-2	-2	-1	-5
	0	0	0	0	0	-1	0	-1	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-3	0	-5
	-1	-2	-2	-5	-1	-2	-2	-5	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-4	-2	-9	-3	-4	-2	-9
	-2	-1	-2	-5	-2	-2	-2	-6	-2	-2	-1	-5	-2	-2	0	-4	-4	-3	-3	-10	-4	-4	-2	-10
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-1	0	-1	0	0	0	0	0	-1	0	-1	0	0	0	0
	1	0	0	1	1	0	1	2	-1	-1	0	-2	0	0	0	0	0	-1	0	-1	1	0	1	2
	0	0	-1	-1	0	0	-1	-1	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	-1	-5	-2	-2	-1	-5
	0	0	-1	-1	0	1	0	1	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	-1	-5	-2	-1	0	-3
	1	0	-1	0	1	0	-1	0	-2	-1	-1	-4	-1	0	0	-1	-1	-1	-2	-4	0	0	-1	-1
	0	0	-2	-2	0	-2	0	-2	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	-2	-6	-2	-4	0	-6
	0	0	0	0	0	0	0	0	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4
	1	1	0	2	1	2	0	3	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-1	-1	0	-2	-1	0	0	-1
	0	0	0	0	0	0	0	0	-1	0	0	-1	0	0	0	0	-1	0	-1	-8	-2	-3	0	0
	-1	-2	-1	-4	-1	-2	0	-3	-2	-2	0	-4	-1	-1	0	-2	-3	-4	-1	-8	-2	-3	0	-5
	0	0	-1	-1	0	0	0	0	-2	-1	-1	-4	-2	-1	0	-3	-2	-1	-2	-5	-2	-1	0	-3
	0	0	0	0	0	0	0	0	-2	-1	0	-3	-2	-1	0	-3	-2	-1	0	-3	-2	-1	0	-3
	1	2	0	3	1	2	0	3	0	0	0	0	-1	0	0	-1	1	2	0	3	0	2	0	2
	1	0	0	1	2	1	0	3	-1	-1	0	-2	-1	0	0	-1	0	-1	0	-1	1	1	0	2
	0	0	-1	-1	0	0	-1	-1	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	-1	-5	-2	-2	-1	-5
	0	-1	-1	-2	0	0	-1	-1	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-3	-1	-6	-2	-2	-1	-5
	0	0	-1	-1	0	-1	-1	-2	0	0	-2	-2	0	1	-2	-1	0	0	-3	-3	0	0	-3	-3

Источник: таблица составлена авторами на основе расчетов, использующих показатели базы данных ОЭСР «TiVA».

Таблица 3

Индекс стратегической национальной промышленной компетентности¹

СТРАНА	Относительный уровень СНИК												Абсолютный уровень СНИК												Индекс СНИК											
	1995				2011				1995				2011				1995				2011															
	СПР	СПК	СПБ	Сумма	СПР	СПК	СПБ	Сумма	СПР	СПК	СПБ	Сумма	СПР	СПК	СПБ	Сумма	СПР	СПК	СПБ	Сумма	СПР	СПК	СПБ	Сумма												
1. Австралия	0	0	0	-1	0	-1	-1	0	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24								
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-1	-1	-1	-3	(5+13)	(6+14)	(7+15)	(21+22+23)								
2. Австрия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0								
3. Бельгия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0								
4. Канада	0	0	-1	-1	0	0	-1	-1	0	0	-1	-1	0	0	-1	-1	0	0	0	0	0	0	0	-2	0	0	0	-1								
5. Чили	-2	-2	-2	-6	-2	-2	-2	-6	-2	-2	-2	-6	-2	-2	-2	-6	-2	-2	-2	-6	-4	-4	-4	-10	-4	-4	-4	-10								
6. Чешская республика	0	0	-1	-1	1	1	0	2	1	1	0	2	-2	-2	0	-4	-1	-1	0	-2	-2	-2	-1	-5	0	0	0	0								
7. Дания	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-2	-1	0	-3	-2	-2	0	-4	-2	-1	0	-3	-2	-2	0	-4								
8. Эстония	-1	-1	-2	-4	0	0	-1	-1	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-3	-3	-2	-8	-2	-2	-1	-5								
9. Финляндия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-2	-1	0	-3	-2	-2	0	-4	-2	-1	0	-3	-2	-2	0	-4								
10. Франция	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0								
11. Германия	1	1	0	2	2	2	1	5	1	2	0	3	1	2	0	3	1	2	1	4	2	3	0	5	3	4	2	9								
12. Греция	-1	-1	-2	-4	-2	-1	-1	-4	-2	-1	-1	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-3	-3	-2	-8	-4	-3	-1	-8								
13. Венгрия	0	0	-1	-1	2	1	0	3	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-1	0	-3	-2	-2	-1	-5	0	0	0	0								
14. Исландия	-1	-2	-1	-4	-2	-2	-1	-5	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-3	-4	-1	-8	-4	-4	-1	-9								
15. Ирландия	0	0	-1	-1	-1	-1	0	-2	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	-1	-5	-3	-3	0	-6								
16. Израиль	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4								
17. Италия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0								
18. Япония	1	2	2	5	1	2	2	5	2	2	2	6	1	2	2	6	1	2	2	5	3	4	4	11	2	4	4	10								
19. Южная Корея	1	1	0	2	2	2	1	5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	2	2	2	1	5								
20. Люксембург	-1	-1	-2	-4	0	-1	-2	-3	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-3	-3	-2	-8	-2	-3	-2	-7								
21. Мексика	0	1	0	1	0	2	0	2	-1	0	0	-1	0	0	0	-1	0	0	0	0	-1	1	0	0	0	2	0	2								
22. Нидерланды	0	0	0	0	0	-1	2	1	-1	0	0	-1	-1	-1	0	-1	-1	-1	0	-2	-1	0	0	-1	-1	-2	2	-1								
23. Новая Зеландия	-1	-1	-1	-3	-1	-2	-1	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-3	-3	-1	-7	-3	-4	-1	-8								
24. Норвегия	0	0	-1	-1	1	0	0	1	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	-1	-5	-1	-2	0	-3								
25. Польша	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-2	-2	0	-4	-1	0	0	-1	-2	-2	0	-4	-1	0	0	-1								
26. Португалия	-1	0	-1	-2	-1	0	-1	-2	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-3	-2	-1	-6	-3	-2	-1	-6								
27. Словацкая республика	0	0	-1	-1	1	1	0	2	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	-1	-5	-1	-1	0	-2								
28. Словения	0	0	-1	-1	0	0	0	0	0	0	0	0	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	-1	-5	-2	-2	0	-4								
29. Испания	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0								
30. Швеция	1	1	0	2	1	1	0	2	-1	0	0	-1	-1	0	0	-1	-1	0	0	-1	0	1	0	1	0	1	0	1								
31. Швейцария	1	1	0	2	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	2	1	0	0	1								
32. Турция	0	-1	0	-1	0	0	0	0	-1	-2	0	-3	-1	-1	0	-3	-1	-1	0	-2	-1	-3	0	-4	-1	-1	0	-2								
33. Великобритания	0	1	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	1	0	1								

¹ СПР – стратегическое промышленное развитие, СПК – стратегическая промышленная конкурентоспособность, СПБ – стратегическая промышленная безопасность.

Окончание табл. 3

СТРАНА	Относительный уровень СНИК						Абсолютный уровень СНИК						Индекс СНИК					
	1995			2011			1995			2011			1995			2011		
	СТР	СЛБ	Сумма	СТР	СЛБ	Сумма	СТР	СЛБ	Сумма	СТР	СЛБ	Сумма	СТР	СЛБ	Сумма	СТР	СЛБ	Сумма
34. США	0	1	0	0	0	0	2	2	0	4	2	2	2	0	5	2	2	2
35. Аргентина	-1	-1	0	-2	-1	-1	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-3	-3	0	-6
36. Бразилия	0	0	0	0	0	0	0	-1	0	-1	0	-1	0	-1	0	-1	0	-1
37. Бразиль-Даруссалам	-2	-2	-6	-2	-2	-6	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-4	-4	-2	-10
38. Болгария	-1	-1	-2	-4	-1	-1	-3	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-3	-3	-1	-7
39. Камбоджа	-2	-2	-6	-2	-2	-6	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-4	-4	-2	-10
40. КНР	0	0	0	0	1	1	2	0	-1	0	2	2	1	5	0	-1	0	7
41. Колумбия	-2	-2	-6	-2	-2	-6	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-4	-4	-2	-10
42. Коста-Рика	0	0	-1	-1	0	2	-1	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-1	-5	-3
43. Хорватия	-1	0	-1	-2	-1	0	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-3	-2	-1	-6
44. Кипр	-2	-2	-6	-2	-2	-6	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-4	-4	-3	-9
45. Гонконг, КНР	0	0	-1	-1	0	0	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	-1	-5
46. Индия	0	-1	0	-1	0	-1	0	-2	0	-2	0	-1	0	-1	0	-3	0	-2
47. Индонезия	-2	-1	-1	-4	0	-1	-2	-2	0	-4	0	-2	0	-2	-4	-3	-1	-8
48. Латвия	0	0	0	0	-2	-2	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4
49. Литва	-1	-1	-3	-1	-2	-1	-4	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-3	-3	-1	-7
50. Малайзия	1	1	-1	1	0	0	-1	-1	0	-2	-1	-1	0	-2	0	0	-1	-1
51. Мальта	0	0	-2	-2	0	1	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-2	-1	-6
52. Филиппины	0	1	-1	0	1	2	0	3	-2	0	-4	-2	0	-3	-2	-1	-1	0
53. Румыния	0	-1	0	-1	0	0	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-3	0	-5
54. Россия	0	0	0	0	-2	-1	-3	-1	-1	0	-2	0	-1	0	-1	-1	0	-2
55. Саудовская Аравия	-1	-2	-2	-5	-2	-2	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-3	-4	-2	-9
56. Сингапур	2	2	0	4	2	2	1	5	-1	0	-1	-1	0	-1	2	0	3	1
57. ЮАР	0	-1	0	-1	-1	0	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-3	0	-5
58. Тайвань	0	1	0	1	2	2	0	4	0	0	0	0	0	0	1	0	1	2
59. Таиланд	0	0	-1	-1	0	0	0	0	-1	0	-2	-1	-1	0	-1	-1	-1	-3
60. Тунис	0	-1	-1	-2	0	0	-1	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-2	-3	-1	-6
61. Вьетнам	-1	-1	-2	-4	0	-1	-2	-2	0	-4	-2	-2	0	-4	-3	-3	-2	-8
62. Другие	0	-2	-1	-3	0	-2	-1	-3	0	-2	-2	0	0	-4	0	-4	-3	-7

Источник: таблица составлена авторами на основе расчетов, использующих показатели базы данных ОЭСР «ГТВА».

совершенно закономерны. Япония продолжает пребывать в депрессии с начала 1990-х годов, и не может улучшить свое по-прежнему одно из лидирующих мест в системе МРТ. Германия же за счет усиления интеграционных связей внутри ЕС и появления единой европейской валюты существенно улучшила свое положение в МРТ. Подчинив себе европейские рынки, она усилила свои традиционные конкурентные преимущества в машиностроении, что проявилось и в экспансии на других мировых рынках.

Таблица 4

Матрица «участие в ГЦС – общая национальная промышленная компетентность», 1995–2011

Индекс ОНПК ¹ / Индекс ГЦС	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Низкий			Аргентина (-3 → -1) Бразилия (2 → 1)		
Ниже среднего		Австралия (-1 → 3)	Индонезия (-1 → 2) Индия (-1 → 0) Канада (0 → 0) Турция (0 → 0)	США (5 → 4)	
Средний		С. Аравия (-8 → -5) ЮАР (-3 → -3) Филиппины (-4 → -4)	Таиланд (-1 → 2) Италия (1 → 2) Мексика (0 → 1) Польша (-2 → 0) Россия (-1 → 0) Испания (0 → 0) Великобритания (0 → -2) Франция (2 → -1)	Германия (5 → 5) Япония (9 → 7)	Китай (3 → 12)
Выше среднего			Малайзия (-4 → -1)	Ю. Корея (3 → 4)	
Высокий			Тайвань (3 → 2)		

¹ Рядом с названием страны в скобках показана динамика индекса ОНПК в 2011 году по сравнению с 1995 годом.

Источник: таблица составлена авторами на основе расчетов, использующих показатели базы данных ОЭСР «TiVA».

Матрица «участие в ГЦС – стратегическая национальная промышленная компетентность», 1995–2011

Индекс СНПК ¹ Индекс ГЦС	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Низкий		Аргентина (-6 → -6)	Бразилия (-1 → -1)		
Ниже среднего		Индонезия (-8 → -3) Австралия (-3 → -5)	Канада (-2 → -1) Индия (-3 → -2)	США (5 → 3)	
Средний	С. Аравия (-9 → -10)	Россия (-2 → -4) ЮАР (-5 → -6)	Мексика (0 → 2) Филиппины (-4 → 0) Польша (-4 → -1) Турция (-4 → -2) Таиланд (-3 → -2) Великобритания (1 → 1) Франция (0 → 0) Италия (0 → 0) Испания (0 → 0) Нидерланды (-1 → -1)	Китай (-1 → 7)	Германия (5 → 9) Япония (11 → 10)
Выше среднего		Малайзия (-1 → -3)		Ю. Корея (2 → 5)	
Высокий				Тайвань (1 → 4)	

¹ Рядом с названием страны в скобках показана динамика индекса СНПК в 2011 году по сравнению с 1995 годом.

Источник: таблица составлена авторами на основе расчетов, использующих показатели базы данных ОЭСР «TiVA».

«Падение» ранга индекса стратегической промышленной компетентности США (с 5 до 3) является закономерным результатом господства отживающих ныне в этой стране теорий «новой экономики» [17] и «финальным аккордом» признаваемой ныне

ошибочной стратегии поиска конкурентных преимуществ за счет аутсорсинга промышленных производств в другие страны. По нашему мнению, именно в 2010–2011 гг. в этой стране возобладал противоположный вектор промышленного развития, направленный на реиндустриализацию и возврат промышленных предприятий на территорию страны [18]. Сторонники реиндустриализации Америки справедливо указывают на то, что невозможно оставаться технологическим лидером, не развивая «рядом» научно-исследовательскую и промышленно-конструкторскую базу.

И, разумеется, даже не ошеломляет закономерный успех Китая, индекс стратегической промышленной компетентности которого всего за полтора десятилетия «прыгнул» из «минусовой области» до +7, преодолев 8 позиций, что является абсолютным рекордом данного рейтинга. Закономерность индустриализации Китая заключается в том, что развитие обрабатывающих отраслей при наращивании экспорта этой продукции привело в этой стране к концентрации конкурентных преимуществ в машиностроении – «сердцевине» обрабатывающих производств.

Таблицы 4 и 5 позволяют наглядно сопоставить динамику отдельных стран в ГЦС с их динамикой в индексах общей и стратегической промышленной компетентности соответственно. Красным шрифтом выделены страны ухудшившие свое положение, зеленым – улучшившие, обычным – сохранившие неизменным. Россия с точки зрения глубины участия в ГЦС является типичным середнячком, ухудшившим свою стратегическую промышленную компетентность, что является тревожным сигналом для проводимой политики импортозамещения.

Таким образом, разработанная концепция позволяет системно оценить промышленную эффективность участия страны в ГЦС, выявить наиболее «узкие места» с точки зрения промышленной динамики и сформулировать адекватные рекомендации по их нивелированию в рамках национальной промышленной политики. Авторы понимают, что любая методика не совершенна, а потому выражают надежду на конструктивную критику со стороны профессионального сообщества экономистов.

Список литературы

1. ЦБ оценил масштабы ослабления рубля в 2014 году // ИА «Банки.ру». – 14.01.2015. – URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=7562379> (дата обращения: 14.11.2016).
2. Королева, А. Импортозамещение без шума / А. Королева, М. Рогожников // Expert Online. – 17.11.2016. – URL: <http://expert.ru/2016/04/5/mnogo-shuma-iz-nichego/> (дата обращения: 14.11.2016).
3. Transforming Economies. Making industrial policy work for growth, jobs and development / J. M. Salazar-Xirinachs [etc.]; International Labour Organization. – Geneva, 2014.
4. Кондратьев, В. Б. Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости / В. Б. Кондратьев // Мировая экономика и международные экономические отношения. – 2015. – №3.
5. Кондратьев, В. Б. Глобальные цепочки добавленной стоимости в современной экономике / В. Б. Кондратьев; портал «Перспективы». – 17.03.2014. – URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=269044> (дата обращения: 14.11.2016).
6. Дрейпер, П. Взгляд на мир через цепочки добавленной стоимости / П. Дрейпер; Экспертный канал «Экономическая политика». – 18.01.2013 (По материалам доклада Питера Дрейпера «The shifting geography of global value chains: implication for trade policy» 11 декабря 2012 г. на встрече экспертов мировых исследовательских центров Think 20). – URL: <http://ecpol.ru/index.php/2012-04-05-13-42-46/2012-04-05-13-43-05/484-vzglyad-na-mir-cherez-tsepochki-dobavlennoj-stoimosti> (дата обращения: 14.11.2016).

7. *Стефенсон, Ш. М.* Глобальные цепочки создания стоимости: новая реальность международной торговли / Ш. М. Стефенсон; International Centre for Trade and Sustainable Development. – 10.06.2015. – URL: <http://www.ictsd.org/bridges-news/мосты/news/глобальные-цепочки-создания-стоимости-новая-реальность-международной> (дата обращения: 14.11.2016).
8. Последствия глобальных цепочек создания стоимости для торговли, инвестиций, развития и занятости / ОЭСР, ВТО и ЮНКТАД, 2013.
9. 2015 edition of TiVA indicators. Measuring Trade in Value Added: An OECD-WTO joint initiative / OECD. – URL: <http://www.oecd.org/std/measuringtradeinvalue-addedanoecd-wtojointinitiative.htm> (дата обращения: 14.11.2016).
10. World Trade Report 2014 / WTO. – 2014.
11. Interconnected Economies. Benefiting from Global Value Chains / OECD. – 2013.
12. *Кадочников, П. А.* Перспективные вопросы расширения участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости / П. А. Кадочников // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – №2.
13. *Мешкова, Т. А.* Мировые тенденции развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости и участие в них России / Т. А. Мешкова, Е. Я. Моисеичев // Вестник Финансового университета. – 2015. – №1.
14. *Мурадов, К.* Россия-АСЕАН: Торговля и глобальные производственные цепочки / К. Мурадов // Мировая экономика и международные экономические отношения. – 2015. – №8.
15. Global Value Chains: Challenges, Opportunities, and Implications for Policy / OECD, WTO and World Bank Group. – 2014.
16. «Нет задачи вслепую заместить все и вся»: глава Минпромторга Денис Мантуров об импортозамещении и экспорте // «Коммерсант.ру». – 16.08.2016. – <http://www.kommersant.ru/doc/3064815> (дата обращения: 14.11.2016).
17. *Толкачев, С. А.* Неоиндустриализация как технотронная новая экономика (на примере роботизации промышленности США): ч. 1 / С. А. Толкачев, А. Д. Кулаков // Мир новой экономики. – 2015. – №4.
18. *Маликова, О. И.* Энергосырьевые факторы и перспективы реиндустриализации экономики США / О. И. Маликова, С. А. Побываев, С. А. Толкачев // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №9.

О. В. Дьяченко¹

ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА ПРИОРИТЕТОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Введение в проблему

Современная рыночная экономика кардинально отличается от экономики конца 90-х. Причина изменений в системной трансформации в способе производства. Вызовы «Новой экономики» указали на необходимость подстраивания отечественной хозяйственной системы под глобальные технологические тренды, среди которых особо отмечаются информатизация средств производства, рост интеллектуализации хозяйственных процессов, ускорение высокотехнологичных процессов, рост значимости инвестиционных проектов в фундаментальных и прикладных научных разработках. Глубина этих явлений, в первую очередь, видна на промышленных производствах. Однако стоит отметить, что в определенной степени данные тенденции незначительно коснулись отечественной промышленности в силу самых различных обстоятельств:

- недостаточность финансовых ресурсов;
- отсутствие экономического интереса у собственника в финансировании обновления производственных мощностей;
- недостаточное внимание со стороны ответственных государственных органов за промышленное развитие;
- международная конъюнктура и пр.

Основным инструментом, с помощью которого развитые экономики принимали решения по адаптации к мировым изменениям национальных производств, выступила государственная промышленная политика. В России, по причине преобладания либерального мировоззрения на перспективу экономического развития, до середины 2000-х г. речи о необходимости «вмешательства государства в хозяйственные процессы» и наличия «провалов рынка» в высших политических кругах не поднималось, тем самым вопросы реализации промышленной политики перед правительством практически не ставились. Современный этап развития демонстрирует ошибочность либерального подхода к экономическому развитию и актуализирует значимость внимания различных профессиональных кругов к природе, роли, месту, целям, задачам промышленной политики как важнейшему инструменту в «руках государства» по возрождению национальных производительных сил и выведению их потенциала на ведущие мировые позиции в целях обеспечения экономической безопасности страны.

В настоящее время среди отечественных ученых – экономистов достаточно серьезное внимание уделено вопросу реализации государственной промышленной политики. Встречается много различных подходов к идентификации ее природы, форм и методов реализации в условиях российской экономики. Особый интерес представляют работы

¹ Олег Вячеславович Дьяченко, заместитель директора по учебной работе Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, канд. экон. наук.

сотрудников УрО РАН, исследовавших региональные аспекты реализации промышленной политики: Татаркина А. И. [28], Романовой О. А. [24], Шеломенцева А. Г. [31], Ченчевич С. Г. [30], Тоскунина В. Э. [29], Пыткина А. Н. [23], Пилипенко Е. В. [20]. Частные вопросы промышленной политики Уральского региона, факторам ее успешной реализации посвящены работы Даванкова А. Ю. [14], Зарубежнова Е. С. [15], Брижак О. В. [11] и др. Также следует отметить вниманием работы Бархатова В. И. [7], Глазьева С. Ю. [12], Клейнера Г. Б. [16], Рыбакова Ф. Ф. [25], Сухарева О. С. [27], Попова В. В. [12], Княгинина В. Н., Щедровицкого П. Г. [17] и др. Нельзя обойти вниманием работы сотрудников Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, а также исследователей, реализующих с ними совместные научные проекты: Бодрунова С. Д. [8], Гринберга Р. С. [13], Бузгалина А. В. [32], Некипелова А. Д. [18], Сорокина Д. Е. [26] и др.

Приведенный выше далеко не полный перечень выдающихся экономистов России, позволяет говорить о том, что вопросу реализации государственной промышленной политики сегодня уделяется крайне пристальное внимание со стороны научного сообщества. Однако большой диапазон взглядов, что несомненно является положительным моментом, на природу, субъектов и объектов, инструменты, формы осуществления промышленной политики, не позволяют выработать консолидированного мнения о перспективах ее реализации и тем самым донести до экономических властей жестко обоснованную и выверенную программу стратегических и тактических мер.

Постановка проблемы. Поиск объектов государственной промышленной политики

Весьма активно в дискуссионное поле вошел проект реиндустриализации экономики России. В ряде научных работ данный проект именуется как стратегия, изредка в качестве политики. А. И. Татаркин определяет промышленную политику как составную часть стратегии общественного развития. Ф. Ф. Рыбаков, напротив, указывает на то, что промышленная политика имеет стратегическую и тактическую составляющие. Мы разделяем мнение Ф. Ф. Рыбакова. Есть совокупное научное знание – работы различных ученых, которые определяют природу государственной промышленной политики, ее характерные черты, типы и т.д. – т.е. ядро, а также выделяется научное знание, описывающее методы ее реализации, этапы, инструменты, которые могут быть применимы в определенных экономических, географических, политических, социальных и прочих условиях – это вариативные параметры для формирования стратегии реализации промышленной политики. Также отдельно выделяется «институционализированное знание» о государственной промышленной политике, что выражается в ФЗ «О государственной промышленной политике», а также в различных документах стратегического планирования, которые в целом представляют собой свод законов, норм и правил в отношении траектории развития и методов достижения целей.

Так, принятый в декабре 2014 г. ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» определяет промышленную политику как «комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала Российской Федерации, обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции» [3]. Набор ключевых позиций, рассмотренных в законе (заинтересованные субъекты; задачи, цели и принципы; роль государственных органов власти на различных уровнях и др.) регламентируют общие правила игры между государством и субъектами, основная хозяйственная практика которых связана с промышленным производством или воспроизводством промышленного потенциала отрасли (группы предприятий), принципы их взаимодействия.

Проекта «реиндустриализации» как документа стратегического планирования не существует. Тем не менее, различными учеными в настоящее время данный вопрос активно прорабатывается, более того, различными деловыми кругами предпринимаются попытки институционализировать отдельные результаты научных изысканий в форме рекомендаций, стратегии и др. Анализ публикаций по этой тематике позволяет утверждать, что сложилось теоретическое ядро в отношении «деиндустриальных» явлений в отечественной экономике, напротив, вопросы природы реиндустриализации и пути ее реализации вызывают споры и обсуждения. В отношении, например, объекта реиндустриальных преобразований также четкой картины у сторонников данной теории не сложилось. Выделяют различные объекты реиндустриальных преобразований:

- 1) НБИКС – технологии. Государство должно обеспечить условия для воспроизводства технологий 5–6 укладов.
- 2) ИКТ и станкостроение.
- 3) Машиностроение.
- 4) Старопромышленное производство (металлургия, химическое производство, электроэнергетика и т.д.) [9].

Поддержка данных отраслей рассматривается как точки роста всей экономической системы. С целью их возрождения и выращивания необходимо разрешить проблемы, которые сдерживают количественный и качественный рост в этих отраслях. Сторонники необходимости реиндустриальных преобразований выделяют триаду проблем: «производство – наука – образование». Профессора А. Бузгалин и А. Колганов к вышеперечисленным проблемам добавляют «культуру» и «образование» [32]. Таким образом видим, что для возрождения промышленности и производства конкурентоспособной на мировом рынке продукции необходимо в рамках стратегии реиндустриализации затрагивать вопросы, выходящие за рамки промышленной политики и компетенции органов, ответственных за ее реализацию.

Мы придерживаемся точки зрения, где прорабатываются вопросы поддержки старопромышленных предприятий и отраслей. По нашему мнению, в сферу влияния государственной промышленной политики должны попадать в первую очередь те предприятия и отрасли, которые обеспечивают устойчивое развитие как региональных субъектов экономики, так и всей экономической системы в целом. Уже не раз было отмечено, что отечественный промышленный потенциал концентрирован в секторе 3 и 4 технологического уклада, что в определенной степени несет риски экономического развития (в случае чрезмерной концентрации внимания лишь на данной сфере). Тем не менее, не подразумевается, что те отрасли, которые обеспечивали экономический рост и развитие экономики в середине XX века (электроэнергетика, нефтехимия, металлургия и прочее), не смогут воспроизводиться на 5 или 6 ТУ. Основное объяснение, которое наталкивало на мысль о необходимости отхода стратегического развития от технологий индустриальной эпохи в том, что даже при инновационном обновлении средств производства, эти отрасли никогда не дадут высокой добавленной стоимости, по сравнению, например, с информационным сектором экономики. Отчасти такая ситуация имеет место, однако на старопромышленных отраслях другая немаловажная стратегическая нагрузка – обеспечение занятости. Никакая высокотехнологичная отрасль на сегодняшний день не способна обеспечить подобной занятости в регионах, как на металлургических, нефтехимических, энергетических предприятиях. Внутренняя экономическая политика России акцентирует свое внимание на создании конкурентных условий, в рамках нее государственная промышленная политика стремится создать конкурентные высокотехнологичные точки роста. Эти точки роста будут концентрироваться в первую

очередь у представителей крупнейших национальных обрабатывающих производств. Об этом могут свидетельствовать расставленные акценты экспертов Минпромторга в утвержденной распоряжением правительства РФ государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 г.» на значимости различных отраслей экономики. В нижеприведенном рисунке отображена матрица промышленной политики, сгруппированная по двум критериям: стратегической значимости и вкладу в экономический рост страны различных отраслей промышленности (рис. 1).

Из матрицы видно, что в реализации промышленной политики, государством металлургическому производству отводится важнейшая роль, поскольку она вносит значительный вклад в социально-экономическое развитие, экономический рост, следовательно, и в экономическую безопасность страны. Данная матрица отражает текущее отношение и видение отраслевым государственным аппаратом (Минпромторгом) роли в стратегическом развитии различных отраслей народного хозяйства. На сегодняшний день в научных и политических кругах проходят острые дискуссии в отношении необходимости реструктуризации экономики России. Акцент в основном ставится на том, что в российской экономике высок уровень сырьевой специализации, в связи с чем актуальность пересмотра, казалось бы, представленной выше матрицы достаточно высока [5]. Однако, хочется привести цитату из выступления А. Д. Никипелова на Абалкинских чтениях в декабре 2013 г.: «Сегодня рассуждения по поводу так называемого «ресурсного проклятия» вошли в моду, с их помощью пытаются обосновать чуть ли не все наши экономические неурядицы ... Разве может функционировать экономика без сырья и энергоносителей? И разве имеет право на существование экономическая система, в которой производство важного для всех продукта становится основой для огромных проблем? ... В добыче нефти, переработке нефти используются самые современные технологии, это высокотехнологичные виды деятельности. Бесконечные стенания о «топливно-сырьевой игле» никуда, кроме тупика, привести не могут» [13]. В статье «Нам нужна новая экономика» В. В. Путин отметил: «... Готовы ли мы рисковать своей экономикой ради чистоты экономической теории?» [22]. Нет, не готовы. Санкционная политика против России, международные политические противоречия, войны не могут не указывать на мысль о том, что происходит мировая борьба за разделение рынков и доступа к природным ресурсам. Поэтому вся риторика в отношении перспективности «постиндустриального мифа» в противовес стратегической неактуальности материального базиса, сформированного в период существования в нашей стране плановой экономической системы, пуста и опасна. Экологически грязное, вредное, порождающее массу противоречий в экономическом развитии металлургическое, нефтехимическое производства – это наиболее важные факторы экономической, социальной, политической безопасности России на современном историческом этапе. Пределы развития и роста этих отраслей нами не достигнуты, следовательно, простор для технологического перевооружения, роста интеллектуализации производственных процессов, выстраивания глобальных производственных цепей – предстоящая задача.

Реализация государственной промышленной политики в регионе с металлургической специализацией

В вышеупомянутом документе отдельным элементом рассматривается программа модернизации металлургии. В качестве обязательных мероприятий реализации программы выделяются следующие направления, которые указаны в нижеследующей табл. 1.

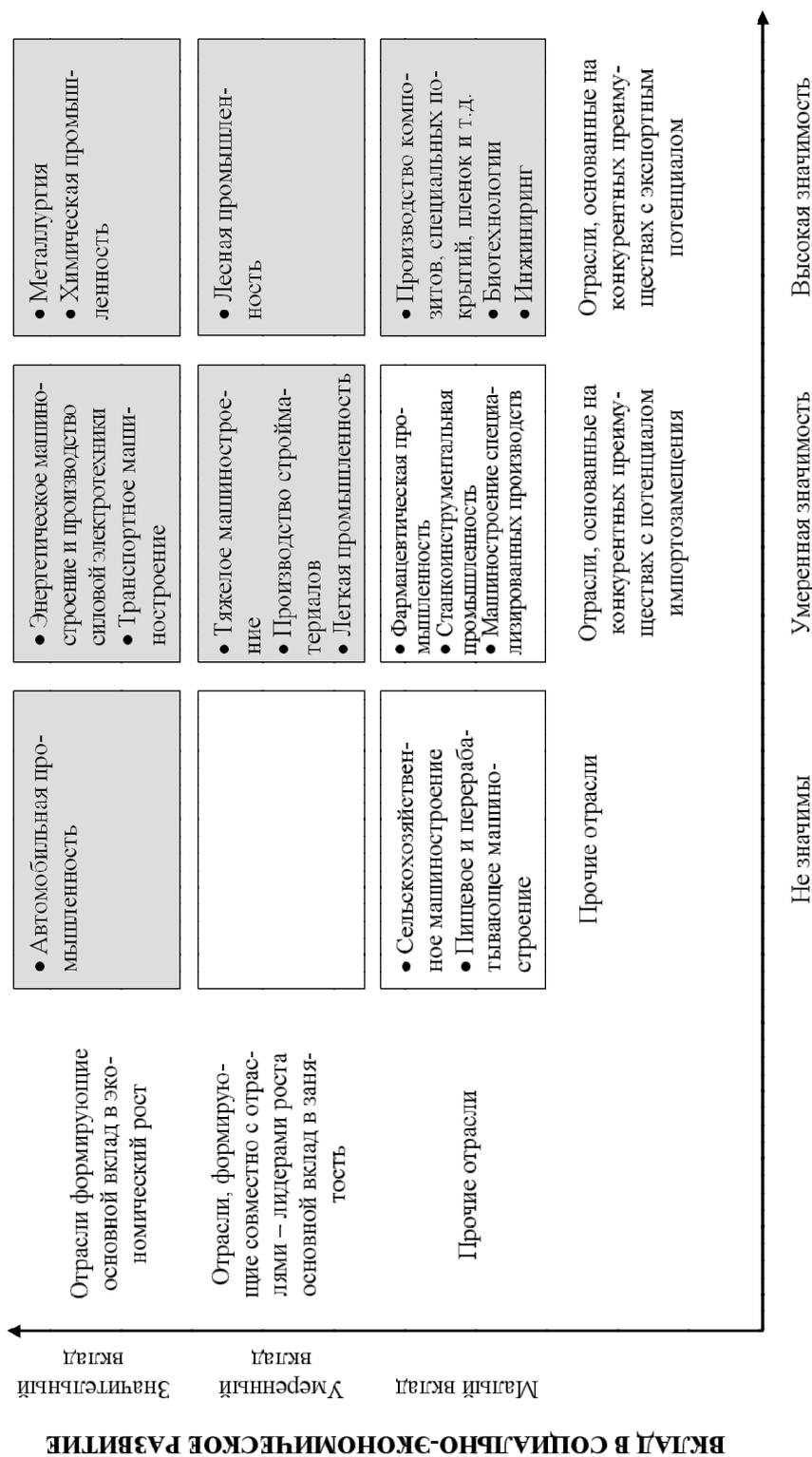

Рис. 1. Матрица государственной промышленной политики

Таблица 1

Основные мероприятия по поддержке конкурентоспособности металлургии в России

Основные мероприятия	Цель	Основные направления реализации	Ожидаемый результат	Целевые индикаторы и показатели
Стимулирование повышения качества и конкурентоспособности металлопродукции	Обеспечение спроса на металлопродукцию в необходимых номенклатуре, качестве и объемах поставок металлопотребляющим отраслям на внутреннем и внешнем рынках путем увеличения конкурентных преимуществ российской продукции за счет ускоренного инновационного обновления отрасли, повышения экологической безопасности и снижения ресурсоемкости	В рамках реализации основного мероприятия предусматривается ряд мер государственной поддержки, направленных на стимулирование инновационной активности предприятий, оснащение современным высокоэффективным оборудованием новых и модернизируемых производств, снижение издержек производства и простоев оборудования	Повышение качества и конкурентоспособности металлопродукции из черных и цветных металлов. Увеличение объемов экспорта. Рост поставок металлопродукции на внутренний рынок с одновременным увеличением доли отечественной металлопродукции во внутреннем металлопотреблении. Рост доли продукции с высокой добавленной стоимостью	Индекс промышленного производства к предыдущему году; индекс промышленного производства к 2011 году; индекс производительности труда к предыдущему году; индекс физического объема инвестиций в основной капитал к предыдущему году
Стимулирование технического перевооружения модернизации предприятий металлургического комплекса		В рамках реализации основного мероприятия предусматривается предоставление субсидии российским предприятиям специализированной металлургии на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях и в государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» в 2008–2011 годах на техническое перевооружение	Техническое перевооружение отрасли на основе проведенной модернизации. Снижение износа основных производственных фондов. Повышение качества и конкурентоспособности производства на фоне повышения производительности труда. Сокращение объемов выбросов в атмосферный воздух на 24% к 2020 г., сбросов загрязненных сточных вод – на 50%	
Стимулирование ресурсо- и энергосбережения в отрасли		В рамках реализации основного мероприятия предусматривается ряд мер государственной поддержки, направленных на стимулирование предприятий к внедрению новых энерго- и ресурсоэффективных технологий, включая меры таможенно-тарифного регулирования	Снижение ресурсо- и энергосбережения в металлургии. Снижение энергоемкости металлургического передела к 2020 г. на 20–22%, горнорудного передела – на 18–20%. Увеличение доли выплавки стали в электродуговых печах до 39% от общего объема выплавки к 2020 г. при полном закрытии маргеновских производств	

Реализация программы поддержки конкурентоспособности металлургических производств учитывает наличие субсидий. Адресный характер субсидий представлен в следующей форме:

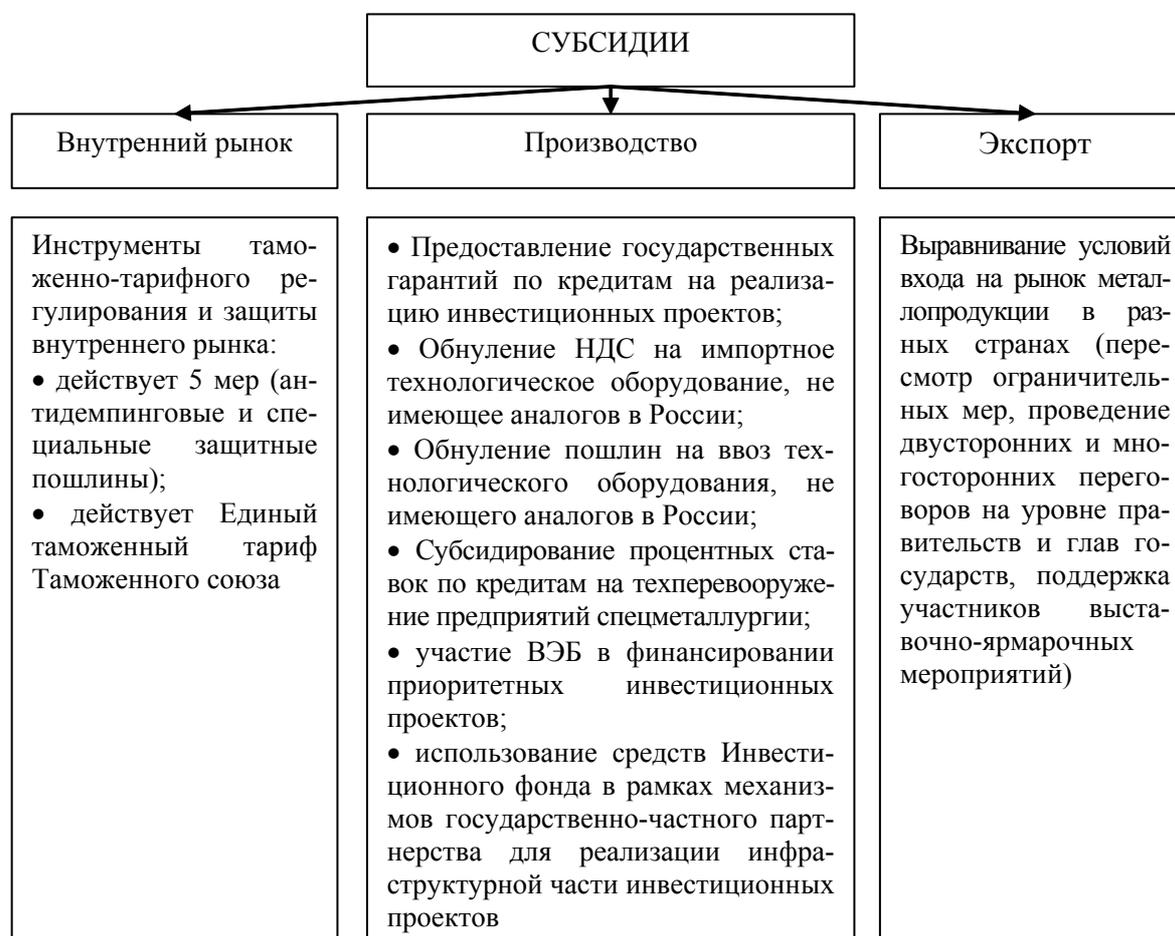

Рис. 2. Субсидирование металлургической отрасли

При условии решения ряда отраслевых проблем, данная производственная сфера способна, в перспективе до 2030 года, выступать в качестве точки экономического роста субъекта федерации, обеспечивать высокотехнологичными рабочими местами местные муниципалитеты, выступать одним из столпов финансовой устойчивости региона, и в целом соблюдать режим экономической безопасности как региональной экономики, так и страны в целом [19].

В качестве основных направлений государственной промышленной политики в сфере металлургического производства может выступать:

1. Совершенствование технологической и разработка ресурсной базы металлургического производства.

Одной из центральных проблем на современном металлургическом предприятии, помимо производства качественного и конкурентного на рынке товара, является

снижение потерь сырья в процессе его переработки. Для обозначения эффективности переработки сырья применяется «коэффициент эффективности использования сырья». Его высокий показатель зависит как минимум от 4 факторов:

- Содержание в сырье основного минерала (в свою очередь зависит от химического состава, глубины залегания, методов добычи, обогащения, подготовки к переработке);
- Эффективность применяемых технологий (производительность оборудования);
- Соблюдение заданного технологического режима путем применения высоко-технологичных средств измерения условий проводимого процесса (ЭВМ, программное обеспечение)
- Эффективность технологических процессов, улавливающих промышленные выбросы, очистки сточных вод, организованного хранения отходов, получаемых в процессе переработки сырья, а также технологии способные к воспроизводству отходов в повторном технологическом цикле [7].

В ходе реализации стратегии данный показатель может выступать одним из ориентиров модернизационных усилий, а также критерием эффективности принимаемых мер. Тем не менее, при его адекватном подсчете на современном этапе может возникнуть ряд проблем.

Рассматривая металлургическую промышленность в Уральском федеральном округе, отметим следующие аспекты. Доля округа в общем объеме производства металлургической продукции страны превышает 40%. Промышленные предприятия Челябинской и Свердловской области обеспечивают 40% потребностей страны в стали и готового проката черных металлов, а также около 45% производства стальных труб [2]. УрФО является вторым регионом в стране по запасам железных руд – 14,8% балансовых запасов (ЦФО – 60% балансовых запасов). При этом имеется неравномерность в обеспеченности территорий УрФО запасами: 90% запасов расположены в 25 месторождениях Свердловской обл. и 10% в 24 месторождения Челябинской области. Более того, проблема усугубляется тем, что в последнее десятилетие наблюдается опережающая тенденция погашения разведанных запасов сырья над темпами прироста балансовых запасов. Недостаточная железорудная база черной металлургии Урала характеризуется отсутствием достаточной рудной базы по бокситам, олову, вольфраму, редкоземельному сырью. Металлургическое производство в УрФО обеспечено собственным железорудным сырьем на 50–60%. Около 20 млн. тонн сырья ежегодно ввозится из Центральной России (Михайловский, Лебединский горнообогатительный комбинаты, Карелии (Костомукшский ГОК), Казахстана (Соколовско-Сарбайский ГОК). В связи с постоянным ростом тарифов на железнодорожные перевозки, растет риск потери конкурентоспособности по затратам уральских производителей как на внутреннем, так и внешнем рынках.

Таким образом, задача обновления устаревших производственных мощностей обрабатывающей промышленности представляет собой только часть сложного пути по реализации стратегии роста конкурентоспособности металлургического производства России. Разные металлургические регионы в разной степени обеспечены залежами природных ресурсов. Таким образом, во избежание стратегических просчетов, касаясь объектов финансовой, информационной, инфраструктурной поддержки, необходим аудит рудных запасов и их качественных и потребительских свойств на территориях.

2. Формирование условий и стимулирование инвестиционной активности как непосредственно в металлургической отрасли, так и в металлопотребляющих отраслях экономики.

Металлургическая промышленность выступает ресурсным донором для ряда ведущих отраслей экономики: машиностроение, энергетика, строительство, ОПК, химическая промышленность, легкая промышленность и др. Наиболее металлопотребляющей отраслью в России выступает трубопроизводство. Тем самым, успех металлургии напрямую зависит от успехов в перечисленных отраслях – от инвестиционного климата.

3. Проблемы моногородов, социально-экономическое развитие которых тесным образом зависит от успехов градообразующих металлургических предприятий.

Экономика большей части моногородов Южного и Среднего Урала специализируется на добыче и переработке черных и цветных металлов. В связи с этим, стабильная социально-экономическая обстановка в муниципальных образованиях тесным образом связана с устойчивым развитием градообразующих предприятий. В 2014 г. Правительство РФ утвердило перечень моногородов, распределенных по 3-м группам. Градированный перечень моногородов УрФО представлен в табл. 2.

За период с 2014 по 2015 гг. в результате ежегодного мониторинга моногородов были отмечены следующие перемены в составе вышеуказанного перечня моногородов.

Таблица 2

Перечень моногородов УрФО, распределенных «в зависимости от степени ухудшения складывающейся в них социально-экономической ситуации» по результатам мониторинга на 2015 г.[4]

Субъект РФ	1. Категория моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций)	2. Категория моногородов, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения	3. Категория моногородов со стабильной социально-экономической ситуацией
Свердловская область	Краснотурьинск, Волчанск, Карпинск, Североуральск, Первоуральск	Красноуральск, Качканар, Верхняя Тура, Верхняя Пышма, Каменск-Уральский, Асбест	Полевской, Серов, Нижний Тагил, Рева, Верхняя Салда, пгт. Малышева
Челябинская область	Усть-Катав, Нязепетровск, Верхний Уфалей, Карабаш, Аша, Миньяр, Бакал	Сим, Сатка, Златоуст, Миасс, Чебаркуль	Магнитогорск, Озерск, Трехгорный, Снежинск
Курганская область		Петухово, Далматово, Катайск	пгт. Варгаши

К положительным тенденциям отнесем: в Свердловской области из 1 во 2-ю категорию перешел г. Каменск-Уральский, а г. Серов и г. Верхняя Салда из 2 в 3 категории; в Челябинской области из 2 в 3 категории перешел г. Озерск.

К отрицательным тенденциям отнесем: в Свердловской области из 3 во 2-ю категорию перешли г. Верхняя Пышма и г. Асбест; в Челябинской области из 2 в 1 категорию опустились г. Миньяр и г. Бакал.

Проблема моногородов не нова. Институты, существовавшие в период плановой экономики, данные проблемы, в определенной степени эффективности, своевременно решали. Поскольку правила игры рыночной экономики фундаментально отличны от планового хозяйства: в первую очередь отрицается актуальность государственного вмешательства в конкурентную среду, то и правила выживания также разнятся, т.е. (концептуально) не подразумевается внешняя поддержка. Предпринимательская частная инициатива, как показывает практика, не смогла справиться с вызовами нового экономического режима. Безусловно, часть приватизированных предприятий воспроизвела и приумножила свой производственный потенциал, однако подавляющая часть градообразующих предприятий в условиях рынка не смогла обеспечить свою хозяйственную деятельность обновленными производственными мощностями, не предложила конкурентную продукцию и не нашла свою рыночную нишу. Моногорода УрФО (Челябинской и Свердловской обл.) преимущественно представлены добывающей и обрабатывающей металлургической промышленностью. По причине того, что данная сфера промышленности является одной из самых фондоемких, энергоемких, трудоемких и ресурсоемких, то и конкурентоспособность на мировом рынке российских отечественных производителей должна базироваться на основе этих преимуществ. Либеральная модель российской экономики за последние 25 лет не смогла сформировать благоприятных условий, для того чтобы базис промышленного производства, перешедший в частную собственность воспроизвелся на инновационной основе, обеспечив конкурентоспособность градообразующих предприятий по вышеперечисленным параметрам. Тем самым, сегодня пришли к тому, что государство вынуждено финансировать частную собственность, во избежание кризисных явлений на региональном уровне. Экономические проблемы, возникающие на градообразующих предприятиях неминуемо влекут за собой комплекс проблем: безработица, социальная напряженность, миграция, рост преступности. Все это подпитывает общественное недоверие к органам государственной власти, деградации институциональной среды, потере инвестиционной привлекательности и т.д.

Для эффективного решения проблемы моногородов необходимо жестко идентифицировать их источник: градообразующее предприятие или слаборазвитая муниципальная экономическая среда. В зависимости от этого будет более эффективным применение различных инструментов государственного вмешательства в лице Минпромторга, Минэкономразвития.

Заключение

По нашему мнению, вектор усилий государству следует направить на тот промышленный задел, который был сформирован в XX веке – в период как плановой, так и рыночной экономик. Речь идет об отраслях, которые обеспечивают сегодня безопасность муниципалитета, региона и страны в целом. Безусловно, за высокотехнологичными отраслями будущее, тем не менее, мало примеров, когда в регионе совмещается деградирующая индустриальная инфраструктура и на фоне прослеживается прогрес-

сивное развитие высокотехнологичной среды. «Или» в данном случае неуместно. Развитие обеих сфер между собой связано и взаимообусловлено, поскольку спрос на инновационные товары в первую очередь обеспечивает крупный промышленный капитал, ОПК. Более того, мировые тенденции последних десятилетий указывают на то, что прослеживаются процессы конвергенции между высокотехнологичными отраслями, создающих продукт с высоким уровнем добавленной стоимости и промышленными предприятиями, располагающими ресурсами и производственными мощностями, но извлекающих более низкую добавленную стоимость.

Индустриальная экономика, основанная на 3 и 4 ТУ развивается по своим правилам и законам и, напротив, инновационная, базирующаяся свой потенциал на технологиях более высокого порядка – на своих. Тем не менее, теоретические модели намного проще устроены, чем реальная экономика, которая по существу является многоукладной. Подходы государственного регулирования к высокотехнологичным отраслям и старопромышленным зачастую противоречивы, из-за чего остро стоит проблема адекватной, своевременной, точечной государственной поддержки тех, кто больше всего в ней нуждается. В силу различного социально-экономического развития регионов России, одни территории нуждаются в более сильном государственном влиянии, другим необходима максимально либеральная экономическая среда. По этой причине эффективность государственной промышленной политики не в малой степени определяется результатами социально-экономического, технологического, политического мониторинга и аудита промышленных регионов. От верно выбранного, своевременно реализуемого, прозрачно финансируемого типа промышленной политики региона будет зависеть его темп экономического роста.

Рассматривая Уральский федеральный округ можно заключить, что его экономика базируется на двух отраслях:

- Добывающая и обрабатывающая металлургическая промышленность (Свердловская и Челябинская обл.);
- Добыча и переработка нефти и газа (Тюменская обл.).

Промышленная инфраструктура, уровень занятости населения на градообразующих предприятиях, экологическая обстановка указывает на то, что экономическая система основана на уровне 4 ТУ. Совокупный уровень инновационной активности промышленных организаций в УрФО на 2014 г. составил 8,6%. Этот незначительный процент организаций, осуществляющих технологические инновации – есть небольшой задел 5 технологического уклада, т.е. та микросреда, которая позволяет не отрицать феномен многоукладности. Картина по УрФО в отношении доли промышленных организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций, отражена в таблице 3.

Законодатель, принимая нормативные правовые акты, положения, федеральные законы, в условиях рыночной системы подразумевает всеобщность распространения их действия. ФЗ «О государственной промышленной политике» устанавливает общие правила игры для всех участников, задействованных в промышленном производстве товаров. Регионы в силу своих экономических особенностей, реализуют данный ФЗ в установленных им рамках, но вправе использовать различные инструменты. Из табл. 3 видим, что на 2014 г. 91,4% промышленных предприятий УрФО не занималось внедрением технологических инноваций. Соответственно, можно предположить, что для этой группы хозяйствующих субъектов формирование государством таких же «парниковых» условий как для инновационных компаний будут не только не уместна, но, возможно, и вредна.

Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций, (%) [33]

	2011	2012	2013	2014
Российская Федерация	9,6	9,9	9,7	9,7
Уральский федеральный округ	10,6	10,3	9,2	8,6
Курганская обл.	13,9	11,5	9,1	8,9
Свердловская обл.	12,0	12,4	11,1	9,5
Тюменская обл.	8,6	7,7	7,5	7,4
Ханты-Мансийский автономный округ	9,0	7,1	7,2	4,9
Ямало-Ненецкий автономный округ	7,4	8,2	6,2	11,2
Челябинская обл.	10,9	11,0	9,2	9,2

Список литературы

1. Об утверждении стратегии развития черной металлургии России на 2014–2020 годы и на перспективу до 2030 года и стратегии развития цветной металлургии России на 2014–2020 годы и на перспективу до 2030 года. Приказ Минпромторга РФ от 05.05.2014 № 839.
2. «Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года» от 06.10.11 № 1757-р.
3. ФЗ № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 г.
4. О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) (с изменениями на 24 ноября 2015 года). Распоряжение Правительства от 29 июля 2014 года №1398-р.
5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 328
6. *Бабкин, К. А.* Разумная промышленная политика необходима и возможна / К. А. Бабкин // Планирование: перезагрузка / под ред. А. В. Бузгалина. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 374–388.
7. *Бархатов, В. И.* Рациональное использование природных ресурсов Челябинской области: в 2 ч. Ч. 1,2 / В. И. Бархатов, И. П. Добровольский, Ю. Ш. Капкаев. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2015. – 282 с.
8. *Бодрунов, С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2016. – 332 с.
9. *Бодрунов, С. Д.* Формирование стратегии реиндустриализации России: в 2 ч. / С. Д. Бодрунов; Ин-т нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб., 2015. – Ч. 1. – 551 с.
10. *Бодрунов, С. Д.* Промышленная политика России: уроки прошлого, черты настоящего, дизайн будущего / С. Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России. – Т. 195, № 6. – М., 2015. – С. 157–178.
11. *Брижак, О. В.* Динамика технологических укладов и потенциал развития высокотехнологичного производства: взгляд со стороны корпорации / О. В. Брижак // Вестник Челяб. гос. ун-та. – № 2 (384). Экономические науки. Вып. 52. – 2016. – С. 24 – 35.

12. *Глазьев, С. Ю.* О формировании системы стратегического управления развитием экономики / С. Ю. Глазьев // Планирование: перезагрузка / под ред. А. В. Бузгалина. – М.: Культурная революция, 2016 – С. 83 – 98.

13. *Гринберг, Р. С.* Обновление экономической системы: большие проекты как ключ к выходу из стагфляционной ловушки / Р. С. Гринберг // Экономическая система современной России: Анатомия настоящего и альтернативы будущего / под ред. С. Д. Бодрунова, А. А. Пороховского. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 163–173.

14. *Даванков, А. Ю.* Трехфакторная модель оценки сбалансированности развития региональных подсистем / А. Ю. Даванков, Н. Л. Яцукова // Вестник Челяб. гос. ун-та. – № 18 (373). Экономика. Вып. 51. – 2015. – С. 28 – 38.

15. *Зарубежнов, Е. С.* Тенденции и проблемы реиндустриализации Южного Урала / Е. С. Зарубежнов // Вестник Челяб. гос. ун-та. – № 18 (373). Экономика. Вып. 51. – 2015. – С. 80 – 89.

16. *Клейнер, Г. Б.* Реиндустриализация, ресайентизация, реинституционализация – ключевые задачи экономического возрождения России / Г. Б. Клейнер // Экономическое возрождение России. – 2015. – №4 (46). – С. 34–40.

17. *Княгинин, В. Н.* Промышленная политика России: кто оплатит издержки глобализации / В. Н. Княгинин, П. Г. Щедровицкий. – М.: Европа, 2005. – 160 с.

18. *Некипелов, А. Д.* Реиндустриализация в России / А. Д. Некипелов // Научные труды Вольного экономического общества России. – Т. 180, № 1. – М.: Геодезия, 2014. – С. 63.

19. От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока / под общ. ред. А. И. Татаркина, В. В. Кулешова, П. А. Минакира; Инт-т экономики УрО РАН. – Екатеринбург, 2009. – 1227 с.

20. *Пилюпенко, Е. В.* Промышленность и промышленный комплекс в экономической науке: проблемы теории / Е. В. Пилюпенко, К. П. Гринюк // Бизнес. Образование. Право: Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2013. – № 3 (24). – С. 126–130.

21. *Попов, В. В.* Стратегии экономического развития / В. В. Попов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Издат. дом ВШЭ, 2011. – 336 с.

22. *Путин, В. В.* Нам нужна новая экономика / В. В. Путин // Ведомости. – № 3029 от 30.01.2012. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (дата обращения: 10.10.2016).

23. *Пыткин, А. Н.* Современные аспекты трансформации промышленных моногородов / А. Н. Пыткин, А. Н. Ласунов // Российское предпринимательство. – 2014. – № 21 (267). – С. 54–60.

24. *Романова, О. А.* Возможности и ограничения модернизации регионального металлургического комплекса / О. А. Романова, Е. Н. Селиванов, С. Г. Ченчевич // Экономика региона – 2012. – № 4. – С. 92–98.

25. *Рыбаков, Ф. Ф.* Промышленная политика России: история и современность / Ф. Ф. Рыбаков. – СПб.: Наука, 2011. – 189 с.

26. *Сорокин, Д. Е.* Условия и факторы эффективной реиндустриализации и промышленной политики России / Д. Е. Сорокин, С. А. Толкачев // Экономическое возрождение России. – 2015. – №3 (45). – С. 87–99.

27. *Сухарев, О. С.* Индустриальная политика и развитие промышленных систем: эволюция, институты и управление / О. С. Сухарев. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 160 с.

28. *Татаркин, А.И.* О возможностях и механизме неоиндустриализации старопромышленных регионов / А. И. Татаркин, О. А. Романова // Экономист. – 2013. – № 8. – С. 31–41.

29. Совершенствование механизмов реализации государственной социально-экономической политики развития северных территорий России / В. Э. Тоскунина, А. Г. Шеломенцев, О. В. Губина, А. А. Проворова // Известия Коми научного центра УрО РАН. – Вып. 4 (12). – Сыктывкар, 2012. – С. 107–111.

30. Чененова, Р. И. Принципы формирования и реализации региональной промышленной политики / Р. И. Чененова, С. Г. Ченчевич // Экономика региона. – 2007. – № 3. – С. 72–77.

31. Минерально-сырьевой комплекс как основа социально-экономического развития Урала / А. Г. Шеломенцев, В. Н. Беляев, С. В. Дорошенко, О. В. Бурый // Известия Коми научного центра Уро РАН. – № 3 (11) – 2012. – С. 115 – 122.

32. Экономическая система России: Анатомия настоящего и стратегия будущего (реиндустриализация и / или опережающее развитие) / под ред. А. В. Бузгалина. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 200 с.

33. Индикаторы инновационной деятельности: 2014, 2015, 2016: стат. сб. / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2014–2016.

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИИ

*В. Б. Сироткин*¹

УКРЕПЛЕНИЕ ДОВЕРИЯ В ОБЩЕСТВЕ: СОПРОТИВЛЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ СИМУЛЯКРОВ

Предварительные замечания

Исследуя взаимосвязи между реальностью, символами и обществом, французский философ, социолог и культуролог Жан Бодрийяр (1929–2007) выдвинул гипотезу о том, что современное общество заменило реальность и смысл символами и знаками [5].

Симулякр – это копия, изображающая что-то либо вовсе не имевшее оригинала, либо со временем его утратившее. Симулякры не только не являются отражениями реальности, они не основываются на реальности. Они скрывают тот факт, что ничто из существующей реальности уже не релевантно² нашему текущему пониманию действительности. Конструирование воспринимаемой реальности на основе симулякров обеспечивает понимание общего существования. Называемые обществом конструкции реальности насыщают нашу жизнь бесконечно изменяющимися симулякрами [5].

Бодрийяр пишет, что при увеличении количества информации в СМИ происходит ее имплозия³. Информация не только не продуцирует смысл, выступая операционной моделью другого порядка, не предполагающего никакого смысла, но разрушает или нейтрализует смысл, что вызвано разубеждающим влиянием СМИ. Вместо мотивации к коммуникации СМИ занимаются инсценировкой смысла и добиваются разложения социального взаимодействия.

¹ Владислав Борисович Сироткин, заведующий кафедрой менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, д-р экон.наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

² Релевантность (от англ. относящийся к делу) – уместность, актуальность, соответствие документа ожиданиям пользователя, существенность, важность.

³ Имплозия – взрыв изнутри, быстрое разрушение под влиянием внутренних факторов, в противоположность эрозии – медленному разрушению от действия высших причин.

Термин симулякр был первоначально использован во Франции для отображения процессов перехода западноевропейского общества эпохи модерна⁴ (индустриальное общество) в эпоху после модерна (постиндустриальное общество).

В настоящей статье мы только указываем на наличие симулякров и их влияния на доверие в обществе и не пытаемся исследовать источники их происхождения. Мы выбрали термин «симулякр», чтобы охарактеризовать процессы изменений в нашем обществе, которое пытается двигаться к модерну (демократии, капитализму, индустриализации и др.). Значение термина «симулякр» в том, что он позволяет раскрыть содержание тех явлений, которые разрушают создание общества модерна. Например, симулякр представляет собой вещи/процессы, которые по своему содержанию не соответствуют своему названию. Например, мы называем прибылью то, что по своему внутреннему содержанию прибылью не является. Термин «бесхозяйственность» симулякром не является, т. к. удовлетворяет процессам реальной действительности.

Мышление согласно образцам модерна принято нами за норму, а симулякр – это отклонение от нормы модерна⁵. Мы исходим из предположения о том, что социально-экономические изменения реализуются для достижения модернизации страны в направлении капитализма.

Разделяя замечания критиков, концепции Ж. Бодрийера (ограниченность фактической базы, из которой он экстраполирует свой мрачный взгляд на мир, смешение научной и ненаучной терминологии и неравномерность распространения симулякров в современной культуре и др.) рассмотрим примеры наличия симулякров в современном социально-экономическом сегменте нашего бытия. Актуальность затронутых вопросов определяется потребностью в формировании смыслов адекватных изменениям в окружающем мире и укреплении доверия между сторонами общественного договора.

Примеры симулякров

Подмена процесса воспроизводства основных фондов (ОФ) бухгалтерской отчетностью, отображающей их обновление, представляет собой один из примеров симулякра. С использованием данного симулякра Росстат пытается динамику разрушения материально-технической базы представить как процесс ее стабилизации.

Поясним, как формируется такой бумажный симулякр, опираясь на исследование [1]. Беспрецедентный износ ОФ в стране определяет масштабы деградации амортизационной базы, необходимой для воспроизводства хозяйственной деятельности фирм. Масштабные государственные переоценки ОФ (1992–1996) увеличили их стоимость в 6974 раза и проводятся на предприятиях по настоящее время. В результате практики переоценок бухгалтерская (учетная) степень износа основных фондов в экономике существенно ниже реального износа в 2013 году составила 47,7%. Более поло-

⁴ В развитии западноевропейской цивилизации эпоха модерна (от англ. современный) – это понятие, обозначающее освобождение человека от Бога и мышления мира сакральным; доминирования научного мышления (рационализм, доказуемость, верифицируемость, точность и др.); утверждения капиталистического общественного строя, индустриализации, урбанизации и развития институтов государства.

⁵ Ж. Бодрийер исследовал начало постмодернистского общества, идущего на смену существующему обществу модерна. Мы исходим из того, что у нас в стране модерн еще не достигнут.

вины амортизационной базы существенно ниже реального износа физически сильно изношенных ОФ удается сохранять с использованием исключительно учетных правил и иллюстрировать существенное превышение величины коэффициентов обновления основных фондов над коэффициентами выбытия. Инвестиционная деятельность, представленная в отчетности, фактически обозначает не обновление ОФ, а их капитальный ремонт [1].

Рассмотренный пример позволяет предположить, что мы существуем в окружении симулякров: на месте прибыльной деятельности нам демонстрируют убыточную и наоборот. Экономические науки в условиях фальсификации статистических данных лишаются эмпирической базы и трансформируются в жанр литературы – игру слов и терминов в разнообразных контекстах («свой–чужой», «хорошо–плохо» и др.). Например, высокая инфляция не дает возможности улучшить положение с инвестициями в стране. Чтобы продемонстрировать макроэкономическую стабильность, Росстат публикует заниженные данные по инфляции в потребительском секторе страны (назначаемая инфляция).

Человек, как существо спонтанное, принимает большинство решений не согласно правилам, а в соответствии с ситуацией. Существование в такой среде можно назвать бытием внутри симулякра. Бытие в пространстве, установленном правилами (в данном случае отчетности), которые не отражают реальности и искажают смыслы, будет иметь следствием имитацию/симулякр законного формального поведения или сопротивление симулякру.

Переоценка ОФ предприятий, не меняя их физического состояния и структуры, позволяет увеличить поступления амортизации. В результате переоценок себестоимость товаров и услуг предприятий увеличивается на величину прироста амортизационных отчислений, а прибыль и рентабельность при неизменных ценах снижается. При постоянных ценах переоценка ОФ сводится к перераспределению амортизации и прибыли. С ростом амортизации увеличение издержек (падение прибыли) предприятия стремятся компенсировать ростом цен. Результатом рассмотренной практики формирования гибрида «прибыль–амортизация» выступает инфляция.

Появление нового гибридного показателя в хозяйственной практике привело к следующему:

1. Показатель по экономическому содержанию, именуемый прибылью, представляет собой сумму частей прибыль и амортизация. Данный гибрид фигурирует на правах прибыли во всех отчетных показателях эффективности хозяйственной деятельности предприятий (продажи, активы, рентабельности и др.). Завышая значение прибыли, содержащая этот гибрид отчетность грубо фальсифицирует фактическое положение дел в экономике и препятствует принятию правильных управленческих решений на всех уровнях общественного производства [1].

2. Воссоздание амортизационной базы, достигаемое инновационной заменой ее материальной основы, подменяется государственной отчетностью по правилам, утвержденным свыше. Содержание такой отчетности не соответствует экономическому содержанию реальных процессов воспроизводства ОФ.

Деградация материально-технической базы ведет к увеличению расходов на ее техническое обслуживание и себестоимости выпуска. Без повышения цены существование производителя в таких условиях становится невозможным. Хозяйственная деятельность обреченных на банкротство фирм меняет направление мотиваций владельцев и менеджеров. Откат становится формой раздела дохода от повышения цены между продавцом и промежуточным потребителем. Население как конечный потребитель,

и государство компенсирует потери работающих, но фактически убыточных предприятий. В состав цены включаются ренты многочисленных претендентов на прибыль предприятий. Рентные интересы удовлетворяются за счет потенциальных инвестиционных ресурсов – прибыли и амортизации и роста цен. Высокая инфляция препятствует реальному экономическому росту в стране. Представленный пример существования симулякра – прибыль, отображающая экономическую систему, можно дополнить фактами, согласно которым, в стране почти треть доходов по труду образуется вне правового поля. На долю скрытой оплаты труда приходится в 1995 году 18%, в 2013 году – 27,8% [10]. Существование симулякров подтверждается многочисленными фактами существования значимого сектора нелегальной экономики, не охваченного государственным правом. Получатели скрытых доходов являются «безбилетниками», но пользуются общественными благами. Институциональные риски растут, а доверие в обществе падает.

Второй пример симулякра – переход к расширению контроля за деятельностью вузов для обеспечения их подотчетности и прозрачности. Покажем, что данное средство управления вузами мало влияет на качество образования и представляет собой контроль за симулякром – отчетностью.

Ранжирование качества объектов на основе количественных характеристик их свойств, присутствующих в отчетах, позволяет осуществлять мониторинг и управлять объектами на расстоянии. Руководители верхних уровней получают из отчетов представления о происходящем на нижних уровнях иерархии. Перечислим проблемы, сопутствующие стремлению расширить в образовании контроль извне.

Во-первых, проблема эффективной репрезентации: отчет подменяет реальность репрезентацией самой реальности (картой, картиной, контекстом, фреймом и др.). Реальность отображается в отчете как регулятивное, а не предметное понятие. Существуют серьезные основания сомневаться в соответствии такой упрощенной и за счет этого контролируемой картины, реальности [6]. Из моделей-отчетов в лучшем случае можно предположить случайные или неполные выводы о вузе, наиболее вероятны неверные заключения о нем. Отчетность подменяет многообразие типологией – искусственным миром оценок, предназначенных для управления и идеализирующих ложные предпосылки.

Во-вторых, эмпирической базой моделей объекта управления выступает информация, содержащаяся в документах. Процедура контроля предполагает сопоставление количественного образа объекта с эталоном. С одной стороны, желание хорошо выглядеть перед проверяющими наполняет отчетность недостоверными сведениями. Отчетность ведет собственное существование, не связанное с тем, что она должна отображать. В результате наличия противоположных интересов у поднадзорных и контролеров разрыв между реальностью и ее отображением постоянно увеличивается, т. к. отчеты должны демонстрировать положительную динамику развития вуза. Через непродолжительный отрезок времени содержание отчета превращается в симулякр реального объекта. С другой стороны, эталон – теоретическая модель для ранжирования вузов – формируется сверху интуитивными регулятивными, а не предметными понятиями. Моделирование вводит предпосылки, с помощью которых контролер может эффективно контролировать среду. Нереалистичные предпосылки в модели необходимы для целей управления. К таким нереалистичным предпосылкам моделей отчетности можно отнести следующие утверждения: формы контроля обладают приоритетом над содержанием образования; содержание обучения и его средства и технологии следует контролировать сверху/извне, а не внутри профессионального сообщества; содержание обу-

чения может быть удовлетворительно отображено в отчетной документации с помощью такого понятия инструментализма, как «компетенция» и др.

В-третьих, оценка на базе всеобщего рейтинга означает потерю профессиональной автономии и доверия внутри вузовского сообщества. Взаимная оценка результатов образовательной деятельности осуществляется теперь не самими преподавателями, а извне, внешним субъектом. Позиция преподавателя определяется тем, какие сведения о нем представлены в отчет: индексы цитирования, количество научных работ, объем финансирования и др. Содержательная деятельность педагога и воспитателя отодвигается на второстепенный план. Смещение ориентиров, под давлением оценок осуществляемых извне, разрушает профессиональные оценки и изменяет практики. Доверие руководителей к преподавателям снижается, профессионалы не участвуют в обсуждении форматов отчетов-моделей, отображающих результаты их труда. Офисный пролетариат устанавливает свою диктатуру и подчиняет просвещение учету, унификации и стандартизации. Засилье формализма рождает у исполнителей недоверие к декларируемым целям контроля. Раскрытие информации рассматривается поднадзорными как дополнительный риск потери ренты [7].

В-четвертых, отчет по утвержденным нормативам и регламентам смещает приоритеты образовательного процесса от качества знаний студентов к качеству внутренних регламентов. Контроль качества знаний замещается административным контролем качества системы управления качеством и представления результатов. Анализ содержания контроля за вузами позволяет предположить, что в вузах власть переходит от профессиональной бюрократии к механической. Процессы труда профессионалов слишком сложны, чтобы аналитики могли их анализировать, их нелегко измерить и выстроить на основе формализации действий. Взаимоотношения профессионалов предполагают высокую степень автономии и следование собственным стандартам поведения. В профессиональной организации главной задачей является диагноз – точная оценка существующей ситуации. Механистическая бюрократия – это структура, одержимая контролем: руководство не доверяет подчиненным, если те наглядно не демонстрируют выполнение заданий и подозрительно относятся ко всему, что ему не подконтрольно [8].

Следование установленным сверх рутиных правилам снимает с исполнителя ответственность за результат его деятельности. Универсальный безличный регламент оценок, навязанный механистической бюрократией извне, дистанцирует потребителя и исполнителя образовательных услуг. Механистические бюрократии формируются в области массового производства, однообразной операционной деятельности. Ошибочно полагать, что механистические формы организации и контроля способны решать содержательные задачи, стоящие перед отечественной высшей школой. Вероятнее, что примитивные структуры пытаются истребить сложность управляемой профессиональной образовательной среды до уровня, который они способны понимать. Ради этой цели обладающие легитимной властью бюрократии уничтожают многообразие и индивидуальность, недопустимо вульгарно упрощают картины реальности и используют стандартные процедуры оценки вузов. Представление результатов в отчетах отображает контроль контроля за исполнением нормативов и регламентов. Решения о том, на какие основания опирается внедряемая модель-отчет, остаются за пределами научных аргументов и находятся в сфере идеологии и политики.

В-пятых, принятая сегодня модель управления вузом не обеспечивает соответствия целей (эффективность) и средств их реализации (универсальные правила, рейтинги и пр.) [9]. В истории многие высокие цели не были достигнуты из-за неадекват-

ных способов их реализации. Инструментализм чреват внутренними противоречиями. Наличие противоположных подходов к работе профессионалов и непрофессиональной иерархии вызывает конфликты между операторами и администраторами. В недемократической среде эти конфликты до времени скрыты и содержат в себе источник будущих кризисов и изменений. Выдвинутая нами гипотеза несоответствия стимулов к эффективности и форм организации контроля в высшей школе эмпирически может быть подтверждена следующими фактами:

- низкой долей вознаграждения за профессиональную деятельность в составе операционного ядра и высокой долей вознаграждения высших администраторов вузов в общем объеме вознаграждения работников вуза;

- широким распространением ученых степеней и званий среди администраторов, принимающих незначительное участие в содержательной (неинструментальной) деятельности вузов;

- распространением формальных количественных критериев при оценке эффективности деятельности вузов и их мониторинге, слабо отображающих как образовательный процесс, так и его результаты. Правительство, которое соответствует дивизиональной форме организации, и министерства – механические бюрокрации, стремятся использовать понятные им нормы и правила для контроля профессиональных бюрокраций;

- снижением профессиональных требований к студентам и преподавателям с неудовлетворительным уровнем знаний.

Институт профессионального научного сообщества (нравственные и этические нормы, высокая социальная ответственность, целостность научных школ), содержащий ядро творческого потенциала науки, замещается институтами контроля извне. Когда содержание формальных правил и информации не соответствует смыслам и установкам, определяющим профессиональное поведение, возникает недоверие к такой информации и ее источнику. На наш взгляд, проблема снижения взаимного доверия управляемых и управляющих на всех уровнях общественной иерархии и во всех сферах деятельности становится ключевой для сохранения устойчивости общества.

Доверие в обществе

После дефолта 1998 года олигархия, чтобы не допустить национализации собственности⁶, захваченной после распада СССР, добилась партнерства с государством, выстроенного на основе экспортно-сырьевой модели развития. Часть природной ренты⁷, присвоенной олигархией и оседавшей в офшорах, с использованием экспортных

⁶ После дефолта в августе 1998 года могла быть принята альтернативная модель развития – национализация и вертикальная интеграция крупнейшей частной собственности в интересах подъема России.

⁷ Природная рента – разница между экспортной и внутренней ценой природного ресурса. Экспортеры и собственник недр (государство) делят ренту между собой. Девальвация рубля после дефолта 1998 года была скачкообразной – за три месяца экспортная цена в пересчете на рубли увеличилась в 3 раза. Экспортеры и бюджет увеличили свои доходы, бюджет стал профицитным. Расширились возможности для роста заработной платы без повышения производительности труда, т. е. для роста внутренних цен и их сближения с экспортными ценами. Таким образом, потенциал девальвации для восстановления промышленности быстро себя исчерпал.

пошлин и налога на добычу полезных ископаемых пополняла государственный бюджет и могла быть направлена на поддержку совокупного внутреннего спроса [2]. Система долевого участия в природной ренте превратила олигархов государства и домохозяйства в партнеров. Партнерство на базе экспортно-сырьевой модели развития могло удовлетворять большинство, при условии постоянного роста общего объема извлекаемой ренты. Это условие социального контракта могло выполняться: цена на нефть с 20 долл. за баррель в 2002 г. увеличилась до 110 долл. за баррель в 2014 г. [3]. Рост экспортной выручки позволил поддерживать увеличение номинальной заработной платы и совокупного спроса в стране. За период 2004–2014 гг. шло пополнение Резервного фонда страны, а правительство смогло погасить большую часть внешних заимствований.

С осени 2014 года началось резкое падение цен на нефть до 43 долл. за баррель в 2015 году [4]. Активизировались группы интересов, ориентированные на переход от государственного регулирования платежеспособного спроса к регулированию предложения не рыночными (количество денег в обращении, процентные ставки и др.), а преимущественно бюджетными средствами (налоги, расходы госбюджета).

Рост ВВП сам по себе не способен удовлетворительно решить социальные задачи. Социальное государство служит инструментом снижения противоречий в обществе. Такое государство регулирует собственность и доходы в интересах большинства. Устойчивость общества определяется уровнем доверия домохозяйств к государству и бизнесу. Высокий удельный вес в числе бедных, тех, кто трудится в сфере производства,⁸ позволяет предположить, что движущей силой неравенства в стране выступает иерархия отношений собственности, которая мешает укреплению доверия в обществе.

Для сохранения целостности общества проблема укрепления доверия выступает центральной. Известный английский историк Арнолд Тойнби (1889–1975) отмечал, что появление разлада, раскола и разногласия ведет к надлому цивилизаций⁹. При вертикальном типе раскола надломленное общество распадается на ряд локальных государств, ведущих междоусобные войны. При горизонтальном расколе по классовым линиям в надломленном обществе правящее меньшинство утрачивает право и способность быть лидером и продолжать игру с нетворческими массами [11].

Кризис 2008–2009 гг., последующий краткосрочный «отскок» 2009–2010 гг. и переход к устойчивому снижению темпов роста и производительности потребовал пересмотра условий общественного договора. При формировании такого договора целесообразно использовать следующие основные заключения Новой институциональной экономической теории.

⁸ Признаком пролетариата выступает не столько бедность, а постоянное чувство неудовлетворенности, подогреваемое отсутствием законно унаследованного места в общества. Росту внутреннего пролетариата сопутствует увеличение ненависти к правящему меньшинству, числа преступников, беженцев и наемников – благодатного материала для социального взрыва насилия [11].

⁹ Причина надлома – потеря внутреннего единства, гармонии и пропорциональности. Характер общества смещается в сторону экономического развития и потери культурного и нравственного влияния. Надлом означает исчезновение с исторической сцены творческого меньшинства, вызывавшего доверие большинства, и добровольное желание подражать ему и следовать за ним. Постепенно на смену приходит правящее меньшинство, которое пытается сохранить доверие с помощью силы. Цивилизация перестает быть целым.

1. Институты (правила поведения) – это подушка, которая не дает экономике падать долго и глубоко. Перенести институты из одной страны в другую не удастся.

2. Исправить ошибки, допущенные при первоначальном выборе траектории развития, невозможно. Культура не позволяет существенно изменять формальные и неформальные институты общества и закрепляет его движение по первоначально выбранной траектории.

3. Элиты общества осуществляют три типа поведения:

- создают законы для других и допускают для себя исключения;
- создают законы для себя, а затем распространяют их на других;

• контролируют исполнение правил поведения либо с помощью тайной полиции, либо коллективно.

4. Производство общественных благ требует трансакционных издержек, которые кто-то должен оплатить. Интересы и переговорная сила сторон, согласующих общественный договор, разные.

5. При заключении коллективных договоров элиты (малые группы) способны договориться между собой. Большим группам согласовать условия договора, как правило, не удается.

Декан экономического факультета МГУ Аузан утверждает следующее.

1. В 2004 году произошел сильный сдвиг в составе социального контракта. В 2001–2003 гг. предложенный Г. Грефом договор «налоги в обмен на правопорядок» не состоялся. В обмен на рост заработной платы население обеспечило лояльность правительству. В 2008–2009 гг. за лояльность населению заплатили увеличением бюджетных расходов. С 2011 года наличие бюджетного дефицита не позволяет компенсировать замедления развития. Активизируется деятельность по пересмотру действующего социального договора.

2. Существуют следующие формы обмена ожиданиями в социальном контракте: обмен правопорядка на уплату налогов; обмен благосостояния на лояльность; за принадлежность к великой державе население соглашается на мобилизационный рывок в развитии.

3. Мобилизационный режим имеет следующие недостатки:

а) сопровождается сокращением населения; б) население должно подчиняться прямому насилию (большевикам потребовалось после Гражданской войны (1918–1921) около десяти лет, чтобы решить эту задачу; Петр Великий в качестве ресурса имел крепостных крестьян); в) при наличии для граждан открытых границ перераспределять можно только частную и государственную собственность. Пример такого перераспределения – покупка государственной компанией Роснефть государственной компании Башнефть¹⁰; г) недостаток высококачественного человеческого капитала из-за его оттока за рубеж.

В действующей модели управления бизнесом закрепился двойной стандарт корпоративного поведения (массовая практика организации бизнеса «для себя» за счет

¹⁰ В контексте настоящей статьи термин «симулякр» обозначает продажу государством компании самому себе. Для такой передачи было достаточно распоряжения Правительства. Осуществление операции по перераспределению госсобственности в форме обмена позволяет предположить существование у сторон сокрытых интересов. Указанный симулякр ослабляет доверие граждан к действиям Правительства при распределении общественных благ.

ухудшения положения «всех других»). Для разных категорий участников экономических отношений отсутствуют единые правила игры. Имеет место практика теневого контроля за деятельностью фирм со стороны олигархических групп и теневых структур. В существующих условиях правительству представляется целесообразным социальный контракт в форме обмена общественных благ на налоги. Из-за наличия высокого уровня всех форм неравенства в стране реализовать такой контракт будет нелегко. Потребуется признать идею либерального экономиста Мизеса (1881–1973) о том, что частная собственность не является привилегией владельца собственности, а является общественным институтом, предназначенным для благополучия всех. Придется изменить закомуфлированное рентоориентированное поведение менеджеров, нацеленное на захват контроля над активами и финансовыми потоками компаний и увеличение прибыли за счет роста цен. Пересмотр/перезаключение существующего общественного договора предполагает наличие доверия между его сторонами (стороны не должны использовать свои специфические активы¹¹ в оппортунистических¹² целях. Необходимо открытое и публичное обсуждение принципов и средств реализации общественного договора. Общественная оценка должна стать главным критерием эффективности работы правительства и силовых структур.

Профессор Тамбовцев В. Л. утверждает, что главная причина ошибок в стратегиях в том, что они разрабатываются не в переговорном процессе. Способность реализовать стратегию не менее важна, чем содержание стратегии; хорошая стратегия должна содержать в себе стимулы к ее реализации для всех ее исполнителей. Если мыслить стратегию как отношенческий контракт¹³ между владельцами специфических активов (местонахождение актива, человеческий капитал и др.), то можно стимулировать исполнителей, и вероятность реализации стратегии вырастет.

Процесс замены рационального авторитета, основанного на профессионализме, фиктивным авторитетом административных должностей является следствием захвата механическими бюрократиями сфер, принадлежащих другим организационным конфигурациям. При таких замещениях фиктивная бумажная реальность отодвигает настоящую реальность, которую все труднее понимать и оценивать. В результате явления, которые не подлежат сомнению для большинства людей, на самом деле представляют иллюзии, возникающие под воздействием новых норм и правил, насажденных механической бюрократией. Такая бюрократия формирует правила и нормы, в которые долж-

¹¹ Специфические активы – активы, которые являются результатом специфических инвестиций, имеют ценность только в контексте определенных взаимоотношений и не могут использоваться альтернативным образом без существенной потери их стоимости. Владелец специфических активов связан этими взаимоотношениями по рукам и ногам и может подвергнуться эксплуатации со стороны более сильного партнера. Очень сложно установить справедливую для обеих сторон цену, и это может выступить причиной оппортунистического поведения.

¹² Оппортунизм – действия одной стороны к изменению условий контракта в свою пользу.

¹³ Отношенческий (самовыполняющийся) контракт – это термин новой институциональной экономической теории, который означает долгосрочный, взаимовыгодный договор, определяющий общие условия, цели взаимоотношений сторон, механизмы принятия решений и разрешения конфликтов. Такие контракты относятся к ситуациям, когда существует зависимость между агентами, а неформальные условия преобладают над формальными.

ны верить большинство тех, кто им подчиняется. Вера в авторитет решения, для которого нет рационального доказательства, освобождает человека от трудной задачи самостоятельного мышления и дает ложное ощущение надежности; она отличается от рациональной веры, основанной на внутренней позиции, собственном профессиональном знании и убежденности.

В ситуации с образованием, как и в других случаях, когда мы лишены инсайдерской информации, о намерениях регуляторов исполнители могут лишь догадываться о подлинной, а не декларируемой цели изменений. Можно допустить, что рассмотренные нами несоответствия уже существующих и новых норм и правил, координирующих деятельность вузов, намеренно осуществляются регуляторами с тем, чтобы через кризисные процессы изменить систему: заменить руководство большинства вузов, использовать в качестве центров роста ограниченное число элитарных вузов, оставить небольшое число Ученых советов и формировать их из числа тех, кто публикуется на Западе, приглашать известных ученых из-за границы, ограничить сверхдоступность образовательных услуг и поднять их качество (сегодня вузы принимают 85% выпускников школ, в СССР – 20%). Механистические методы, с использованием которых сегодня стремятся изменить систему образования, многократно увеличивают риск уничтожения существующей профессиональной бюрократии.

Другим эмпирическим подтверждением выдвинутой гипотезы о несоответствии целей и способов их обеспечения может служить существующее сегодня противостояние научной общественности реформе Российской академии наук. Вопросы эффективности научной и образовательной деятельности взаимосвязаны: правительство стремится переместить научные исследования, осуществляемые на базе институтов Академии наук, в университеты, основной целью которых остается образование. Средства для такой трансформации нельзя считать удовлетворительными: интеграции в университетскую среду можно было бы добиться созданием дополнительных базовых кафедр в университетах, сформированных из действующих ученых. Источники низкой научно-инновационной эффективности следует искать не в РАН, а в том, что существующая в стране система капитализма не содержит внутренней заинтересованности владельцев и руководителей фирм к инновациям шумпетеровского типа. Известный экономист Я. Корнай (р.1928) указывает, что зарождению, продвижению и распространению инновационного предпринимательства препятствуют: централизованные бюрократические команды и распоряжения, низкое вознаграждение (быть первым невыгодно), отсутствие конкуренции между производителями и покупателями (монополизм, рынок производителя, экономика дефицита) и жесткие рамки выделения инвестиций (ограничения свободного капитала). И в этом случае профессиональной бюрократии РАН механическая бюрократия Министерства науки и образования навязывает способы функционирования, противоречащие принципам организации научного сообщества. И этот пример допускает предположение о том, что несоответствие декларируемых целей и способов их реализации возникает не из-за незнания регуляторов, а из-за существования скрытых целей реформирования (перераспределение прав по управлению имуществом, назначение, а не выбор руководителей, снижение расходов и др.).

Совмещение целей и средств их реализации может быть успешным, если в диалоге сторон установлены подлинные мотивы и выбраны действенные стимулы деятельности организации. Ошибки регуляторов изменений заключаются в выборе и продвижении малоэффективных мотивационных механизмов, не способных стимулировать воплощение целей, стоящих перед организациями.

Великий русский ученый П. Л. Капица в книге «Максимы и афоризмы» (1955) отмечал: «Трагедия нашего правительства в том, что, как и у большинства правительств мира, наука выше их понимания, они не умеют отличать знахарей от докторов, шарлатанов от изобретателей, фокусников и черных магов от ученых».

Лауреат Нобелевской премии по экономике Пол Кугман полагал, что истинная редкость в мире – это не ресурсы, а понимание происходящего. К сожалению, современная высшая школа, ориентированная на контроль за обучением компетенциям, не способна воспроизводить эту ценность. Обучение методологии в общественных дисциплинах, умение ставить правильные и своевременные вопросы вытеснены стремлением к самовыражению перед массовым слушателем.

Заключения

1. Большинство экономистов необоснованно обвиняют власть в переходе на экспортно-сырьевую модель развития страны. В основании таких обвинений лежит ложная предпосылка, согласно которой допускается существование внешней силы, способной управлять обществом. На наш взгляд, целесообразно исходить из предпосылки о том, что переход к экспортно-сырьевой модели есть форма (средство) реализации контракта (консенсуса, соглашения) между влиятельными группами интересов в стране. Формирование и исполнение такого контракта определяется расстановкой политических (власть «де-юре») и фактических (власть «де-факто») сил. Существовавшая до кризиса 2008–2009 гг. модель развития позволяла получать каждой из сторон договора (правительству, бизнесу и домохозяйствам) определенную долю растущей сырьевой ренты. Пока объем ренты увеличивался, стороны признавали легитимным рентоориентированное поведение. После того как рентные доходы сократились, активизировались перераспределительные процессы между сторонами договора. Растущее неравенство, в котором упрекают авторов и исполнителей рентоориентированной экономики, – это следствие концентрации избыточных частных сбережений, для которых не хватает рентабельных инвестиционных проектов. Эмпирические исследования указывают, что неравенство усиливается не только в странах догоняющего развития, но и в развитых странах.

2. Симулякры оказывают влияние на уровень доверия одних членов общества к другим. Одни симулякры способны разрушать, а другие – укреплять доверие в обществе. Количество негативной информации, разрушающей доверие в обществе, растет. Экономика из средства гармоничного развития человека превратилась в цель. Согласно либеральной концепции обмен симулякрами в обществе можно представить в виде взаимодействия спроса на симулякры и их предложения. Предложение и спрос на симулякры может выступать как средство борьбы за символическую власть – монополию на господствующее определяющее. Продукты СМИ (сериалы, новости (отформатированные события), ток-шоу) работают на изоляционизм и запрещения и содержат следующую рамку смыслов: мы существуем в отдельном государстве-цивилизации, наши ценности отличаются от ценностей стран Запада (конкуренция, частная собственность и др.), и мы никогда не найдем с ними общего языка; все элементы жизни граждан следует подчинить интересам государства, люди должны быть готовы к любым испытаниям и жертвам ради победы государства-цивилизации. Предложение симулякров предполагает наличие спроса на них: большинство населения уже более 400 лет предпочитает поведение согласно модели общества, где должно быть плохо всем, в том числе и государю. Соответствие спроса и предложения продуктов-смыслов достигают пу-

тем намеренного переформатирования фактов и придания им иного содержания (европейские слова и азиатские поступки) [12]. В результате производства и потребления симулякров модерна Россия остается страной археомодерна¹⁴ – незаконченного модерна.

3. Симулякры можно представить как средство защиты существующих общественных отношений от их разрушения изменениями. Традиция (неизменное) в изменениях придает устойчивость историческому движению. В ответ на разрушающие изменения объект реагирует симуляционным поведением¹⁵. Например, общество Греции активно сопротивляется способам модернизации извне, навязанным ей Европейским союзом¹⁶. Если симуляционное поведение закрепляется в виде норм и повседневных практиках, как управляемых так и управляющих, то симулякры превращаются в реальность, тормозят/преобразуют изменения и траекторию развития. Примерами развития симулякров/аномалий выступают охваченные наркобизнесом, нищетой и труппами города в Латинской Америке, межплеменная и религиозная резня в Африке, Ираке и Сирии. В результате симуляционного поведения модерн превращается в археомодерн – несостоявшийся модерн, при котором разные слои социума живут одновременно в нескольких эпохах. Деформированные экономические отношения приобретают опыт неэффективной рутины.

4. Отмеченные нами противоречия, сопровождающие организационные изменения выступают следствием попыток согласовать две противоположные институциональные системы хозяйственной жизни и взаимоотношений человека и государства – рыночную и раздаточную экономику. Каждая из этих экономик стремится закрепиться в сознании и общественных ценностях поколений. После президентских выборов в марте 2012 года укрепление и расширение полномочий президентской власти определяет движение к концентрации и централизации раздаточной экономики. Потребуется изменения в координации отношений между этими системами. Ответы на вопросы о том, возможна ли эффективная координация внутри страны рыночной и раздаточной экономик и как ее осуществлять, потребуют самостоятельных исследований. Если главенство раздаточной экономики не сможет обеспечить требуемый экономический рост, то вероятен очередной переходный период активизации квазирыночных отношений.

5. Рассмотренные проблемы, сопутствующие концентрации надзора за вузами, соответствуют контексту наблюдаемых глобальных изменений. Практика усиления контроля за деятельностью вузов выступает одним из элементов новой расширяющейся искусственной среды массового существования людей. Мы существуем во времена «новой нормальности» – будущего, которое уже наступило, но мы этого не заметили. Характерными чертами «новой нормальности» выступают следующие процессы:

¹⁴ Археомодерн – это модернизация одних сторон социальной жизни и архаизация других ее сторон. В итоге социум живет одновременно в нескольких эпохах, а поведение масс выступает как сила, активно саботирующая любые попытки прогрессивной модернизации.

¹⁵ Понятие «симуляция» означает устойчивую неэффективную норму на формальном и неформальном уровнях. Можно заменить это слово терминами «аномалия», «институциональная ловушка», «блокирование», «дисфункция института».

¹⁶ Европейский союз, задуманный как добровольное объединение суверенных государств, превратился в отношения между должниками и кредиторами, где кредиторы накладывают на должников условия, ставящие их в еще более подчиненное положение.

а) Парадигма доверия к людям сменилась парадигмой доверия к безличным правилам. Распространение симулякров сопровождается утратой доверия одних членов общества к другим. Недоверие препятствует организации добровольного кооперативного поведения, способного обеспечивать долгосрочные устойчивые результаты.

б) Деинтеллектуализация (отупение, ухудшение вкуса) и ориентация на маргиналов. Система пожирает непохожего на всех мыслящего человека, и интеллект воспроизводится с большим трудом. Наблюдается движение в архаику и принуждение творческого человека работать по стандартам невежд. Эмансипация слабых представляет угрозу для существования вида. Новое внедряется с огромным трудом.

в) Оценки на основе опросов электората и экспертов представляют ненадежную базу данных для принятия решений по правилам. Мы живем в виртуальном мире слов и образов, за которые никто не отвечает. Утверждения, полученные из рассуждений на основе аксиоматических правил, претендуют на универсальность и простоту, но проигрывают в точности отображения исследуемых процессов. Например, нам говорят, что образование выступает причиной богатства, а факты свидетельствуют о том, что полноценное образование есть следствие богатства.

г) Расширение опциональности – способности отказаться от выполнения принятых на себя обязательств и выиграть за чужой счет. В России государство никогда не возмещало ущерба тем, кто проиграл в результате изменений. Такая тенденция существенно ослабляет устойчивость общества к изменениям.

д) Разложение демократий, поскольку богатые «покупают» политические меры, которые им выгодны, а владельцы собственности получают преимущества по отношению к работающим. Бывшие предприниматели превратились в рантье, стригущих купоны, а собственность, передаваемая по наследству, играет ключевую роль, концентрируя богатство в верхних эшелонах общества. Высокая отдача на капитал и неравенство доходов разрушают механизмы капиталистических обществ. Будущее поглощается прошлым. Необходимо новое глобальное налогообложение для обуздания власти богатых и ограничения роста неравенства [10].

Перечисленные особенности глобальных изменений не следует рассматривать как исключительно отрицательные явления. Они могут быть истолкованы как попытки цивилизации временно отсрочить меры по прямому принуждению к изменению порядка. В обществе, не способном дать ответы на вызовы времени, разворачивается маскарад, в котором управляющие и управляемые подделываются друг под друга. Правящее меньшинство впадает в вульгаризацию, пропитывается установками пролетариев и теряет роль лидера. Архаизм (попытка обращения к прошлым временным периодам) занят примирением прошлого и настоящего. В противоречивых претензиях этих двух начал состоит его слабость как образа жизни [11].

Список литературы

1. Дасковский, В. Состояние экономики и его адекватное измерение / В. Дасковский, В. Киселева // *Экономист*. – 2015. – №11. – С. 3–24.
2. Губанов С. Кризисные реалии России и их преломление в оценках правительства (анализ статьи Д. Медведева) / С. Губанов // *Экономист*. – 2015. – №10. – С. 3–50.
3. Нефтяной суперцикл и бюджетная политика / Е. Гуревич [и др.] // *Вопросы экономики*. – 2015. – №9.

4. *Акиндинова, Н.* Новый этап развития экономики в постсоветской России / Н. Акиндинова, Е. Ясин // Вопросы экономики. – 2015. – №5. – С. 5–27.
5. *Бодрийяр, Ж.* Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр; пер.с фр. – М.: Респал-классик, 2015.
6. *Кошковец, О.* Эпистемологический статус моделей и мысленных экспериментов в экономической теории / О. Кошковец, Т. Вархотов // Вопросы экономики. – 2015. – №2. – С. 123–140.
7. *Сироткин, В. Б.* Теории организации: принципы, единицы анализа и ключевые атрибуты / В. Б. Сироткин. – СПб.: ГУАП, 2013. – С. 21–22.
8. *Минцберг, Г.* Структура в кулаке: создание эффективной организации / Г. Минцберг; пер.с англ. – СПб.: Питер, 2012.
9. *Сироткин, В. Б.* Институциональный подход к отображению социально-экономической реальности / В. Б. Сироткин. – СПб.: ГУАП, 2016.
10. *Расков, Н.* Институциональные ресурсы экономического развития / Н. Расков // Экономист. – 2015. – №6. – С. 68–77.
11. *Тойнби, А. Дж.* Постижение истории: сб. / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2002.
12. *Сироткин, В. Б.* Формирование поведения: символическая среда и средства коммуникации / В. Б. Сироткин // Экономическое возрождение России. – 2016. – №4.
13. *Дугин, А. Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию / А. Г. Дугин. – М.: Академический проект; Трикста, 2010.

*А. П. Бабаев*¹

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И СФЕРА УСЛУГ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Актуальность сферы услуг с точки зрения экономической теории (политэкономии) представляет большое значение. Это, в первую очередь, связано с возрастанием роли социальных отраслей сферы услуг и значимостью экономических видов деятельности по оказанию социальных услуг, совокупность которых образует социальную сферу в экономическом и социальном развитии цивилизованных стран. В числе наименее исследованных в последнее время проблем можно назвать проблемы качественно нового построения социальной сферы, духовного производства, являющихся интеллектуальным потенциалом общества. Опыт промышленно развитых стран свидетельствует о том, что никакой прогресс в обществе, а также в экономике невозможен за пределами развития человека и производства, распределения, обмена и потребления нематериальных благ и услуг.

Хозяйственный опыт стран мира показывает, что преимущественный рост сферы услуг в сравнении со сферой материального производства является закономерным фактом и проявляется во всех развитых цивилизованных государствах. Во-первых, уровень развития этих сфер служит одним из показателей экономического развития страны, производительности общественного труда и эффективности экономической системы в целом. Во-вторых, развитие сфер услуг отражает гуманизацию общественных отношений, образно говоря, тенденцию перехода от производства вещей к «производству человека». Преимущественный рост сферы услуг свидетельствует о тенденции сервисизации современного общества. Известный американский экономист У. Ростоу в своей работе «Политика и стадии роста» (1971 год) делит общество с точки зрения развития производственных сил на стадии роста, характеризуя последнюю шестую стадию как «поиск качества жизни». В этом обществе духовное развитие человека, преимущественный рост сфер услуг уже переходят на первый план.

На рубеже 80–90-х годов доля сферы услуг в валовом внутреннем продукте в развитых странах мира составляла 63%, а в развивающихся странах – 49%. В настоящее время в развитых странах абсолютная и относительная численность занятых в сфере услуг превышает численность занятых в материальном производстве национального хозяйства. В США доля занятых в сфере услуг превысила 50%-ный рубеж в 1955 году, в Великобритании – в 1960 году, во Франции – в 1970 году, в Японии – в 1975 году, в ФРГ и Италии – в 1980 году, в России – в 1995 году. Превращение сферы услуг в доминирую-

¹ *Алиджан Пириджаноглы Бабаев*, заведующий кафедрой экономической теории Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC), д-р экон. наук, профессор.

щий сектор национального хозяйства по производству валового внутреннего продукта и численности занятых получило название сервисной революции [4, с. 21].

1. Критерии разграничения материального производства и сферы услуг

Вся человеческая деятельность характеризуется, прежде всего, ее отношением к производству материальных благ. Основным отличительным признаком или критерием выделения материального производства из всех других видов жизнедеятельности общества и человека является ее преобразующее воздействие на вещество и силы природы, создание общественно-потребительных стоимостей, продуктов в вещной форме, форме энергии или в форме полезного эффекта труда – услуги перемещения, связи, информации, услуги, связанные с обслуживанием движения продуктов за пределами сферы материального производства. Сущность материально-трудовой деятельности определяется обменом веществ между человеком и природой, при котором в качестве предмета труда выступает вещество и силы природы, а преобразующее воздействие на последнюю, происходит при помощи средств труда. Следовательно, критерием выделения материального производства является содержание процесса труда и наличие трех его моментов – целесообразная деятельность или сам труд, предмет труда и средства труда. Все другие виды деятельности общества, не обеспечивающие непосредственный обмен веществ между человеком и природой, находятся за пределами сферы материального производства и образуют в своей совокупности сферу услуг экономики. «Под сферой услуг понимается совокупность разнородных отраслей национальной экономики, труд работников которых непосредственно направлен не на изменение и преобразование форм материи и сил природы, а на производство особой потребительной стоимости в форме конкретной трудовой деятельности и ее полезного эффекта, удовлетворяющего потребности общества и производства в целом, а также личные потребности людей» [4, с. 12].

Существует старый вопрос: вещная форма продукта труда присуща только материальному производству или же она возникает и в сфере услуг. Так, результаты труда социальных отраслей сферы услуг – писателей, скульпторов, художников существуют отдельно от труда создающего их субъекта, принимают вещную форму – книги, скульптуры, картины и могут вовлекаться в экономический оборот, отделяясь от труда исполнителей. Однако не вещная форма определяет содержание и функциональное назначение этих видов труда, а творческое отражение ими внешнего материального мира. Труд этих работников, хотя и связан с вещами и принимает вещную форму, призван оказывать воздействие на человека, на его духовное развитие через вещи, воплощающие определенную идею. Потребительское свойство результатов этой деятельности определяется не естественными свойствами вещей, а талантливостью духовного, художественного выражения образов. Поэтому, строго говоря, материализует результаты деятельности писателей, скульпторов, художников не их труд, а труд в отраслях материального производства (типография), которые тиражируют произведения искусства и тем самым превращают его в продукт материального производства, в товар.

В сфере услуг деятельность человека, в отличие от материального производства, не связана с преобразующим воздействием на вещество и силы природы, и не вступает как обмен веществ между человеком и природой. Объектом ее воздействия является человек, социальное условие его функционирования и деятельности, а также общество как социальный организм. Результаты труда работников сферы услуг не материализуются, а выступают, во-первых, в виде целесообразной полезной деятельности, отража-

ющей материальный мир в человеческой голове (в виде научных знаний, произведений искусства и т.д.), во-вторых, в виде деятельности, оказывающей услуги в форме полезного эффекта, потребляемого в самом процессе труда (образование, здравоохранение и т.д.). В этой сфере создается и реализуется специфическая потребительная стоимость-услуга. Характеризуя понятие услуги, К. Маркс писал: «Это выражение означает вообще не что иное, как ту особую потребительную стоимость, которую доставляет этот труд, подобно всякому другому труду; он особая потребительная стоимость этого труда получила здесь специфическое название «услуги» потому, что труд оказывает услуги не в качестве вещи, а в качестве деятельности...»[6, с. 151].

Вторая отличительная особенность труда в социальных отраслях сферы услуг (актеров, учителей, врачей и т.д.) состоит в том, что в ней имеет место совпадение процесса создания и потребления услуг, результаты труда здесь неотделимы от их исполнителей, не существуют отдельно от него, не принимают вещественной формы, а следовательно, не подлежат хранению. Создание многих видов услуг выступает в форме «потребительного производства» в качестве деятельности. Невещный характер результатов усложняет потребительский выбор. Полезность услуг оценивается не заранее, а после их создания, косвенным путем на основе мнения других потребителей. Невещная форма услуг делает невозможным их транспортировку и накопление, развитие сферы услуг, по сравнению с материальным производством, в большей мере зависит от регионального фактора, и в связи с этим рынок услуг носит локальный характер.

Третья специфическая особенность сферы услуг заключается в том, что результаты ее труда используются только для непроизводственного потребления. Материальные средства, используемые в сфере услуг, выступают не в качестве средств труда, а как предметы потребления. Следовательно, сфера услуг не обладает необходимыми признаками процесса труда, поскольку в этой сфере, строго говоря, нет средств труда, а имеются предметы потребления. Материальные средства, применяемые в данной сфере (так называемые непроизводственные фонды), создаются не в I, а во II подразделении общественного производства.

Четвертой особенностью сферы социальных услуг является также и то, что труд в ней не создает стоимости и не переносит стоимость используемых в данной сфере материальных средств на результат труда. Нестоимостный характер отношений в сфере социальных услуг признается как отечественной, так и мировой экономической теорией и практикой [9, с. 60–67]. Подтверждением этого является то, что оценка бесплатных услуг в международной статистической практике в рамках ООН производится на основе данных о затратах на текущее содержание учреждений, оказывающих бесплатные услуги без учета прибавочного труда работников сферы услуг. Однако в условиях рынка услуги принимают стоимостную, денежную форму. Услуга, приобретающая форму стоимости (цену) и вместе с тем не имеющая стоимости, не является единственным случаем. В реальной действительности стоимостную оценку получают вещи, которые не обладают стоимостью. Так, денежную оценку получают земля, ценные бумаги, дары природы, которые имеют цену, но не имеют стоимости.

Автор возражает тем экономистам, которые в качестве критерия разграничения материального производства и сферы услуг берут характер применяемого труда – производительного труда – в сфере материального производства и непроизводительного труда – внепроизводственной сфере [8, с. 16]. Представляется, что рассмотрение производительного и непроизводительного труда в методологическом плане является самостоятельной проблемой и не может выступать в качестве решающего критерия разгра-

ничения двух сфер общественного труда. Не следует отождествлять понятие производительного труда не только с трудом в материальном производстве, но и с трудом в сфере услуг. В материальном производстве может функционировать непроизводительный труд и, наоборот, в сфере услуг – производительный труд. Мы исходим из того, что определение производительного труда как экономической категории выводится не из сущности процесса труда, а из его специфически общественной формы, включая и внешние формы его проявления [1, с. 9].

Разграничение народного хозяйства на сферу материального производства и сферу услуг позволяет выделить своего рода первичный сектор экономики, который образует материальную основу всех видов деятельности, и вторичный, который не принимает непосредственного участия в производстве материальных благ, а функционирует на материальном базисе, создаваемом первичным сектором. Однако это вовсе не означает, что сфера услуг полностью находится на изживении материального производства и что здесь вообще ничего не создается. Сфера услуг вносит существенный вклад в увеличение экономического роста страны и роста благосостояния народа. Это находит свое выражение в создании нематериальных (непроизводственных) услуг, которые выступают в качестве особых потребительных стоимостей. Они с экономической точки зрения такие же продукты труда, как и материальные блага. Поэтому не следует отрицать реальность результатов сферы услуг и в то же время допускать их отождествление с результатами материального производства. Выяснение роли и места любой отрасли и вида деятельности должно начинаться с того, что, куда и к какому сектору они относятся. В этой связи в международной статистической службе ООН выделяются три сектора национальной экономики. Первичный сектор включает сельское хозяйство и добывающую промышленность, вторичный – обрабатывающую промышленность, третичный – сферу услуг. Первичный и вторичный секторы охватывают отрасли и виды деятельности материального производства, а третичный – включает как услуги производственного, так и непроизводственного характера.

В зависимости от характера труда и его результатов различают услуги материальные и нематериальные, чистые услуги. Результаты труда по оказанию материальных услуг не выражаются в создании новых, вещественных продуктов, не приобретают форму вещей, а восстанавливают потребительную стоимость вещественных продуктов и тем самым увеличивают срок их потребления. Поэтому материальные услуги по характеру производственной деятельности не включаются в социальную (непроизводственную) сферу и их следует отнести к сфере услуг. Последняя отличается от социальной (непроизводственной) сферы тем, что она представляет собой комплекс отраслей, результаты труда, которые не принимают предметную форму, не получают самостоятельную форму существования, а выступают в форме услуг, полезного эффекта, удовлетворяющих разнообразные общественные потребности. С этой точки зрения сфера услуг представляет собой набор отраслей народного хозяйства, включающих услуги транспорта и связи, торговли и общественного питания производственного назначения, производственные виды бытового обслуживания, а также все непроизводственные виды деятельности общества. Технологическое единство создания материальных и нематериальных услуг, общность их управления и сервисное назначение всех услуг позволяют рассматривать третичный сектор каким-то интегрированным хозяйственным комплексом. В то же время целостное рассмотрение сферы услуг не исключает возможности выделения социальной (непроизводственной) сферы в целом из третичного сектора народного хозяйства как сферы, создающей нематериальные услуги.

В современной науке всё большее признание получает мнение, что выделение весьма разнородной сферы услуг в третичный сектор экономики весьма спорно. Так, пятисекторальная модель Д. Белла, хотя и имеет в своей основе трёхсекторальную модель, однако дополнена ещё двумя секторами («четвертичным» и «пятеричным»), делающими переход от индустриального к «постиндустриальному» обществу более многоэтапным. Последователи теории постиндустриального общества признают, что современная сфера услуг весьма неоднородна, кроме того, частично может быть отнесена к материальному производству. Они учитывают этот факт, выделяя различные секторы уже внутри самой третичной сферы. В первую очередь, это относится к таким отраслям, как транспорт, связь, коммунальное хозяйство, деятельность которых в значительной степени представляет собой продолжение процессов производства в сфере обращения и потребления. Эти отрасли сферы услуг относятся собственно к третичному сектору экономики. Очевидно, что и результаты деятельности этих отраслей, по крайней мере в основной их части, по объективным основаниям теоретически должны быть отнесены к результатам материального производства. К «четвертичному» сектору экономики относятся торговля, услуги банковского дела, финансов, страхования, а также операции с недвижимостью. Представляется, что торговлю более логично было бы отнести к третичному сектору, поскольку эта отрасль выполняет ряд функций производственного характера (хранение, упаковка, доставка и т.п.), связанных с представлением произведённых товаров-вещей конечному потребителю. Что же касается услуг финансового характера, то их отделение от третичного сектора выглядит вполне уместным. К «пятеричному» сектору экономики Д. Белл относит здравоохранение, образование, научно-исследовательскую деятельность, государственное управление, а также виды деятельности, связанные с обеспечением условий для отдыха людей [2, с. 158].

Всё вышеизложенное пока относится к чисто теоретическим научным изысканиям, поскольку в официальной международной статистике такая классификация, основанная на пятисекторальной модели экономики, в настоящее время не применяется. Тем не менее, следует признать, что пятисекторальная модель имеет ряд преимуществ, связанных с тем, что в ней отдельное внимание уделяется отраслям пятеричного сектора, развитие которых крайне важно для формирования будущего высокотехнологического общества.

2. Усиление взаимосвязи материального производства и сферы услуг

Экономически обе сферы общественного труда – материальное производство и сфера услуг – находятся в диалектической взаимосвязи. Взаимосвязь двух сфер просматривается как с точки зрения влияния материального производства на развитие сферы услуг, так и, наоборот, воздействия последнего на первое. Влияние материального производства на сферу услуг осуществляется как путем оснащения социальных отраслей материальными средствами, так называемыми непроектными основными фондами, лекарствами, различными материалами, энергией, так и путем обеспечения работников сферы услуг предметами первой необходимости – питание, одежда, жилье и т.д. Следовательно, взаимосвязь обеих сфер экономики осуществляется по вещественным и личным факторам. В процессе создания нематериальных благ и услуг участвуют оба эти фактора. Внедрение достижений научно-технического процесса во всех отраслях сферы услуг, выражается в том, что удельный вес прошлого труда по сравнению с живым в совокупных затратах возрастает, что проявляется в росте технического строения сферы услуг – отношения непроектных основных фон-

дов к численности занятых в этой сфере. В современных условиях происходит рост технического строения сферы услуг, которое является результатом применения в сфере науки, медицины, образования и т.д. различных машинных систем, механизации и автоматизации трудовой деятельности работников сферы услуг. Однако внедрение достижений науки и техники в сфере услуг не заменяет собой живой труд, не вытесняет последнее в той мере, как это имеет место в сфере материального производства. Характерная особенность роста технического строения в сфере услуг в отличие от материального производства состоит в том, что она влияет не столько на увеличение количества конечного результата, сколько на повышение качества конечного нематериального результата, за счет сокращения затрат труда на вспомогательные операции и сосредоточения усилий работников на выполнение основных функций. Так, применение различных машинных систем в здравоохранении, оснащение медицинских кабинетов передовой техникой не только связаны с увеличением количества принятых пациентов, хотя и это имеет место, сколько с повышением качества и эффективности медицинского обслуживания. Технические средства обучения, широко применяемые в сфере народного образования, не ведут к увеличению наполняемости классов, а способствуют повышению качества преподавательского труда, делают его более эффективным.

Переход к новому качеству экономического роста, усиление его социальной направленности предусматривают значительное опережение развития сферы услуг, возрастание роли нематериальных элементов накопления. Высокие уровни развития образования, здравоохранения, науки, культуры становятся непосредственными факторами экономического роста. Вложения в сферу услуг, по сравнению с вложениями в вещественные элементы производства, приобретают большую эффективность. Остаточный принцип выделения ресурсов, технократизм, недооценка «человеческого капитала» привели к существенному отставанию материально-технической базы сферы услуг. Приоритетное развитие сферы услуг, преодоление отставания ее материально-технической базы как новая модель экономического роста предполагают изменение ряда народнохозяйственных пропорций. Поскольку материальную основу функционирования сферы услуг составляет общественное материальное производство, то приоритетное развитие сферы услуг оказывает влияние на динамику и структуру общественного производства, в частности его I и II подразделения.

Возрастание роли и значения услуг во всей жизнедеятельности общества предполагает перераспределение ресурсов в пользу отраслей, материального производства как создающих предметы потребления, материальные средства сферы услуг (II подразделения), так и в пользу отраслей, производящих средства производства для производства средств сферы услуг («I для II»). Используя продукт второго подразделения в качестве непроизводственных фондов в сфере услуг, общество получает возможность расширить численность занятых в данной сфере и тем самым создавать больше нематериальных благ и услуг. Ускоренное развитие сферы услуг требует дополнительных вложений – ресурсов в производство средств производства для этой сферы. В современных условиях сфера услуг становится одним из главных потребителей «средств производства» – приборов, оборудования, инструментов, зданий. Так, современная медицина использует множество видов продукции медицинской, приборостроительной и электронной промышленности, которые ориентируются на выпуск диагностических приборов, устройств для наблюдения за больными, средств обработки медицинской информации, лазерной аппаратуры, электронных приборов и аппаратов для массовых медицинских обследований, медицинских инструментов и средств механизации труда в боль-

ницах. Сфера образования предъявляет спрос на звуко- и видеозаписывающую аппаратуру, телевизоры, магнитофоны, информационную аппаратуру, вычислительную технику, которые широко применяются в учебном процессе. Настало время создания новой подотрасли машиностроения – образовательного машиностроения. В бытовом обслуживании широко применяются культурно-бытовая техника, различные машины и приборы, предназначенные для механизации труда в домашнем хозяйстве. Следовательно, для удовлетворения потребностей сферы услуг современной технике и технологии необходимо обеспечить ускоренное развитие машиностроения, прежде всего приборостроения и электронного машиностроения. Сфера услуг оказывает влияние на развитие II подразделения общественного производства непосредственно и I подразделения – опосредованно.

В условиях современной научно-технической революции усиливается интеграция материального производства и сферы услуг для достижения конечных социально-экономических результатов. Внутри сферы услуг возрастает влияние элементов материального производства, применение машинных систем, которые требуют совместного труда ученых, инженеров, техников и рабочих. Одновременно внутри материального производства происходит усиление роли сферы услуг, что проявляется в повышении роли интеллектуального и культурного развития человеческого фактора, соединении профессионально-технического и среднего образования с производительным трудом, влияний здравоохранения на поддержание и развитие всесторонних способностей личности. Усиление связи индустриального производства с услугами здравоохранения, образования и науки находит отражение в создании единого медицинско-промышленного научно-производственного комплекса, научно-учебно-производственных объединений. Однако возрастание функциональной роли, духовного элемента, умственного труда, усиление роли науки, знаний, охраны здоровья и физической культуры в производстве не означает, что границы между материальным производством и сферой услуг и их результатами исчезают, это также не означает, что материальное производство преобразуется в разновидность нематериального и, наоборот, нематериальное производство – в разновидность материального. Качественное отличие материального производства и его роль основы всей жизни общества и всех других видов деятельности, включая и сферу услуг, сохраняется на всех этапах развития человеческого общества. Непроизводственная форма деятельности выступает не как однопорядковая с материальной, она экономически вторична по отношению к ней по своему содержанию и функциональной роли в общественном воспроизводстве.

Развернувшаяся в последние десятилетия научно-техническая революция обусловила коренные изменения в развитии общественного производства. Доля традиционных отраслей (в том числе материального производства) в ВВП относительно сокращается, а получают развитие отрасли сферы услуг, среди которых выделяются образование, наука, культура, здравоохранение и разного рода финансовые и торговые услуги. Удельный вес сферы услуг в ВВП в начале XXI в. варьирует в пределах от 62% в Японии до 72% в США, а в ее составе опережающими темпами развиваются услуги социально-культурного профиля (сферы образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания и т.д.) [7, с. 59]. Это обстоятельство, однако, в литературе трактуется неоднозначно. Некоторые авторы пытаются обосновать вывод о том, что сфера производства замещается социальной сферой тем, что экономика в целом превращается в постэкономику, а само общество, соответственно, в постиндустриальное, постэкономическое. Бесспорно, под воздействием НТР, новых информационных технологий про-

изошла реструктуризация экономики, которая не могла не отразиться на динамике занятости. Но это вовсе не означает, что материальное производство как таковое упраздняется вообще, вследствие чего наступает некая эпоха постэкономики, постэкономического общества. Такой вывод вряд ли можно признать обоснованным, поскольку он не соответствует реальной действительности.

По нашему мнению, необходимо отказаться от парадигмы постиндустриального общества, поскольку никакого постиндустриального общества пока нет, и, скорее всего, наступает новый этап наукоемкого индустриального общества. Следует согласиться с В. Н. Черковцом, который отмечает, что нет оснований судить об уровне так называемого «постиндустриального» развития страны по таким «вторичным» показателям, как возрастание доли услуг в ВВП, доли ассигнований на социальную сферу из государственного бюджета и т.д. Такие показатели могут отражать как высокий, так и низкий уровень развития страны [5, с. 121–122].

Принципиально важнее «первичные» показатели, на которых должен выводиться анализ коренных сдвигов в отношении людей к природе, т.е. в материальном производстве, и в характере труда, занятого в нем. Именно в орудиях, средствах труда и технологиях – главный пункт качественных изменений в производительных силах. Глубокие перевороты в этой сфере приобретают, видимо, форму революций как в производительных силах, так и в общественно-экономическом строе. Современная экономика, даже в США, продолжает оставаться преимущественно индустриальной [3, с. 34–35]. Именно индустриальный базис является фундаментальной основой современного развития отдельных инноваций, таких, как новейшие информационные системы, биотехнологии и нанотехнологии.

Выводы

Разделение совокупного общественного труда на материальное производство и сферу услуг актуально как с теоретической, так и практической точки зрения. В теоретическом отношении актуально потому, что такое деление позволяет выделить своего рода ядро экономики, которое образует материальную основу всех иных видов деятельности. А в практическом отношении такое деление показывает роль и соотношение материального производства и сферы услуг в производстве благ в форме вещей и услуг во внутренней структуре валового национального продукта.

Экономически обе сферы совокупного общественно полезного труда – материальное производство и сфера услуг – находятся в диалектической взаимосвязи. Связанные обменом деятельности обе сферы экономики характеризуются отношениями взаимной зависимости. Необходимость взаимосвязи определяется непрерывностью процессов производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг.

Список литературы

1. *Бабаев, А. П.* Непроизводственная сфера: социальная сущность и динамика / А. П. Бабаев. – М., 1992. – 176 с.
2. *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., 1999. – 956 с.
3. *Бодрунов, С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб., 2016. – 328 с.

4. Жильцов, Е. Н. Экономика социальных отраслей сферы услуг: учеб. пособие / Е. Н. Жильцов, В. Н. Казаков. – М., 2007. – 288 с.

5. Зяблюк, Р. Т. Неоиндустриализация экономики России: необходимость и возможность: обзор материалов круглого стола по неоиндустриализации экономики России / Р. Т. Зяблюк, Н. И. Титова // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2016. – №2. – С. 119–135.

6. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 26, ч. I.

7. Смолин, О. Н. Образование и глобальный контекст Российской модернизации / О. Н. Смолин // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 2(48). – С. 59–64.

8. Социальная инфраструктура: вопросы теории и практики. – Киев, 1982.

9. Черковец, В. Н. Образовательная сфера: Взаимодействие с материальным производством в инновационном развитии экономики / В. Н. Черковец // Российский экономический журнал. – 2009. – №9–10. – С. 51–72.

*И. М. Теняков*¹

ОЦЕНКА ПОТЕРЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В СТРАНАХ, ПЕРЕШЕДШИХ К РЫНКУ

Постановка проблемы

В 2016 г. исполняется 25 лет с начала рыночной трансформации российской экономики, а также экономик подавляющего большинства стран бывшего социалистического лагеря. Вновь поднимается вопрос об осмыслении результатов рыночной трансформации: к чему они, в конечном счете, привели и куда двигаться дальше. Так, например, тема Московского экономического форума в 2016 г. называлась «25 лет рыночных реформ в России и мире. Что дальше?»². В этой связи представляется актуальным обратиться к анализу потерь в экономической динамике, которые понесли страны, переходившие к рынку в 1990-е гг., и оценить, в какой степени последующий экономический рост в этих странах компенсировал потери.

Экономическая динамика в постсоветской России является противоречивой. С начала рыночных реформ 1990-х гг. Россия вошла в период глубокого спада основных макроэкономических показателей, который продолжался до 1998 г. Данный спад характеризовался исследователями переходных процессов как трансформационный спад, или трансформационный кризис. В отличие от циклического спада, характерного для динамики рыночной экономики, трансформационный спад – спад особого рода, вызванный процессами перехода от одной экономической системы к другой. В этом случае происходит смена социально-экономических отношений, изменение структуры экономики, и, как следствие, сокращение (вплоть до практически полного исчезновения) одних отраслей и видов экономической деятельности и возникновение других, отсутствовавших в прежней экономической системе.

Опыт большинства стран, осуществлявших переход к рыночной системе в 1990-е гг., подтверждает гипотезу о трансформационном спаде как неотъемлемом элементе переходных процессов. Так, спад экономики наблюдался в странах Центральной и Восточной Европы, а также странах – бывших республиках СССР. Однако Китай, также осуществлявший программу экономических преобразований, но поступательным, эволюционным путем, не только избежал спада в экономике, но сохранил устойчивые темпы роста ВВП, который за период 1990 – 1998 гг. вырос в 2,5 раза, а к 2014 г. – почти в 10 раз по сравнению с уровнем 1990 г.³

¹ *Иван Михайлович Теняков*, доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. экон. наук.

² Московский экономический форум, официальный сайт: <http://me-forum.ru/agenda/>

³ Рассчитано по данным: [11].

Анализ показателей и результатов трансформационного спада представлен в работах ряда отечественных и зарубежных экономистов [1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 14]. Обобщения результатов трансформации широко представлены в работах, вышедших спустя десятилетие [4, 8, 14] и двадцатилетие [1, 2, 5, 6, 9, 10] преобразований. Анализируются показатели динамики ВВП, потребления, инвестиций, инфляции и безработицы и др. В [2] оценивается влияние переходного периода на состояние экономической системы России, и, в частности, подчеркивается общий упадок промышленного производства и примитивизация его структуры, возникшая в результате рыночных реформ. В [9] представлена оригинальная трактовка двадцатилетнего периода экономической динамики постсоветской России как Большого трансформационного цикла (БТЦ), в котором содержатся все фазы цикла: спад, депрессия, оживление, подъем.

Однако вопрос о потерях для экономического роста в целом, понесенных в ходе трансформационного спада, практически не рассматривается. Например, рост экономики России в 2000 – 2008 гг. характеризуется многими исследователями как восстановительный рост, поскольку он «завершился выходом на основные показатели выпуска 1990 года» [6, 4]. Тем самым предполагается, что в ходе восстановительного роста потери трансформационного спада были ликвидированы, а если учитывать и структурные изменения в российской экономике (в частности, рост доли конечного потребления в ВВП), то в результате экономического роста 2000-х гг. произошло даже повышение благосостояния населения по сравнению с уровнем 1990 г.

Вопрос о потерях экономического роста, понесенных в ходе трансформации, и их компенсации в ходе последующего периода восстановительного роста, является сложным. Не существует какого-то единого измерителя указанных потерь, поскольку, как неоднократно отмечалось российскими и зарубежными исследователями, процесс трансформации был сопряжен с качественными изменениями в структуре экономики, появлением новых товаров и услуг, сдвигом от нерыночного к рыночному производству и потреблению и т.д. Можно сослаться и на рекомендации по оценке благосостояния, высказанные в «Докладе об измерении экономического развития и социального прогресса» [13], подготовленном комиссией Дж. Стиглица в 2009 г., согласно которым объективные и субъективные факторы благосостояния одинаково важны, а от показателей выпуска и ВВП следует перейти к показателям располагаемого дохода и потребления. Однако следует отметить, что оценивать потери экономического роста в показателях подушевого дохода или потребления для России, на наш взгляд, неправомерно. В период 1990-х – 2000-х гг. население страны также сокращалось; в результате доход на душу населения падал медленнее, чем абсолютная величина ВВП. Показатель подушевого ВВП даст заниженную оценку потерь экономического роста в этом случае, поскольку он не учитывает снижение воспроизводственного потенциала страны, произошедшего вследствие сокращения численности населения.

Поэтому для получения первичной оценки потерь, понесенных в ходе трансформации, и их компенсации (если таковая имела место) можно воспользоваться традиционным макроэкономическим показателем, таким как объем реального ВВП, несмотря на его недостатки, о которых следует помнить. Целью в этом случае является не столько оценка потерь благосостояния, дохода, изменения структуры экономики и т.п., сколько оценка *упущенных возможностей для национального экономического роста и развития* в результате потери исторического времени. Показатель реального ВВП в этом случае может свидетельствовать об утраченном потенциале, который мог бы

быть использован для достижения различных целей: как для еще большего повышения уровня потребления населения, на который в своих работах делают акцент Е. Ясин и др. [10], так и для проведения всесторонней модернизации экономики, восстановления промышленного потенциала, обновления основных фондов. Отметим, что оценка потерь и их компенсации, приводимая в настоящей статье, является наиболее общей и, безусловно, может быть уточнена и дополнена в ходе дальнейших исследований.

Основные результаты трансформационного спада

Следуя традиции исследователей трансформационного спада, были получены оценки динамики реального ВВП 21 страны, переходившей к рынку в 1990-е гг., на временном интервале 1990 – 2014 гг., при этом для отдельных стран был взят интервал 1988 – 2014 гг. (Табл. 1). В числе стран не рассматривались: ГДР как вошедшая в состав единой Германии, Югославия как распавшаяся на отдельные государства, в которых длительное время происходили военные конфликты и для которых была характерна территориальная неустойчивость; Вьетнам и Китай как страны, чьи преобразования отличались от рыночной трансформации большинства постсоветских стран и в которых отсутствовал трансформационный спад. Для анализа был взят показатель ВВП в постоянных ценах 2005 года и пересчитан к уровню базового года (в %). Для большинства стран за базовый год был принят 1990 г., так как сопоставимые данные за более ранний период отсутствуют или недостаточно информативны. Однако поскольку спад в ряде стран ЦВЕ начался раньше, то при расчетах были использованы более ранние базовые периоды (1988 или 1989 гг.). Глубина падения ВВП показывает величину сокращения ВВП по сравнению с базовым годом в низшей точке трансформационного спада. Так, в России ВВП в 1998 г. составил 57,4% от уровня 1990 г., соответственно глубина спада составила 42,6%. В некоторых странах трансформационный спад носил неравномерный характер: так, например, в Болгарии период 1989 – 1999 гг. характеризовался неравномерным спадом ВВП: он сокращался в 1989 – 1993 гг., 1996 – 1997 и 1999 гг., и увеличивался в 1994 – 1995 и 1998 гг.

Анализ данных Табл. 1 позволяет выявить различия в траектории движения стран с переходной экономикой в процессе трансформационного спада и последующего восстановления. Можно выделить следующие группы стран:

- *страны с легким трансформационным спадом*, к которым можно отнести такие страны ЦВЕ как Польша, Чехия, Словакия, спад в которых продолжался 2–4 года, а глубина падения ВВП составила менее 20%; из республик бывшего СССР в эту группу попадает Узбекистан;

- *страны со средним трансформационным спадом*, представляющие собой менее однородную совокупность, в отличие от первой группы. Сюда можно отнести Эстонию, Белоруссию, Румынию. Глубина падения ВВП в этих странах находилась в интервале от 20 до 40%, а продолжительность спада составила в среднем 4–5 лет. Несколько особняком стоит Болгария, глубина спада ВВП которой в низшей точке составила около 33%, но экономическая динамика отличалась чередованием спадов и подъемов, по какой причине период трансформационного спада в целом растянулся на 11 лет;

- *страны с тяжелым трансформационным спадом*, глубина падения ВВП в которых составила от 40 до 60%, хотя продолжительность спада варьировалась от 3 до 8 лет. В эту группу можно отнести большинство республик бывшего СССР: Россию, Азербайджан, Армению, Казахстан, Киргизию, Туркменистан, Латвию и Литву;

Таблица 1

Показатели трансформационного спада стран, осуществлявших переход к рыночной экономике

Страна	Период спада	Длительность спада (лет)	Глубина падения ВВП (в % от уровня 1990 года)	Восстановительный период	Длительность периода восстановительного роста (лет)
Россия	1991 – 1998	8	42,6	1999 – 2007	9
Белоруссия	1991 – 1995	5	34,9	1996 – 2003	8
Украина	1991 – 1999	9	59,2	С 2000 г.	Не завершен
Азербайджан	1991 – 1995	5	58,1	1996 – 2005	10
Армения	1991 – 1993	3	53,1	1994 – 2004	11
Грузия	1991 – 1994	4	72,3	С 1995 г.	Не завершен
Казахстан	1991 – 1995	5	38,6	1996 – 2004	9
Киргизия	1991 – 1995	5	49,3	1996 – 2010	10
Таджикистан	1991 – 1996	6	68,4	1997 – 2014	18
Туркменистан	1991 – 1997	7	40,3	1998 – 2005	8
Узбекистан	1991 – 1995	5	18,9	1996 – 2001	6
Молдавия	1991 – 1999	9	66	С 2000 г.	Не завершен
Латвия	1991 – 1995	5	50,4	1996 – 2006	11
Литва	1991 – 1994	4	43,9	1995 – 2005	11
Эстония	1991 – 1994	4	33	1995 – 2002	8
Болгария*	1989 – 1999	11	32,9**	2000 – 2007**	8
Венгрия	1990 – 1993	4	19,0***	1994 – 2001***	8
Польша	1990 – 1991	2	17,7***	1992 – 1996***	6
Румыния	1989 – 1992	4	29,3**	1993 – 2004**	12
Чехия	1991 – 1992	2	12,1	1993 – 1999	7
Словакия	1991 – 1992	2	18,7	1993 – 1997	5

*характерны колебания «спад–подъем» на протяжении 1989 – 1999 гг.

** к уровню 1988 г.

*** к уровню 1989 г.

Рассчитано по данным: [11].

• страны с наиболее глубоким трансформационным спадом, в которых глубина падения ВВП составила около 60% и выше, но, главное, эти страны так и не смогли выйти на докризисный уровень ВВП в период восстановительного роста. В указанную группу стран входят Украина, Грузия и Молдавия и примыкает Таджикистан, который только к 2014 г. смог выйти на показатель ВВП уровня 1990 г. По отношению к уровню ВВП 1990 г. ситуация в этих странах различается. Так, ВВП Грузии, измеренный в ценах 2005 г., составил в 2014 г. 85,6% от уровня 1990 г., а ВВП Молдавии и Украины – соответственно 69,5% и 64,7%.

Оценка последствий трансформационного спада на основе данных Табл. 1 нуждается в дальнейшем уточнении. Необходимо учитывать особенности динамики указанных стран, а не только максимальную глубину падения. Так, одни страны, осуществлявшие рыночные преобразования, столкнулись с резким падением выпуска, в то время как в других странах падение было плавное, перемежавшееся периодами небольшого роста. Поэтому для более точной оценки экономических последствий трансформационного спада корректнее проанализировать показатель «*накопленные потери ВВП*».

Расчет *накопленных потерь ВВП* основан на методологическом принципе упущенной выгоды, который активно используется в микроэкономике. На макроуровне показатель упущенной выгоды применительно к экономической динамике может быть сформулирован как суммарная величина отклонений фактического реального ВВП от базовой величины ВВП в каждом периоде, на протяжении которого такое отклонение имело место быть. При этом возникает вопрос – как следует определять базовую величину ВВП, относительно которой делается расчет. Возможны, как минимум два варианта расчета базовой величины ВВП (и соответственно, базовой траектории экономической динамики).

Первый вариант (статический) предполагает сохранение неизменной величины базового ВВП. Так, для большинства рассмотренных в Табл. 1 стран, это будет показатель реального ВВП 1990 г. Это самый простой способ расчета накопленных потерь ВВП и он будет давать в общем случае нижнюю границу оценки таких потерь.

Второй вариант (динамический) предполагает предварительный анализ экономической динамики рассматриваемой страны в предшествующий трансформационному спаду период. В результате может быть получен *базовый тренд роста* на основе расчета среднего темпа роста реального ВВП страны в указанный период, который затем экстраполируется в будущее. В этом случае базовая величина ВВП, относительно которой делается расчет накопленных потерь, становится переменной величиной в соответствии с полученным базовым трендом роста. Расчет потерь по второму варианту, в общем, даст более высокую оценку, поскольку экономика должна выйти не на стационарный уровень ВВП базового года, а на траекторию базового тренда роста.

Представим расчеты потерь экономического роста по каждому из вариантов для российской экономики. Для большинства остальных стран, переходивших к рынку в 1990-е гг., будет приведен расчет только по первому (статическому) варианту.

Оценка потерь национального экономического роста по статическому варианту

Как было отмечено выше, показатель накопленных потерь ВВП может быть получен суммированием показателей отклонения реального ВВП страны от уровня ее реального ВВП базового года (т.е. года, относительно которого рассматривается спад, в большинстве случаев это 1990 г.) как за период трансформационного спада, так и за период, в течение которого происходил восстановительный рост. На рис. 1 изображена динамика реального ВВП России за 1990 – 2014 гг. в % от уровня 1990 г. Накопленные потери ВВП равны площади фигуры, ограниченной сверху линией 100% (т.е. уровнем ВВП 1990 г.), а снизу – значениями ВВП в период спада и восстановительного роста (т.е. в период 1990 – 2006 гг.).

Произведя расчеты по данным [11], получим значение накопленных потерь ВВП России за период 1991 – 2006 гг. в размере 419,08% от уровня 1990 г. Другими словами, вследствие трансформационного спада и необходимости его преодоления в форме вос-

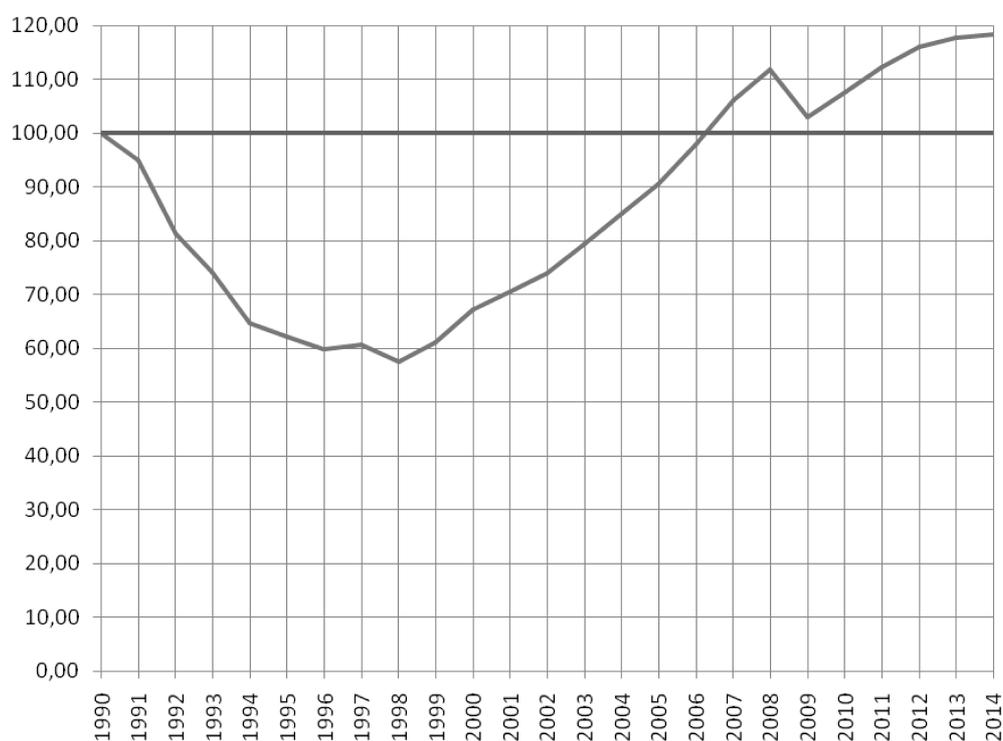

Рис. 1. Динамика ВВП России и накопленные потери в результате трансформационного спада, в % к уровню 1990 г.

становительного роста Россия потеряла ВВП, в 4,19 раза превышающий ВВП 1990 г. При этом следует отметить, что экономическая динамика в период с 2007 г. в России «работает» уже на сокращение «накопленных потерь»: с учетом роста экономики в указанный период (несмотря на кризис 2009 г.) из 419,08% накопленных потерь было *компенсировано* 93,37%; в результате общая величина накопленных потерь за весь период 1991 – 2014 гг. может быть оценена в размере 325,72% (разность между 419,08% и 93,37%).

Таким образом, помимо *восстановительного роста*, который необходим для восстановления выпуска на докризисном уровне (в нашем случае на уровне 1990 г.), необходим еще период *компенсирующего роста* – экономического роста, необходимого для устранения накопленных потерь трансформационного спада. Другими словами, в результате компенсирующего роста происходит обнуление накопленных потерь ВВП. Восстановительный рост в России пришелся на период 1999 – 2008 гг., и его темпы в среднем составляли около 7% в год. При этом данный рост явился «отложенным», поскольку, как отмечает К. А. Хубиев, «основные индикаторы роста сформировались в 1997 г. Начало роста было «отложено» из-за внешнего фактора – финансового кризиса 1998 года, который возник в Юго-Восточной Азии и по каналам мировой финансовой системы перекинулся на Россию» [9, 16]. Однако с компенсирующим ростом ситуация сложилась гораздо хуже. Восстановительный рост в России сменился компенсирующим ростом на рубеже 2006 – 2007 гг., но разразившийся в IV квартале 2008 г. эко-

номический кризис прервал период компенсирующего роста. В 2010 – 2011 гг. в России имел место восстановительный рост по отношению к уровню ВВП до кризиса, т.е. 2008 г. Дальнейший рост, который по отношению к потерям трансформационного спада, являлся компенсирующим, отличался низкими темпами: с 2012 г. началось замедление роста российской экономики, перешедшее в спад в 2015 г., что сыграло роль в замедлении преодоления накопленных потерь. Спад экономики в 2015– 2016 гг. существенно усложняет возможности дальнейшего компенсирующего роста.

Аналогичные расчеты можно привести и для остальных стран, осуществлявших рыночную трансформацию в 1990-е гг. Результаты проведенных расчетов представлены в Табл. 2.

Таблица 2

Накопленные потери ВВП и компенсирующий рост в странах, осуществлявших переход к рыночной экономике, в % от ВВП 1990* г.

Позиция	Страна	Накопленные потери ВВП	Накопленный результат компенсирующего роста и последующего развития экономики	Сальдированный результат по состоянию на 2014 г. (3 + 4)
1	2	3	4	5
1	Польша	-66,92	1072,41	975,79
2	Узбекистан	-110,02	949,63	839,61
3	Словакия	-77,93	822,67	744,74
4	Азербайджан	-528,2	1063,44	535,24
5	Белоруссия	-207,3	730,22	522,92
6	Чехия	-49,7	479,76	430,05
7	Туркменистан	-327,24	682,84	355,6
8	Эстония	-210,15	470,33	260,18
9	Казахстан	-343,25	533,06	189,82
10	Венгрия	-122,9	285,1	162,2
11	Армения	-446,21	560,15	113,94
12	Румыния	-284,32	211,48	-72,84
13	Литва	-364,46	192,13	-172,33
14	Болгария	-373,37	86,27	-287,1
15	Россия	-419,08	93,37	-325,72
16	Киргизия	-507,31	47,92	-459,39
17	Латвия	-514,15	35,83	-478,32
18	Таджикистан	-934,68	4,42	-930,26
19	Украина	-954,54	0	-954,54
20	Грузия	-1135,19	0	-1135,19
21	Молдавия	-1198,7	0	-1198,7

* Для Болгарии и Румынии – в % к уровню ВВП 1988 г., для Венгрии и Польши – в % к уровню ВВП 1989 г.

Рассчитано по данным: [11].

Несмотря на колоссальные различия между странами, осуществлявшими переход к рыночной экономике, как в величине накопленных потерь ВВП, так и в сальдированном результате по состоянию на 2014 г., можно классифицировать указанные страны на три группы по критерию результативности компенсирующего роста:

- *страны с завершенным периодом компенсирующего роста*, в которых накопленные в ходе трансформационного спада и восстановительного роста потери ВВП были полностью компенсированы в ходе дальнейшего роста экономики. В данную группу попадает 11 стран, которые расположены, соответственно, на 1 – 11 позициях в Табл. 2;

- *страны с незавершенным периодом компенсирующего роста*, в которых накопленные потери ВВП к настоящему времени компенсированы лишь частично. В данную группу попадает 7 стран, стоящих на позициях 12 – 18 в Табл. 2, в том числе Россия;

- *страны с незавершенным периодом восстановительного роста*, в которых компенсирующий рост даже не начинался. Эта группа включает 3 страны – Украину, Грузию и Молдавию, которые в Табл. 2 расположены на позициях 19 – 21.

Оценка потерь национального экономического роста по динамическому варианту

Теперь рассмотрим накопленные потери ВВП России как следствие трансформационного спада по динамическому варианту. На рис. 2 воспроизведена динамика реального ВВП России в % к 1990 г. с рис. 1, и добавлена трендовая линия, которая показывает динамику реального ВВП, которая бы имела место в случае сохранения такого же среднегодового темпа роста ВВП, как в период, предшествующий трансформационному спаду. Для построения линии тренда был рассчитан темп роста ВВП за период 1981–1990 по данным, приведенным в [7, с. 323–324]. Он составил 2,765% в год. Данная оценка не сильно отличается от оценки советского ВВП, рассчитываемой в США в 1980-е гг. На основе данных по ВВП СССР в 1980 – 1987 гг., измеренном в долларах 1987 г., которая имеется в статистике США, можно получить среднегодовой темп роста ВВП СССР в указанный период, который будет равен 2,182% [12, с. 840]. Поскольку данные американской статистики оценивают ВВП СССР в целом, не выделяя отдельно ту его часть, которая приходится на Россию (РСФСР), то для целей нашего анализа они могут приниматься в предположении, что экономическая динамика России (РСФСР) совпадала с динамикой СССР в целом.

Отметим, что в [7] показатели экономической динамики XX в. приводятся для России в современных на момент издания работы (2006) границах, что упрощает задачу сопоставления динамики советской и постсоветской России.

Расчет накопленных потерь по динамическому варианту дает цифру – 1361,44% или 13,61 величин ВВП 1990 г. На рис. 2 накопленные потери можно определить как площадь фигуры, ограниченной сверху линией базового тренда роста, а снизу – линией динамики фактического ВВП. Если же рассчитать средний фактический темп роста реального ВВП России за период 1991 – 2014 гг., то он будет равен 0,679%.

На рис. 2. динамика ВВП России с данным темпом представлена линией тренда фактической динамики ВВП. Чтобы достичь базового тренда роста хотя бы к 2024 г., ВВП России, начиная с 2015 г. должен был расти с темпом 7,953% в год. В реальности, учитывая падение ВВП России в 2015 г., требуемый темп роста должен быть еще выше. Так, для выхода на указанную траекторию за 10 лет (к 2025 г.), темп роста реального

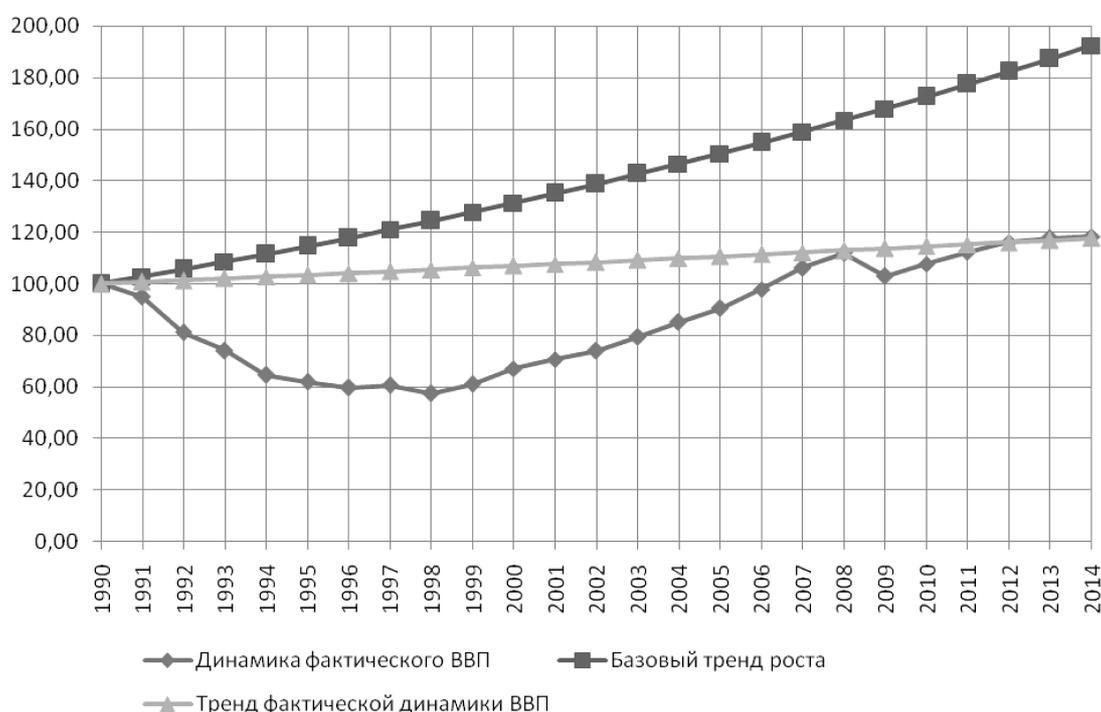

Рис. 2. Динамика фактического ВВП России в сравнении с гипотетическим устойчивым ростом

ВВП России, начиная с 2016 г., должен составить не менее 8,578%. Продолжение экономического спада в 2016 г. делает затруднительным достижение базового тренда роста в ближайшей перспективе.

Расчет накопленных потерь ВВП по динамическому варианту для стран – бывших республик СССР – затруднен, поскольку необходимо предварительно оценить средний темп роста их ВВП в докризисный период. Однако в советской статистике ВВП как макроэкономический показатель не рассчитывался, тем более для отдельных республик. Кроме того, попытка рассчитать условный ВВП для любой из республик СССР в предшествующее кризису десятилетие, столкнулась бы с необходимостью учета эффекта взаимосвязи между республиками в рамках единого народнохозяйственного комплекса. В этой связи будет представлен расчет накопленных потерь по динамическому варианту только для четырех стран Восточной Европы, для которых имеются статистические данные по ВВП за предшествующее наступлению трансформационного кризиса десятилетие: Болгарии, Венгрии, Польши и Румынии. Из анализа выпадают Чехия и Словакия, поскольку ранее они составляли единое государство Чехословакию и расчет ВВП для этих двух регионов единого государства в докризисный период сталкивается с теми же сложностями, что и расчет условного ВВП для республик СССР. Однако даже на основе анализа динамики четырех указанных стран можно сделать вывод о неоднозначных последствиях трансформационного периода для отдельных стран Восточной Европы.

На рис. 3 – 6 представлена динамика реального ВВП указанных стран, а также линия базового тренда роста ВВП каждой страны, который имел бы место при сохра-

нении среднегодового темпа роста ВВП, сложившегося в каждой стране за предыдущее десятилетие. В наиболее благоприятной ситуации оказалась Польша, однако, в значительной степени благодаря низкой базе для проведения сопоставлений: так, среднегодовой темп роста ВВП Польши в 1980 – 1989 гг. составил всего лишь 0,319%, в то время как среднегодовой темп роста фактического ВВП Польши в 1989 – 2014 гг. составил 2,98%. Напротив, в Болгарии и Румынии в постсоветский период фактические темпы роста отставали от базовых: для Болгарии фактический среднегодовой темп роста в 1989 – 2014 гг. составил всего 0,505%, в Румынии 1,024%. В Венгрии, хотя

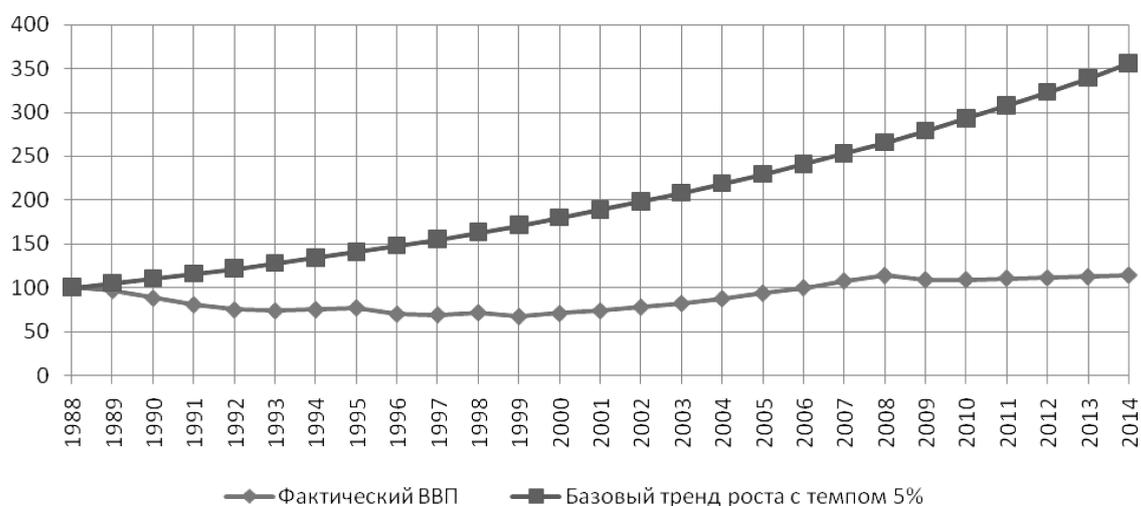

Рис. 3. Динамика фактического ВВП Болгарии в сравнении с гипотетическим устойчивым ростом

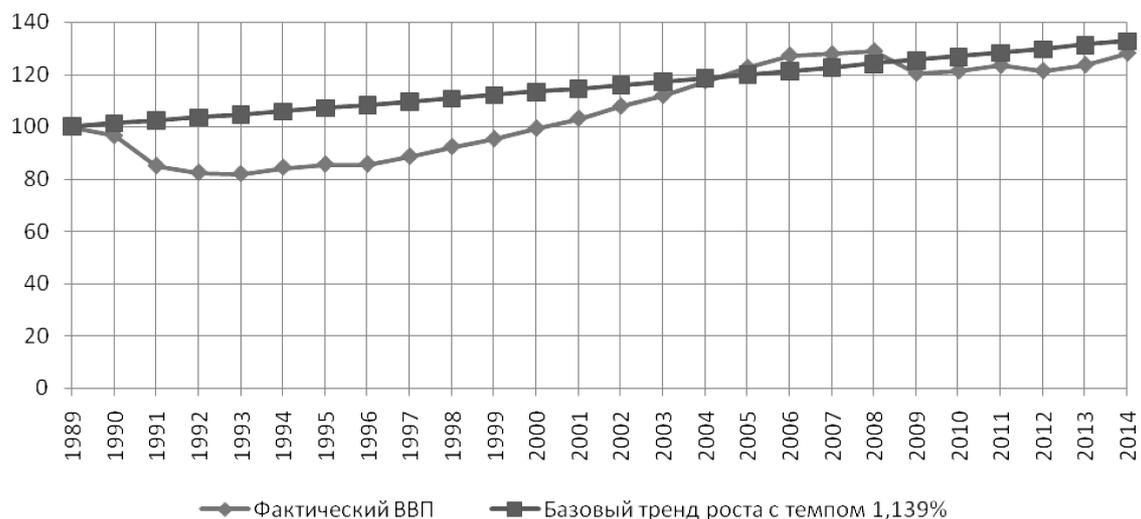

Рис. 4. Динамика фактического ВВП Венгрии в сравнении с гипотетическим устойчивым ростом

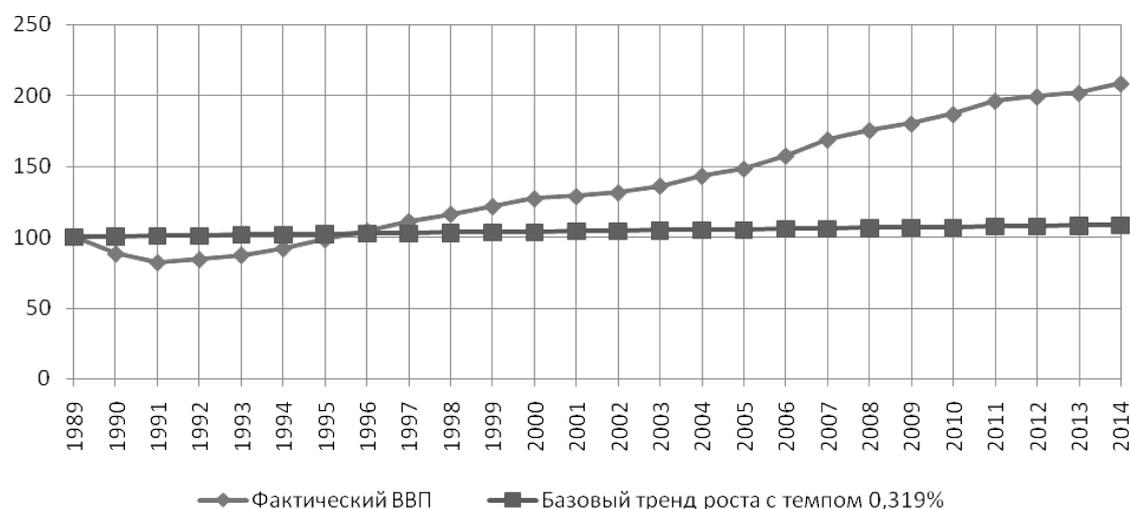

Рис. 5. Динамика фактического ВВП Польши в сравнении с гипотетическим устойчивым ростом

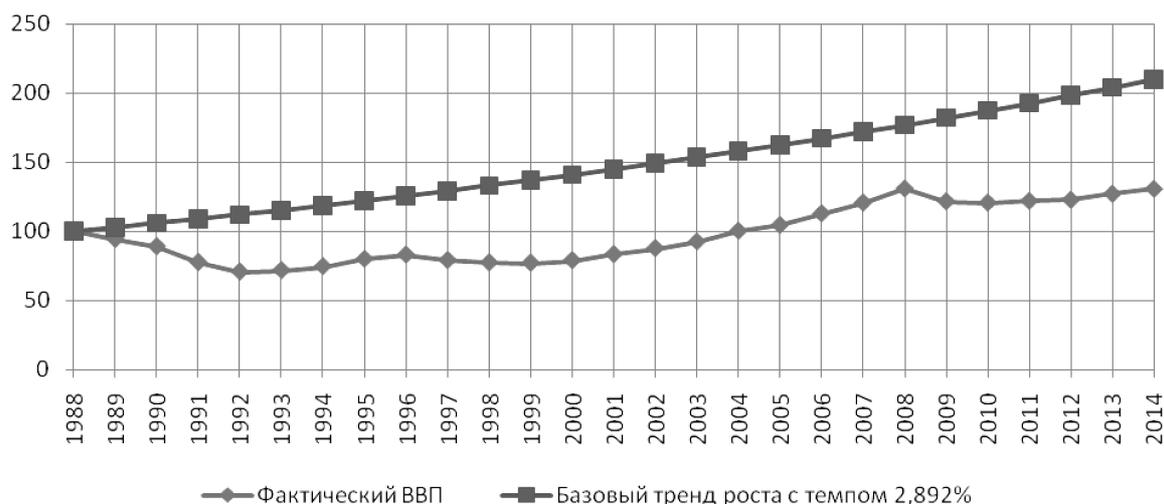

Рис. 6. Динамика фактического ВВП Румынии в сравнении с гипотетическим устойчивым ростом

среднегодовой темп роста и составлял в 1990 – 2014 гг. всего 0,998%, но он ненамного отставал от базового тренда. Более того, как видно из рис. 4, в период 2005 – 2008 гг. Венгрия не только вернулась на докризисную траекторию роста, но даже превзошла ее. Однако отмеченный эффект был нивелирован в ходе мирового экономического кризиса 2009 г. и вялого посткризисного восстановления.

Расчет накопленных потерь по динамическому варианту по данным [11] для четырех рассматриваемых стран показал следующее. Для Болгарии накопленные потери составили -3056,14% или 30,14 величин ВВП 1988 г. Для Венгрии – соответственно –

243,89% или 2,43 величины ВВП 1989 г. Накопленные потери Польши составили всего лишь -73,66% и были компенсированы в ходе последующего роста; в итоге за период 1990 – 2014 гг. Польша произвела накопленный ВВП в объеме 8,69 величин ВВП 1989 г. Наконец, накопленные потери Румынии составили – 1381,07% или 13,81 величин ВВП 1988 г. Новые долгосрочные средние траектории роста указанных стран отличаются от их прежних траекторий, но только Польша перешла с низкой траектории роста на высокую, траектория Венгрии оказалась практически идентичной ее прежней траектории, в то время как Болгария и Румыния, напротив, перешли с высокой траектории на низкую.

Таким образом, главные потери экономического роста, понесенные странами в результате рыночной трансформации, заключались в переходе на более низкую траекторию роста по сравнению с их предшествующей траекторией. Из рассмотренных четырех стран ЦВЕ только Польша выиграла в ходе трансформации в экономическом росте, но во многом благодаря тому, что ее траектория роста в последнее десятилетие советского периода сформировалась на крайне низком уровне. С учетом вышесказанного потери экономического роста, понесенные в ходе трансформации, в большинстве стран не только не компенсированы, но и продолжают увеличиваться. Даже простое возвращение к траектории докризисного роста в течение хотя бы десятилетия потребует от ряда стран резкого увеличения темпов роста: так, для России требуемый темп роста должен составлять 8,6%. Сложившаяся модель роста в России не в состоянии обеспечить такие темпы, потому переход к новой модели роста для России является актуальным в том числе в целях компенсации все еще проявляющихся негативных последствий переходного периода и возвращения на докризисную траекторию национального экономического роста. Такой переход невозможен без проведения новой индустриализации в стране, восстановления промышленности (прежде всего – машиностроения), выхода на позитивный тренд естественного прироста населения. Для реализации указанных направлений развития необходимы *системные изменения* в экономике России, которые, в частности, должны включать «проведение активной промышленной политики, государственную поддержку современных отечественных производств, борьбу с паразитическим посредничеством и экспансией ТНК в российскую экономику» [2, 14]. Для ликвидации потерь исторического времени России необходим переход к новой модели экономического роста, опирающейся на прогрессивную систему факторов роста в отличие от факторов, определявших экономический рост в прежней, сырьевой модели.

Список литературы

1. Бобков, В. Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни / В. Н. Бобков // Мир России. – 2012. – № 2.
2. Бодрунов, С. Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 2 (40).
3. Гайдар, Е. Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории / Е. Т. Гайдар. – 2-е изд. – М.: Дело, 2005.
4. Колчин, С. Количественная оценка сопоставления результатов преобразований в переходных экономиках / С. Колчин, М. Головин // Мировая экономика и международные отношения. – 2000.

5. Лушников, О. Е. О некоторых практических результатах общественно-экономической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы / О. Е. Лушников // Проблемы национальной стратегии. – 2011. – № 3 (8).
6. Мау, В. А. Двадцать лет рыночных реформ и новая модель экономического роста: докл. к XIII апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 3–5 апр. 2012 г.) / В. А. Мау, Е. Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2012.
7. Симчера, В. М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900 – 2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы / В. М. Симчера. – М.: Наука, 2006.
8. Формирование экономической системы России в координатах мирового развития / под ред. К. А. Хубиева. – М.: Экономический факультет, ТЕИС, 2001.
9. Хубиев, К. А. Большой трансформационный цикл и императивы посткризисного развития / К. А. Хубиев // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 4.
10. Социальные итоги трансформации, или Двадцать лет спустя / Е. Г. Ясин [и др.] // Вопросы экономики. – 2011. – № 8.
11. National Accounts Main Aggregates Database: <http://unstats.un.org/unsD/snaama/resQuery.asp>
12. Statistical Abstract of the United States. – 1990.
13. Stiglitz, J. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress / J. Stiglitz, A. Sen, J.-P. Fitoussi. – 2009: <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr>
14. Wyplosz, C. Ten Years of Transformation: Macroeconomic Lessons / C. Wyplosz // World Bank Annual Conference on Development Economics. – Washington. – 1999. – 28–30 April.

Г. А. Маслов¹

**ТЕОРИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ**

Третья промышленная революция, состоявшаяся около 30–40 лет назад, но имевшая корни развития свойственных ей технологий за долгие годы до собственного возникновения, многими исследователями называется самой значительной по влиянию на экономику и иные общественные отношения людей.

Кроме роста производительности труда с качественной стороны важно отметить «уменьшение» производства в том смысле, что происходит обработка предметов труда на микроуровне, позволяя создавать, в частности, высокоточные детали – тем самым поднялась новая волна специализации по причине роста самого разнообразия товарной массы. Большая часть ресурсов была высвобождена из материальной сферы², существенная часть которых перешла в транзакционно-финансовые отрасли. В развитых странах сфера услуг стала кратно превышать материальное производство в структуре выпуска. Следует также отметить, что новые технологии для своего применения часто не требовали крупных капитальных затрат, что стало, условно говоря, реинкарнацией мелких производств, особенно в сфере услуг. Процесс труда изменял свои формы, перемещаясь не только в предмете своего приложения, но и в характере. Все большее значение стало приобретать образование, творческие навыки, все человеческие умения, незаменимые машинами, хотя сам факт интеллектуального труда автоматически вовсе не означает отсутствие его рутинности, стандартизации.

Ряд теорий, тяготеющих как к политэкономическому, так и институциональному подходам, во время развертывания новой научно-технической революции в явном виде воспринял качественные изменения экономической системы, сделав в большинстве случаев сами эти изменения непосредственным предметом изучения. Впоследствии их стали объединять под флагом постиндустриализма.

Чаще всего в рамках данного направления отмечаются работы П. Друкера [9] (сформулировал понятие «экономика знаний»), М. Кастельса [11], специализировавшегося на изучении сетевых эффектов, Э. Тоффлера [15, 16] (описывал влияние новых технологий на весь образ жизни общества), Т. Сакайя [13] (наряду с Э. Тоффлером является одним из крупнейших футурологов). Безусловно, данные авторы, как и их последователи и сторонники, рассматривали немало других вопросов.

¹ *Глеб Андреевич Маслов*, научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, аспирант экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

² В данном случае имеется в виду статистическое отображение этого явления, но насколько реально, а не с описательной точки зрения произошло высвобождение из материального производства, остается полем дискуссий.

Особый вклад внес Д. Белл [2], автор понятия «постиндустриализм», в котором были отражены качественные отличия новой экономики от прежней. Развивая гелбрэйттовскую теорию конвергенции [7], им обосновывалось преимущество крупных компаний как владельцев достаточно крупных средств и наиболее ценных людских ресурсов (меритократии) для постоянного инновационного процесса³.

Не касаясь прочих важных сторон вклада этих теорий в экономическую науку, стоит рассмотреть аспект появившегося противопоставления «постиндустриальной реальности» и первичности материального производства. При несомненных крупных изменениях хозяйственной жизни, отмеченных «постиндустриалистами», встал вопрос, произошел ли качественный скачок всей системы, который позволил бы поставить границу, разделяющую на «до и после», изменились ли основополагающие, стержневые характеристики экономических отношений, которые отвели бы принципиально иную роль отраслям материального производства.

Эта дискуссия получила большую актуальность в России, во многом в связи с процессами деиндустриализации в нашей стране и с присущими этому процессу «деорганизации процесса производства, ..., деградации применяемых технологий, ..., деквалификации труда, ..., декомплицировании (упрощении) продукта производства...» [5, с. 25] и другими «де»... Сторонники необходимости первостепенного развития сфер материального производства с активной ролью государства указывают на миражность постиндустриального общества и пагубность насаждения постиндустриальной идеологии в современной российской действительности⁴.

А. В. Бузгалин и А. И. Колганов отмечают, что в этой дискуссии «правы и те, и другие...» [6, с. 742], сторонники постиндустриализма и их оппоненты «...нащупывают (каждый по-своему) разные «детали» слона, бродя с завязанными глазами и принимая хобот за змею, ноги за колонны и т.п.» [6, с. 742]. Следует согласиться с такой оценкой в том смысле, что имеет место исследование различных сторон хозяйственной жизни общества, фактов экономической реальности, и отдельный ученый затрагивает свой, в немалой степени обособленный объект изучения. Например, кто-то фиксирует факт изменения характера труда в определенной отрасли и стране в сторону его креативности и информативности, а другой специалист отмечает перенос индустриальных производств в развивающиеся страны и наибольшую долю «классических» индустриальных рабочих в истории в масштабе всего мира. Однако в то же время «нащупывание деталей слона» происходит в единой, причем центральной области – и вопрос состоит в том, можно ли в целом констатировать кардинальное изменение глобальной экономической системы (или как минимум наиболее развитых стран) по критерию, заложенному в термин «постиндустриализм» (и соответственно доиндустриальных, индустриальных стадий). Технологии 5-го, наступающего 6-го технологического укладов, безусловно, очень значительно изменили и будут изменять характер функционирования экономики, но насколько оправданно обобщать новые явления и процессы под постиндустриальной концепцией?

³ Однако, как отмечает В. Иноземцев [9], анализируя теорию Д. Белла, на практике хозяйственные структуры с большим опозданием реагируют на новые технологические условия.

⁴ См., например, [4, 8].

В первую очередь стоит сказать о характеристике основного количественного различия постиндустриального общества с его прежними стадиями. Доля сферы услуг в ВВП, численность занятых в этой сфере дает повод отметить переход к новой экономике, что свойственно традиции постиндустриализма Д. Белла. Тенденция роста сферы услуг в структуре национального производства была предсказана и объяснена уже на ранних этапах развития политической экономии (речь, в частности, о законе У. Петти), отразилась и в трудах К. Маркса, представляющего завершающий этап классической политической экономии.

Рост органического строения капитала в марксистских теориях характеризует проявление технического прогресса в удешевлении производства товаров, и соответственно, возможностях высвобождения трудовых, временных ресурсов. Повысившаяся производительность вещественного капитала стала предпосылкой разрастания сферы услуг. В этой связи термин постиндустриализма выглядит скрывающим сущность новой структуры производства, той основы, на которой выросшая доля услуг держится.

Постиндустриализм в смысле экономики повышенной производительности (дело не в том, что создаются услуги, а в том, что высвобождены ресурсы на их создание) противоречит вышеотмеченному положению, что эта производительность – отражение роста органического строения капитала. Другими словами, машины вносят все больший вклад в благосостояние общества, перенося свою стоимость на все большее количество конечной продукции, и поэтому экономика становится как раз все более индустриальной.

Аналогичным подходом можно оперировать и при рассмотрении изменившейся структуры занятости населения. Большая занятость в сфере услуг в развитых странах означает факт создания высоких добавленных стоимостей, то есть обслуживание работниками высокопроизводительных материальных средств производства, что опять же, является свидетельством все большей роли машин в рыночном производстве.

Далее стоит перейти к качественным особенностям, которые присваиваются постиндустриальному обществу, появление которых вызвано технологической революцией. Эти новые черты современной экономики, безусловно, имеющие определенную связь между собой, тем не менее, принадлежат разным областям экономической системы. Следовательно, внутри экономической науки они рассматриваются разными направлениями (примеры иллюстрированы ниже), и новые концепции постиндустриалистов во многом действуют на территории прежних теорий, не раскрывая принципиально новых исследуемых явлений. Этим можно объяснить, почему при определенной степени распространения и принятия научным сообществом постиндустриализма, его появление не ознаменовало собой научную революцию в экономической теории.

Можно с долей условности выделить шесть различного рода признаков, относимых к постиндустриализму с последующим кратким анализом их рассмотрения в предшествующих, «допостиндустриальных» школах экономической теории:

1. Особая роль фактора информации.
2. Распространение сетевых эффектов.
3. Компьютеризация, стремительное распространение информационных технологий.
4. Определяющая роль инноваций.
5. Новый характер процесса производства, востребованность в новых качествах работников.

6. Изменение общественной жизни в целом, в самом широком смысле. Ориентация на обновленные показатели благосостояния.

1. С точки зрения постиндустриального подхода информация стала добавляться к «традиционным» факторам производства (земля, труд, капитал и позже появившиеся предпринимательские способности)⁵. При этом нередко происходит смешение информации как знания, умений и навыков, входящих в категорию человеческого потенциала и фрагментарное знание, приложимое в конкретных, локальных условиях (будь то инсайдерская информация на финансовом рынке, более полная информация о ценах и рыночном поведении конкурентов на рынке). И то, и другое имеет своего собственника и является ограниченным ресурсом – с точки зрения экономикса неограниченные ресурсы не рассматриваются в принципе. Тем не менее, такое смешение видится некорректным, так как в первом случае речь идет о способностях человека, о том, что входит в характеристику товара «рабочая сила» при покупке на рынке труда, факторах производительности, потенциале создания рынка нового продукта. Во втором – об относительно узком вопросе отрицания неоклассической предпосылки о полноте информации рыночными агентами, появлении неравенства между ними на этой основе.

Теоретические исследования новой роли информации также развиваются в направлениях, восходящих еще к традиции классической политической экономии, теории отраслевых рынков, инноваций, человеческого капитала. Проблема недостатка информации в неоклассическом смысле рассматривается теориями неопределенности и риска, поведенческой экономикой, различными направлениями институционализма. Таким образом, информация исследуется в различных областях экономической науки, где вкладывается различный смысл в понимание информации и, соответственно, цели, методы и контекст изучения разнообразен.

2. Сетевые эффекты, как правило, рассматриваются как воздействие факта потребления блага на его общественную ценность.

В свою очередь, рост сетевых эффектов можно разделить на, во-первых, «технологический» аспект, связанный с изобретением и распространением продуктов, в которых «заложена» потребность в распространении сетей. Типичными примерами являются мобильные телефоны, Интернет, социальные сети, полезность которых возрастает с ростом числа потребителей. Модели описания сетевых эффектов были довольно давно предложены с точки зрения микроэкономики и сейчас представлены почти в каждом учебнике по соответствующей дисциплине. Политэкономия, восходящая к своим классическим традициям, также занимается исследованием сетей как фактора изменения структуры и процесса общественного производства, движения стоимостей.

Во-вторых, сетевые эффекты проявляются как результат специфического потребительского поведения, ориентирующегося на потребление других членов общества, моду, стремление «выделиться из толпы». Можно выделить статью Х. Лейбенштейна [17], в рамках микроэкономического подхода описавшего проявления эффектов сноба, присоединения к большинству, эффекта Веблена. Вопросы потребительского поведения такого типа, очевидно, являются ключевыми в маркетинговых исследованиях. Кроме

⁵ См., например, изменение понимания национального богатства в связи с появлением этого информационного фактора в [1].

того, данная тема активно прорабатывается в междисциплинарных областях и относительно близких к экономике наукам (культурология, социология, философия).

Во втором варианте технологические предпосылки большего распространения сетевых эффектов просматриваются куда менее очевидно, чем в первом, но все же можно предположить характер их воздействия. Развитие материального производства позволило увеличить разнообразие продукции, высвободить ресурсы в сферу продвижения товаров (и одним из ресурсов этого продвижения стало использование имеющихся/внушение новых потребительских установок). Технический прогресс, позволивший добиться большего удовлетворения основных потребностей, создает возможности поиска новых стимулов для потребителя при выборе благ на рынке.

3. Информационные технологии в последние десятилетия развиваются в буквальном смысле экспоненциальными темпами, позволяя алгоритмизировать и решать все более масштабные и сложные задачи. Более интегрированными и взаимозависимыми между собой становятся элементы крупных производственных цепочек. Отдельно стоит отметить резко возросшее количество благ, неуничтожаемых в процессе потребления, распространение которых сопряжено с практически нулевыми издержками.

Как представляется, институциональные направления (как нового, так и «старого» направлений) восприняли новые явления, причиной которых стала компьютеризация (новые типы регулирования процесса производства внутри компаний, вопросы интеллектуальной собственности на неограниченные после своего создания блага и пр.) в большей степени, чем «традиционные» микро- и макроэкономика, но и они с необходимостью исследуют новую структуру рынков, отраслевого разделения.

Политическая экономия, возможно, имеет наибольший потенциал своего развития в связи с кардинальным изменением базовых технологий производства, так как существенно меняются основополагающие характеристики экономической системы. Системный подход с исследованием основ, наиболее значимых элементов свойственен именно политической экономии, способной быть [и] в новое время становым хребтом экономической теории.

4. Можно сказать, что наше время отличается исторически очень высоким уровнем инновационной активности – и это является ключевой характеристикой нового общества, подчеркиваемой постиндустриалистами. Создались предпосылки реактуализации шумпетерианского подхода при изучении процесса создания инноваций, новых рынков, роли предпринимателя-новатора, особенностей внутрифирменного и внутриотраслевого взаимодействия. Стремительность инновационных изменений по-новому ставит вопросы рыночного равновесия, чаще отклоняющегося от своего достигнутого статичного оптимума, что, в частности, возрождает интерес к теориям частичного равновесия.

Созидательный динамизм (хотя по каким-то критериям он не всегда может быть созидательным в положительном смысле слова), меняя характер развития многих экономических феноменов и создавая практически с нуля некоторые из них, становится толчком для обновления теории. Новые вопросы при этом «перевариваются» прежними исследовательскими программами (будь они внутри экономикса, институционализма или политэкономии). Кроме того, при практической необходимости интеграции результатов нужно отметить разнородность и многообразие рассматриваемых проблем, и, соответственно, работу над ними в рамках самостоятельных областей изучения.

5. Изменения в характере труда, требованиях к квалификации работников, в том числе необходимость регулярного переобучения и освоения новых навыков, организации и контроле рабочего процесса правомерно считаются основным качественным скачком

ком всей экономической системы, а не какими-то локальными различиями – сейчас это вряд ли требует дополнительных доказательств.

Эти изменения не могли не отразиться в новых концепциях экономической теории, несмотря на то, что ей нередко свойственна инерционность. Ввиду многоаспектности и масштабности данного вопроса был неизбежен рост междисциплинарных оснований в исследованиях, новых предметов исследования в политической экономии.

В новом институционализме появились новые модели, рассматривающие оппортунистическое поведение, теории контрактов. Микро-, макроэкономика, политическая экономия в рамках своих подходов обосновывали объективные условия опережающего роста заработных плат для отдельных категорий наемных работников. Марксисты особенно подчеркивают нарастающее устаревание раннекапиталистических методов контроля над рабочим процессом, ведь сейчас сам процесс труд требует большей свободы и меньших регламентаций. Безусловно, одними из столпов современной экономической теории стали теории сигналов и человеческого капитала.

Перечисление примеров реакции теории на новые условия можно продолжать.

6. По мере удовлетворения базовых материальных потребностей основной массы общества в развитых странах актуальнее становилось внимание к более широкому кругу проблем качества жизни.

Фактор роста богатства вкупе с назревающими экологическими проблемами остро поставил вопрос устойчивого развития. Экономика счастья стала реакцией на потребность перестроения экономики под подлинные устремления человека. В целом, можно говорить о большем внимании теории к состоянию здравоохранения, образования, возможностям досуга, наличия прав и свобод, безопасности, обеспеченности базовыми благами и другим показателям качества жизни, которое основано на междисциплинарном подходе.

Доклад Комиссии под руководством Дж. Стиглица, А. Сена, Ж.-П. Фитусси [14] стал своего рода промежуточным итогом (возможно, несколько запоздавшим, но оттого не менее актуальным) распространения направлений, обращающихся к «новым» факторам благосостояния, который предложил новый статистический аппарат для оценки и систематизации новых данных.

Итак, начиная со второй половины XX-го века, и особенно в конце XX-го – начале XXI-го веков в экономической системе стали распространяться новые явления, вызванные, прежде всего, информационной революцией. Эти новые явления затрагивают разные стороны экономической системы, и, соответственно, как было показано выше, экономическая теория активно отреагировала на них разнообразием своего *прежнего* арсенала (далеко не только теориями, относимым к постиндустриализму), исследования ведутся в рамках *разных* дисциплин.

Возникает вопрос о возможности объединения новых разнородных феноменов в общем целом (в данном случае, в постиндустриализме). Если оно возможно, то на основании какого критерия? По закону формальной логики нельзя приравнивать разнокачественные элементы друг с другом, то есть X может быть равен Y только если за ними скрываются числа сами по себе, но X не может быть равен Y, если X – это килограммы, а Y – это метры. Таким образом, взятые отдельно друг от друга, например, управление офисным коллективом и распространение неуничтожаемого товара «знание» представляют собой разнокачественные объекты изучения, относящиеся к разным направлениям. Поэтому единая постиндустриальная теория как теория, изучающая распространение знания *плюс* управление коллективом невозможна, как не может быть суммы килограммов и метров.

Объединение потенциально осуществимо только при взаимодействии этих разнородных элементов, которое образует новое явление/процесс. Тем самым создается новый объект исследования, который становится системой, содержащей в себе черты обоих (в предельно простом случае – обоих) элементов. Однако так как система не является простой совокупностью чего-либо, а основана на единстве, то необходимо основание, исходный пункт объединения. Если же система как целое содержит в себе черты объединяемых элементов, то и этот исходный пункт содержит в себе частички этих элементов.

Теоретический исходный пункт логично выводить из практики, то есть нужно найти причину стремительного роста уникального товара «знание» и новых методов управления работниками, если обращаться к вышеприведенному примеру. Постиндустриализм ищет это основание в новых технологиях, радикально изменяющих всю общественную систему⁶.

Сложно спорить с тем, что именно новые технологии вкуче с достижением определенного критического уровня производительности (опять же, определяемым технологиями) стали исходным пунктом множества новых черт экономики, достаточно влиятельных, чтобы сформировать принципиально новую экономическую систему в целом. Иначе как технологическим развитием трудно объяснить основную природу новых явлений, изучаемых постиндустриализмом и другими направлениями.

В этом случае корень постиндустриальной экономики можно увидеть в товаре «как элементарной форме богатства⁷», так как он являет собой отражение вклада постоянного (в том числе основного) и переменного капиталов. В данном случае, опуская промежуточные звенья движения от абстрактного к конкретному, проведенного в «Капитале» К. Маркса, берется товар как соединение стоимостей, переданных ему постоянным и переменным капиталом. Товар, представленный именно в таком виде, иллюстрирует степень технологической развитости того или иного общества.

Органическое строение капитала служит ключевым индикатором детерминанты экономической системы, определяя уровень технологий, производительности. Однако это не отменяет и поверхностность органического строения в том смысле, что для раскрытия системно значимых технико-экономических параметров необходимо «нырять глубже», то есть исследовать движение стоимостей в процессе производства, характер самого производства (что конкретно производится с помощью каких машин и технологий), особенностей человеческого труда и так далее.

Используя ту же логику «Капитала», можно вывести различные качества экономических систем. В данном случае, исходя из образования и содержания стоимости товара, появились предпосылки выделения «доиндустриальной», «индустриальной» экономик, основанные на критериях роли машинного производства, определяющих технологий, доли постоянного капитала в стоимости.

Если следовать той же аргументации, что и в вышеприведенной критике характеристики экономики как постиндустриальной на основе превалирования сферы услуг в структуре производства, можно обосновать теоретическую тупиковость постиндуст-

⁶ Кстати говоря, это автоматически делает постиндустриалистов, выделяющих также доиндустриальную и индустриальную стадию, в большой степени сторонниками технологического детерминизма, казалось бы, старомодного и «проклятого».

⁷ «богатство...выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар – как элементарная форма этого богатства» [12, с. 95].

риализма как общей концепции, раскрывающей основные качества новой экономической системы. Причина – в игнорировании сущности материального производства как основы самой экономики, а это игнорирование происходит как в самом термине «*постиндустриальный*», так и в непризнании материального производства в качестве исходного и ключевого элемента при раскрытии сущностей новой экономической системы в постиндустриальных теориях. При «пропуске» в теории современного материального производства, которое фактически (продолжающийся рост органического строения) играет все возрастающую роль, пропадает основа построения единой системы, объединяющей, например, вопросы новых форм контроля на производстве, компьютеризации и внимания к более дифференцированным показателям благосостояния.

В то же время принципиально новые явления экономической жизни требуют своего изучения, причем с крупной системной точки зрения, и нужны шаги в сторону формирования новых основополагающих теорий в экономической науке. В качестве примера такого шага можно привести концепцию нового *индустриального* общества второго поколения (НИО-2) С. Д. Бодрунова [3], где технологии четвертой промышленной революции, шестого технологического уклада формируют новую мировую экономическую систему.

Итак, при признании *отдельных* достижений авторов в рамках *отдельных, локальных* с точки зрения всей экономической теории вопросов (востребованность в них абсолютно объективна исторически), которых *принято относить* к постиндустриализму, основными выводами можно обозначить следующее.

Новые качества экономической системы, взятые по отдельности, имеют различные «единицы измерения» сравнительно с наполнением термина «постиндустриальный». Объединить же эти качества в новую общую систему невозможно за счет «первородного греха» постиндустриализма – игнорирования материального производства как основы, которое при альтернативных подходах этой основой могло бы стать и в действительности становится. Следовательно, если нет постиндустриальной экономики, то нет и объективных предпосылок для существования системного постиндустриального теоретического направления, своего рода политической экономии постиндустриального общества.

На протяжении всей статьи постиндустриализм умышленно не критиковался языком статистики, так как гипотетическое доказательство сегодняшнего «отсутствия превалирования» постиндустриальных явлений не исключает этого превалирования в будущем. Целью было показать, что постиндустриального мира нет и не будет в дальнейшем развитии общества (если не брать радикальных гипотез вроде наступления экологических катастроф, которые заставят избавиться от массового машинного производства).

Важность поставленного вопроса выходит за пределы сугубо теоретических споров, так как потенциальные последствия этих споров способны оказать существенное влияние на практику, и здесь кроются потенциальные риски, особенно для таких стран как Россия, то есть нуждающихся в ускоренном увеличении производительности и переходе на новый технологический уровень.

При отстранении постиндустриализма от основополагающей роли материального производства во многом пропадает база для системного управления экономикой со стороны государства, необходимого, например, для реализации закона вертикальной интеграции – как можно регулировать движение стоимостей, если выпадает из рассмотрения материальное производство в качестве ключевого источника ее создания?

Выстраивание стратегии развития, осуществление различного вида планирования и селективного регулирования – это то, в чем нуждается современная Россия для достойного ответа вызовам времени, и, соответственно, игнорируя данную необходимость, этот ответ дать не получится.

Мир в целом стоит на пороге четвертой промышленной революции, и без глубокого исследования структуры производства и зависимых от нее отношений экономических факторов нельзя будет без больших потерь перенаправить глобальную систему на новые технологические рельсы.

Список литературы

1. Антипина, О. Н. Национальное богатство и национальный продукт / О. Н. Антипина; под ред. В. Н. Черковца. – Рыбинск, 2010. – С. 105–122.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл; пер. с англ. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
3. Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2016. – 352 с.
4. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество второго поколения: человек, производство, развитие / С. Д. Бодрунов // Общество и экономика. – 2016. – №9.
5. Бодрунов, С. Д. Ресурсные преимущества России как основа высокотехнологичного экономического роста / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 4 (42).
6. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал: в 2 т. Т.2: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 912 с.
7. Гелбрэйт, Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гелбрэйт. – М.: Прогресс, 1969.
8. Губанов, С. С. Неоиндустриализация России и вопрос о собственности / С. С. Губанов. – М.: Книжный мир, 2012.
9. Друкер, П. Посткапиталистическое общество / П. Друкер // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М., 1999.
10. Иноземцев, В. Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (к проблеме социальных тенденций XXI века) / В. Л. Иноземцев // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3.
11. Кастельс, М. Сетевое общество / М. Кастельс. – М., 2001.
12. Маркс, К. Капитал: критика политической экономии. Т. 1 / К. Маркс. – М.: Эксмо, 2011. – 1200 с.
13. Сакайя, Т. Стоимость, создаваемая знаниями, или История будущего / Т. Сакайя // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999.
14. Стиглиц, Д. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла?: докл. Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Д. Стиглиц, А. Сен, Ж.-П. Фитусси; пер. с англ. И. Кушнарева; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 216 с.
15. Тоффлер, Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М.: АСТ, 2008. – 569 с.
16. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: Изд-во АРС, 2002.
17. Leibenstein, H. Bandwagon, snob and Veblen effects in the theory of consumer's demand / H. Leibenstein // Quarterly Journal of Economics. – 1950. – Vol. LXIV. № 2. – P. 183–207.

*А. Г. Гаджиева*¹

МЕСТО СФЕРЫ УСЛУГ В КОНЦЕПЦИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ XX–XXI ВВ.

1. Введение

Становление современной экономики во многом определяется развитием сферы услуг и информационных технологий, что проявляется в повышении роли науки и фундаментального знания. Внедрение новых технологий в результате НТР середины XX в. повлекло за собой усложнение производственных процессов и, как следствие, расширение отраслей сферы услуг, возникновение в ней новых видов деятельности. В связи с бурным ростом сферы услуг, в результате которого некоторые высокоразвитые страны стали называться сервисными экономиками, представляется важным проанализировать ее место и роль в становлении современной экономики. В настоящее время доля сектора услуг в ВВП развитых стран стремится к 80%, а доля занятости, приходящейся на данный сектор, составляет свыше 70% [35, 36].

В последней трети XX в. основной концепцией, описывающей с той или иной степенью достоверности суть явлений, происходящих в экономиках высокоразвитых стран, была концепция постиндустриального общества. На ее основе возникло большое количество всевозможных теорий и концепций, выдвигающих различные сценарии социально-экономического развития общества. Это и теория «информационного общества» (Ф. Махлуп, Т. Умесао, Й. Масуда, М. Порат, Р. Катц, М. Кастельс, Т. Стоуньер, У. Дайзард), «программируемого общества» (А. Турен), «постэкономического общества» (Г. Кан, В. Л. Иноземцев), «технотронного общества» (З. Бжезинский), «общества знаний» (П. Друкер, Н. Штер, Т. Сакайя, Д. Диксон), «постмодернизма» (Ш. Бодрийяр, Ш.-Ф. Лиотар, З. Бауман, У. Бек, Д. Харви) и другие.

Однако в последнее время в силу того, что многие сценарии, описанные в рамках концепции постиндустриализма в середине XX в., не подтверждаются на практике в веке XXI, адекватность теории постиндустриализма явлениям современной экономики вызывает много споров и подвергается основательной критике, особенно российскими учеными, являющимися приверженцами неоиндустриализма (С. Д. Бодрунов, А. В. Бузгалин, А. И. Колганов, С. Ю. Глазьев, С. С. Губанов и др.).

2. Концепции постиндустриального общества

Д. Белл, считающийся основоположником теории постиндустриализма, придерживался стадийно-отраслевого подхода, предложенного рядом авторов, в частности,

¹ *Алиса Гаджиевна Гаджиева*, соискатель кафедры политической экономии экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, магистр экономики.

А. Фишером, К. Кларком, Ж. Фурастье, У. Росту и ставшего методологической основой теории постиндустриализма.

А. Фишер, К. Кларк и Ж. Фурастье выделили в экономике три сектора – первичный или аграрный, вторичный или промышленный и третичный или сфера услуг. Считается, что Фишер (1939)² впервые предложил называть отрасли сферы услуг третичным сектором как продолжение традиции объединять сельскохозяйственные отрасли в первичный сектор и промышленные отрасли во вторичный, принятый в статистических органах Новой Зеландии и Австралии [30].

Большую роль в становлении постиндустриализма сыграла теория К. Кларка (1957), в которой автор объясняет смещение потребительского спроса и занятости в сторону отраслей сектора услуг изменением уровня цен и доходов населения. По мере роста доходов доля расходов на продукты питания снижается в пользу услуг. Соответственно, на третьей стадии, когда рынок насыщается промышленными товарами, спрос на продукцию и труд в секторе услуг растет на постоянной основе [28]. Тем самым, происходит развитие третичного сектора, что находит отражение в росте его доли в ВВП и общей занятости.

Однако в современных реалиях трехсекторное деление экономики не актуально, в силу усложнения сферы услуг и усиления взаимосвязи между вторичным и третичным секторами. В связи с этим иногда представляется достаточно сложным отделить один сектор от другого. В целях статистического учета могут выделяться четвертичный и пятеричный сектора экономики.

Американский экономист У. Росту в своей работе «Стадии экономического роста» (1960) также применил метод стадий для анализа экономического развития, отразив последовательную смену ведущих секторов экономики, которые «появляются и растут не только вследствие текущих изменений в технологии, и возрастающей готовности предпринимателей принять имеющиеся новшества, они растут отчасти и под давлением такого спроса, который способен значительно расширяться в зависимости от цен и доходов» [17, с. 30].

Росту выделяет сначала пять стадий роста, затем дополняя их шестой стадией в более поздней работе «Политика и стадии роста» (1971) [18], а именно: 1) традиционное общество; 2) этап создания предпосылок для взлета; 3) стадия подъема; 4) стадия быстрого созревания; 5) век высокого массового потребления; 6) стадия поиска качества жизни.

Стадия подъема связывается автором с ростом темпов капиталовложений с 5 до 10% и, соответственно, увеличением выпуска продукции, активным внедрением новых технологий и техники как в промышленность, так и в сельское хозяйство. По оценкам Росту, в этот этап, как и в предыдущие, первой вступила Великобритания в 1783 г., а затем на протяжении XIX в. в него вступали различные страны, такие как США, Франция, Германия, Япония, Россия и Канада. Китай и Индия приступили к этой стадии развития примерно в 50-х годах XX в. На следующем этапе – этапе технического прогресса, капиталовложения растут еще больше, когда около 10–20% национального дохода инвестируется. На стадии высокого массового потребления наблюда-

² В круглых скобках указывается дата издания работы на оригинальном языке. Дата публикации в списке литературы может отличаться, в случае использования изданий, переведенных на русский язык.

ется возрастание удельного веса предметов потребления длительного пользования, таких как бытовые машины и автомобили. Соответственно, главными отраслями экономики становятся отрасли производства товаров длительного пользования и сфера услуг, в связи с чем появляется «новый средний класс» – специалисты в различных областях, техники и квалифицированные работники. Первыми в этот этап вступили США в 20-х годах XX века, затем в 50-х годах – Англия, Германия, Япония, Италия и некоторые другие государства. И, наконец, на последней стадии поиска качества жизни начинают преобладать духовные ценности в развитии человека, акцент смещается на потребности человека, в производство все больше внедряется наука.

Однако теория стадий, хоть и внесла большой вклад в развитие концепции постиндустриализма, тем не менее, обладала рядом недостатков. Основой для выделения стадий служили в основном показатели технической оснащенности, уровня капиталовложений и структуры потребления. В то время как социально-правовым факторам не придавалось большого значения. К тому же, количественные оценки уровня капиталовложений носили обобщающий характер, не всегда подтверждаясь на практике анализируемых стран.

Белл, основываясь на вышеназванных концепциях, в своей работе «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» (1973) [1] подразделяет общественное развитие на доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную эпоху, характеризуя общества с позиций характера человеческого труда. Итак, в доиндустриальном обществе, основанном на трудоемких технологиях, происходит «взаимодействие с природой» при доминировании добывающих отраслей промышленности, в эпоху индустриального общества, когда ведущую роль приобретает конвейерное машинное производство и получают развитие капиталоемкие технологии, имеет место «взаимодействие с преобразованной природой» и, наконец, в постиндустриальном обществе с развитием интеллектуальной технологии труд человека основывается на «взаимодействии между людьми» [1, с. 157].

Таким образом, постиндустриальное общество представлено в качестве некоей «игры между людьми» в связи с широким развитием в нем сферы услуг, в которой информация и ее грамотное применение квалифицированным профессионалом в процессе взаимодействия между ним и другими людьми в различных областях, является определяющим фактором.

Автор, придерживаясь секторно-отраслевого подхода, расширил третичный сектор, подразделив переход от индустриального к постиндустриальному обществу на три стадии: стадия роста транспортных услуг и услуг общественных служб, появления «синих воротничков», обслуживающих производственные процессы, стадия развития торговли, финансовых и страховых услуг, операций с недвижимостью и возникновения, как следствие этого, класса «белых воротничков» и, наконец, стадия развития бытовых, личных, туристических, развлекательных услуг, услуг сферы гостеприимства, медицинских и образовательных услуг. Таким образом, в результате расширения человеческих потребностей по мере роста уровня жизни растет и расширяется сфера услуг.

Анализируя глобальные процессы XX в., Белл отмечает ведущую роль в них транспорта и связи, способствовавших массовому и быстрому перемещению людей, грузов и информации на национальном и международном уровне, заложив основы для формирования глобального общества.

Итак, рассмотрим основные черты новой эпохи, пришедшей на смену старой, которые, согласно Беллу, состоят в следующем:

1. *Переход от производства товаров к производству услуг*, характеризующийся преобладанием занятости в сфере услуг, а также расширением и усложнением отраслей услуг;

2. *Увеличение доли квалифицированных работников* – технических специалистов и различных профессионалов;

3. *Возрастание роли теоретического знания и науки*, на основе которых происходит внедрение инноваций в наукоемких секторах промышленности;

4. *Изменения в характере труда*, основанном на взаимодействии людей друг с другом;

5. *Формирование ситусов, представляющих собой* «вертикально расположенные социальные единицы», соперничающие друг с другом за влияние в обществе. Класс профессионалов, включающий в себя четыре функциональных ситуса (научный, технический, административный и культурный) может стать высшим классом по статусу;

6. *Возникновение меритократии* – слоя общества, принадлежность к которому зависит от личных достижений, образования и способностей, а не от социального происхождения. Соответственно, чем выше уровень образования и квалификации, тем более престижное место занимает человек в обществе.

Таким образом, очевидно, что приведенные выше тенденции нового общества присущи в полной мере лишь высокоразвитым странам. Рост квалифицированных специалистов и бурное развитие сферы услуг в ряде стран Запада стало возможным благодаря внедрению новых высоких технологий в производство и выводу трудоемких отраслей производства в развивающиеся страны. Как следствие, в развитых странах произошла перекалфикация и перемещение рабочей силы некогда занятой в сфере материального производства в сферу услуг.

Так, удельный вес сектора услуг в ВВП большинства развитых стран составляет свыше 70% в 2014 г. (табл. 1) [36].

Необходимо отметить, что промышленность в абсолютном выражении в большинстве рассматриваемых стран (кроме Италии и Японии) все же растет, хоть и более низкими темпами. Динамика развития секторов хозяйства неравномерна по развитым

Таблица 1

Доля секторов экономики в ВВП ряда развитых стран, % (рассчитано по [36])

Сектор	Сельское хозяйство			Производство, добыча			Услуги			Прирост сектора услуг за период В % к 1997
	1997	2007	2014	1997	2007	2014	1997	2007	2014	
США	1,4	1,1	1,3	23,9	22,2	20,7	74,7	76,8	78,0	110,8
Великобритания	1,1	0,6	0,7	27,0	21,5	20,1	71,9	77,8	79,2	111,0
Германия	1,1	0,8	0,8	31,5	30,5	30,5	67,4	68,6	68,7	50,2
Франция	2,6	1,8	1,7	23,7	21,1	19,6	73,7	77,1	78,7	76,5
Италия	3,1	2,1	2,2	28,3	26,5	23,4	68,6	71,4	74,5	61,0
Япония	1,6	1,1	1,2	32,7	28,2	26,9	65,7	70,6	72,0	2,2
Швеция	2,4	1,6	1,3	30,4	30,3	25,7	67,2	68,1	72,9	112,7

странам. Германия, Япония и Швеция, будучи развитыми странами, тем не менее, сохраняют заметный удельный вес промышленности в ВВП. Таким образом, если говорить о «сервисной экономике», то этот термин не применим ко всем развитым странам. Из рассматриваемых стран к сервисным можно отнести США, Великобританию и Францию. В развивающихся странах, таких как Китай и Россия, доля промышленности также остается существенной (43% и 32% соответственно), хоть и с преобладанием сферы услуг в структуре экономики [36].

Торговля услугами также растет, хоть и значительно уступает по объемам материальным товарам. Доля коммерческих услуг стран ЕС в мировом экспорте составила 26,2% в 2014 г., а в импорте – 20,9%. При этом, объем экспорта и импорта коммерческих услуг вырос в 2014 г. по сравнению с 2010 г. на 7% и 6% соответственно [44].

Доля занятости в секторе услуг развитых стран стабильно растет. В США прирост занятости в секторе услуг составил в 2015 г. 190,4% по сравнению с 1965 г., составив 79,6% от общей занятости, в Канаде – 265% (78,4% от общей занятости), во Франции – 142% (74,1% от общей занятости), в Японии – 118% (72,2% от общей занятости) (рис. 1) [34. 35].

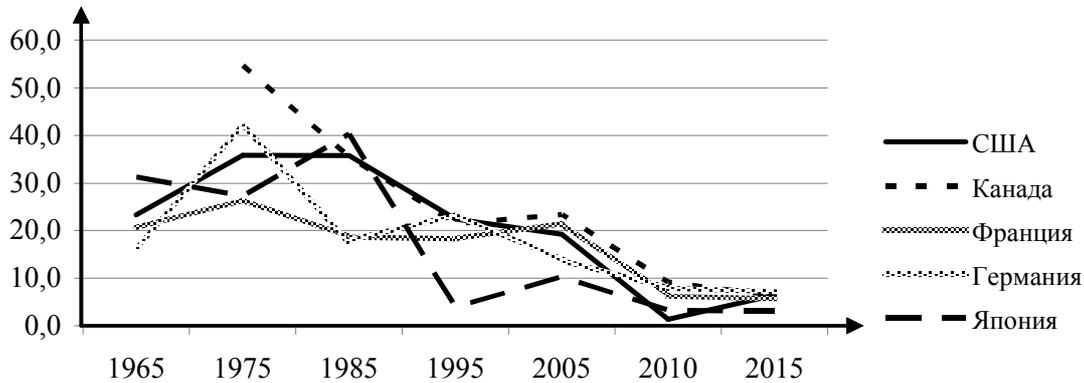

Рис. 1. Темп роста занятости в секторе услуг развитых стран в 1965–2015 гг., % (построено по: [34, 35])

Наиболее высокие темпы роста занятости в секторе услуг наблюдались в 1970–1980-х гг. как реакция на повсеместное распространение информационных технологий. В последующие годы темпы роста замедляются, сохраняя в целом положительную динамику.

Рассмотренные тенденции не свидетельствуют, как это может интерпретироваться сторонниками постиндустриализма, о том, что развитие отраслей сферы услуг происходит самостоятельно, вытесняя отрасли промышленности из системы общественного производства. Необходимо подчеркнуть, что в современной экономике происходит лишь смещение акцентов со сферы материального производства на сферу услуг, но не исчезновение или замена одного другим. Бурный рост сферы услуг скорее основан и происходит в тесной взаимосвязи с развитием производства материальных товаров, ведь многие отрасли сферы услуг сильно зависят от динамики промышленного сектора. Как подчеркивают С. Д. Бодрунов и А. И. Колганов (2016), «за последние десятилетия не получила широкого распространения ни одна технология, способная уйти от индустриального в своей основе способа производства. Появившиеся неиндустри-

альные технологии (например, биотехнологии) пока имеют небольшой удельный вес в общих объемах производства» [7, с. 27]. Научно-техническая революция и внедрение новых технологий способствовали развитию и ускорению производственных процессов, увеличению производительности труда. Необходимость качественного обслуживания нужд материального производства, развивающегося на новых скоростях, выявила потребность в новых квалифицированных кадрах, способствовала возникновению новых профессий и специалистов, способных оказывать производству качественные услуги, обособившись от него в отдельные отрасли. Расширение производства спровоцировало развитие транспортных услуг, торговли, различного рода профессиональных, деловых и образовательных услуг.

Безусловно, современный экономический прогресс основан на информационных и наукоемких технологиях, где человек и его знания имеют определяющее значение. Однако технологии должны быть первоначально внедрены в производственный процесс, ведь именно развитая сфера материального производства способствует повышению уровня благосостояния и потребления общества, без чего невозможно и развитие ряда отраслей сферы услуг. Следовательно, очевидно, что внедрение высоких технологий в сферу услуг, например, в образование или медицину, было бы бессмысленным в силу их недоступности в неплатёжеспособном обществе. Очевидным в связи с этим также является примат сферы материального производства над сферой услуг, как и первостепенность базиса над надстройкой. Вместе с тем, сфера услуг сегодня приобрела важное значение, в особенности это касается ее знаниеемких отраслей, в которых происходит процесс производства знания и рождения высококвалифицированных специалистов, способных это знание умело применить на практике.

Что касается высококвалифицированной рабочей силы, то она действительно имеет значительную долю. Например, в 2005 г. доля занятых в наукоинтенсивных услугах составляла в США 44,2% от общей занятости, в Великобритании – 43,3%, в Германии – 37,4% [23, с. 91]. В США в 2015 г. доля работников в сфере менеджмента, профессиональных и финансовых специальностей составила 39% от общей численности занятых [27, р. 27]. В 2012 г. в среднем по европейским странам доля профессионалов и технических специалистов в общей занятости составляла 20% и 16% соответственно [35]. В среднем по странам Западной Европы в 2002 г. наибольший удельный вес менеджеров приходился на сферу торговли (15–25%), специалисты высшего звена были сосредоточены в сфере образования (60–80%) и профессиональных и деловых услугах (30–40%), а специалисты среднего звена были заняты в основном в сфере здравоохранения и социальных услуг (30–40%) и финансах (30–40%) [23, с. 91].

Рост доли высококвалифицированной рабочей силы, образующейся в секторе образования и НИОКР, связан с увеличением роли знания и науки, являющимися сегодня основными факторами технического прогресса и экономического роста. В настоящее время вложения в исследования и разработки (ИР) растут, периодически незначительно снижаясь, реагируя на спады экономики.

Наиболее стабильный рост данного показателя наблюдается в развивающихся экономиках – Китае и Корее. В 2013 г. удельный вес инвестиций в ИР в США составил 2,73% от ВВП, в ЕС – 1,91%, Корею – 4,15%, Китае – 2,08%, Японии – 3,47% (рис. 2) [38].

При этом наибольшую долю в валовых инвестициях имеют вложения предприятий частного сектора, большая часть которых в основном приходится на производственный сектор (США – 70%, Великобритания – 42%, Германия – 87%, Япония – 90%) [37].

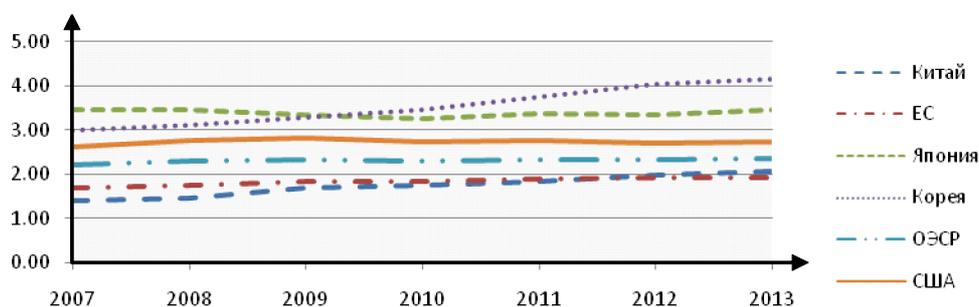

Рис. 2. Валовые внутренние инвестиции в ИР, в % от ВВП (источник: [38])

Белл, провозглашая господство высококвалифицированной творческой элиты, отменяет существование в постиндустриальном обществе классового антагонизма в связи с трансформацией капиталистических отношений собственности, которые теперь в силу отделения капитала от его владельцев, предоставляют человеку больше свободы для проявления инициативы и развития личности. Однако, одновременно с этим, автор вводит понятие горизонтальных и вертикальных ситусов, которые отражают другой вид классовой структуры – господствующего класса профессиональной элиты, представляющей собой меритократию и класса низкоквалифицированных работников физического труда. Тем самым, уходя от одного вида классового неравенства (капиталист – наемный рабочий), Белл приходит к другому его виду (высококвалифицированный работник – низкоквалифицированный работник), когда работники, не входящие в состав творческой профессиональной элиты, практически не имеют шанса на успех в постиндустриальных реалиях.

На сегодняшний день реализация сценария господства профессиональной элиты представляется практически неосуществимой. Очевидно, что господствующий класс крупных капиталистов, финансистов, топ-менеджеров и чиновников, как в эпоху индустриализма, так и сейчас, не поступится своими интересами ради развития творческой личности. Власть техноструктуры еще не так сильна. Крупные ТНК, присваивая труд профессионалов, используют результаты их труда для реализации своих целей, определяют направления научных исследований и осуществляют их финансирование. Господство талантливой научной интеллигенции, свободно и независимо реализующей свой потенциал, в связи с этим, представляется достаточно утопичным.

А. Турен (1983), в отличие от Белла, называя современное общество программируемым, основанном на развитии информационно-коммуникационных сетей, усматривает наличие в нем классовой борьбы между господствующим классом и профессионалами. Автор полагает, что распространение в постиндустриальном обществе различных социальных движений способствует обострению социальных конфликтов. Согласно Турену, наибольшая опасность новой эпохи кроется в увеличении контроля господствующей элиты над личной жизнью людей с помощью информационных технологий, в результате чего и возникает социальное сопротивление и конфликты, главным действующим лицом которых в программируемом обществе, выступает социальный «ак-

тер», действующий во имя коллективного целого (феминистские, молодежные, экологические, культурные, этнические движения и т.д.). С его точки зрения под воздействием социальных конфликтов положение нового класса высококвалифицированных специалистов со временем будет ухудшаться [22].

В. Л. Иноземцев (2000), будучи сторонником концепции постэкономического общества, утверждает, что деятельность постэкономического человека определяется уже не столько материальными интересами, сколько совершенствованием творческого потенциала личности. Большое значение, в связи с этим, приобретает «творчество, не мотивированное утилитарным образом, но направленное, прежде всего, на максимальное развитие личности самого творческого субъекта» [12, с. 38]. В постэкономическом обществе предполагается замена частной собственности на личную, за счет соединения средств производства (знаний) с работником посредством развития его человеческого капитала, а также замена имущественного неравенства интеллектуальным.

Однако, с нашей точки зрения, мотивы саморазвития личности формируются первоначально на материальной основе, видоизменяясь поэтапно с течением времени. Саморазвитие всегда чем-то обосновано. Интеллектуальное развитие требует зачастую немалых вложений в человеческий капитал, которые должны не просто окупиться, но и приумножиться, в этом смысл любой инвестиции. Должно пройти немало времени, прежде чем творческая деятельность человека принесет свои плоды, и он сможет достичь определенного статуса и признания в обществе. Соответственно, на начальных этапах индивид повышает свой интеллектуальный и образовательный уровень для достижения успеха, в котором, в первую очередь, воплощаются именно экономические мотивы увеличения материального благополучия. Затем на них накладываются потребности иного, более высокого рода – признание, уважение, карьерный рост, статус в обществе и т.д. Тем самым, по достижении определенного уровня благосостояния, когда происходит пресыщение материальными благами, интеллектуально-духовные мотивы начинают отрываться от экономических, преобладая над ними.

Так же, как и приверженцы постэкономической концепции, сторонники постмодернити придают большое значение нематериальным ценностям, преодолению массовой культуры и стандартизации, повышению значимости личности и развитию ее творческого потенциала в отрыве от чисто экономических стимулов. В отличие от постиндустриализма, постмодернити акцентирует внимание не на технологических факторах развития, а на социально-психологических трансформациях личности человека.

Другой американский социолог Э. Тоффлер (1980) так же, как и Белл, выделяет в общественном развитии эпохи, представляя их смену подобно приходу новых волн [21]. В рамках своей волновой теории Тоффлер выделяет три волны развития, каждая из которых представляет собой технологическую революцию. Соответственно, первая волна аграрной цивилизации сменилась на индустриальную эпоху, а новая третья волна ознаменовала собой приход супериндустриальной цивилизации, для которой присущи демассификация общества, дестандартизация продукции, разделение массового рынка на сети мини-рынков, рост дифференциации продукции и сервиса, как следствие растущего многообразия человеческих потребностей. На рынке труда также происходит разделение и появление новых профессий, особенно в сфере услуг. Получает распространение занятость на дому, когда связь с коллективом поддерживается с помощью средств электронной связи («электронный коттедж»). Также автор акцентирует внимание на трансформации корпораций, как основных производителей благ в новых

условиях, которым приходится приспосабливаться к новым требованиям по снижению загрязнения окружающей среды, гуманизации труда и т.д.

Тем не менее, стоит отметить, что товары, став более дифференцированными, продолжают производиться на основе определенных стандартов. М. Портер и Дж. Хаппелманн в своей статье отмечают: «Промышленное производство все больше тяготеет к созданию стандартизированных платформ, а настройка оборудования с учетом пожеланий конкретного клиента происходит все позже и позже – на стадии сборки» [16]. В первую очередь это касается техники и разнообразных гаджетов, когда клиент непосредственно после покупки настраивает необходимое ПО и скачивает новые приложения.

3. Теории «общества знаний» и «информационной экономики»

Большой вклад в становление постиндустриальной концепции внесли идеи технократов, которые, будучи разработчиками теории индустриализма, видели основную силу в «техноструктуре», включающей ученых, конструкторов и различных специалистов, на квалифицированном труде которых держатся крупные корпорации.

П. Друкер в работе «Новое общество: Анатомия индустриального строя» (1950) [29], определил огромную роль конвейерного промышленного производства, отметив причины развития последнего за счет новых знаний и новых специалистов. С точки зрения автора, именно научный менеджмент и система трудовых отношений, а не инвестиции в машины являются факторами роста производительности и эффективности производства. Автор большую роль отводит индустриальному предприятию, которое должно строиться на принципах свободного общества. Он выступает за переход контроля деятельности предприятия от владельцев в руки профессионального менеджмента, подчеркивая важность выстраивания системы эффективного функционирования последних. Согласно Друкеру современное общество, благодаря развитию информационных технологий, трансформируется из капиталистического – в общество, основанное на знаниях.

Американский экономист Дж. Гэлбрейт также подчеркивает возросшую роль профессионалов и различных специалистов в связи с широким применением новых технологий и, как следствие, с усложнением производственных процессов. В своей работе «Новое индустриальное общество» (1967) [10] он подчеркивает, что именно техноструктуре, а не собственникам капитала принадлежит вся власть в корпорации. Именно группа специалистов, а не индивидуальные личности в лице топ-менеджеров, являются мозгом корпорации, участвуют в принятии важных решений, занимаются планированием и координацией деятельности организации.

Представляет интерес точка зрения другого сторонника концепции «общества знаний» Т. Сакайи, разработавшего теорию общества, основанного на стоимости, создаваемой знанием (knowledge-value society) (1985) [19]. Согласно автору, особенностью современного общества является не просто повсеместное применение знания, а то, что оно находит отражение в большинстве производимых с его помощью благ, предоставлении специализированных услуг, последних технологиях и т.д. При этом, информационный и образовательный сектор играют большую роль, выступая в качестве отраслей, сбывающих созданную знанием стоимость. Автор подчеркивает, что процесс создания стоимости знанием сопровождается соединением труда со средствами производства, воплощенными в разуме человека.

Действительно, знания в той или иной форме использовались в хозяйственной деятельности людей во все времена, однако современные масштабы и сферы его применения несравнимо широки.

Одновременно со становлением постиндустриализма в результате информационно-телекоммуникационной революции начала развиваться теория «информационного общества». Термин «информационное общество» был введен Ф. Махлупом и Т. Уме-сао в 1960-х гг., в дальнейшем развиваясь в теориях ряда авторов.

З. Бжезинский (1970) отводит технике большую роль в общественном развитии, называя современное общество технотронным, в виду того, что оно во всех отношениях складывается на основе техники и электроники [3].

М. Порат (1977) и Р. Катц акцентируют внимание на анализе новой социальной структуры, сформировавшейся в информационном обществе, и представляющей собой новый класс инженерно-технических специалистов, роль которых сильно возросла.

М. Порат относит «информационное общество» к четвертому (после сектора услуг) – информационному сектору экономики, подразделяя его на первичный и вторичный сектора [40]. Первичный сектор воплощает в себе производство техники, ЭВМ, телекоммуникаций, сферу образования и т.д. Вторичный сектор не поддается точному измерению, так как включает в себя внутреннюю информационную деятельность частных и государственных предприятий неинформационных отраслей, выступающих одновременно в качестве производителей и пользователей информации (управление, планирование, внутрифирменная исследовательская работа и т.д.). На основе анализа статистических данных, автор называет США информационным обществом по причине доминирования в стране производства информационного продукта и информационных услуг [39].

Ф. Уэбстер (1995), тем временем, критикует подход к определению общества в качестве информационного на основе количественных параметров, объясняя это тем, что невозможно судить о социальных переменных и о переходе к новому обществу лишь на основании увеличения объема произведенного информационного продукта. Для анализа социальных переменных необходимо полагаться на осмысление качественных критериев и смысла информации [24].

Й. Масуда (1981) придает центральное значение компьютерной технологии, которая способствует доминированию отраслей, использующих интеллектуальное производство. В новом обществе основной ценностью является уже не потребление, а время. Автор видит будущее общество свободным от социальных классов и конфликтов [33].

У. Дайзард (1982), вслед за Поратом, выделяет три стадии прогрессирующих изменений в информационной экономике, а именно: «становление основных экономических отраслей по производству и распределению информации; расширение номенклатуры информационных услуг для других отраслей промышленности и для правительства; создание широкой сети информационных средств на потребительском уровне» [11, с. 345]. При этом массовое потребление информационных услуг может обеспечиваться сегодня с помощью всего двух устройств – телефона и телевизора. Согласно Дайзарду, именно миникомпьютеры и высокоскоростные сети данных способствуют обеспечению свободы для «творческого индивидуализма».

Т. Стоуньер (1983) полагает, что в отличие от доиндустриальной и индустриальной эпохи основой хозяйствования в постиндустриальном обществе является применение информации, которая способствует повышению материального богатства во всех

отраслях экономики. При этом лимитирующим фактором выступает имеющееся в распоряжении знание. Информация также является капиталом, так как подлежит хранению и накоплению для будущего применения. Автор отмечает, что богатство создается благодаря применению новейших технологий, в основе которых лежит как научное знание, так и квалификация и специфическое знание о деловой конъюнктуре и способах применения рыночных возможностей. Знания и квалификация, в свою очередь, создаются в сфере образования и НИОКР, а профессиональные менеджеры, призванные грамотно управлять и координировать работу различных специалистов и информационных работников предприятия, играют определяющую роль в его успешности [20].

М. Кастельс (1996), в противовес «информационному обществу», ввел термин «информационное общество», подчеркивая различие между ними [13]. Дело в том, что согласно автору, обмен и использование информации было характерно для всех цивилизаций во все времена, в то время как в современном обществе применение информационных технологий является залогом повышения производительности и конкурентоспособности. Основной чертой информационного общества, пришедшего на смену индустриальному, является усиление роли информации и знания во всех сферах человеческой жизни. В связи с этим, современное общество автор называет сетевым, распространение Интернета в котором играет существенную роль.

Информационное общество сформировалось как результат процессов глобализации, вступающих в противоречие с национальной самобытностью в новых сетевых структурах.

Исследованием концепции «информационного общества» занимаются и российские ученые, среди которых, помимо В. Л. Иноземцева, можно отметить А. И. Ракитова, Р. Ф. Абдеева, Н. Н. Моисеева, А. Д. Урсула, С. А. Дятлова, Д. В. Иванова, В. Л. Макарова и др. Анализом аспектов «общества знаний» занимаются А. А. Пороховский, А. В. Бузгалин, Ю. В. Яковец, В. М. Кульков, Т. Е. Степанова и др.

Таким образом, концепции нового общества, возникшие в результате научно-технической и информационной революции в последней трети XX в., основываются на возросшей роли информации как нового ресурса экономики и научного знания как ее основной производительной силы. На основе информационно-коммуникационных технологий формируется сетевая структура экономики, в результате чего развиваются разнообразные высокотехнологичные отрасли сферы услуг.

4. Критика теории постиндустриального общества и неоиндустриализм

Можно предположить, что в современной экономике теория неоиндустриализма, отталкивающаяся от идеи усовершенствования материального производства на основе информационных технологий, науки и человеческого капитала является наиболее оптимальной концепцией для развивающихся стран, а теория постиндустриализма, предполагающая некую деиндустриализацию с вытесняющим развитием сферы услуг и информационных технологий, более характерна для высокоразвитых стран.

По пути неоиндустриализации в данное время идут такие развивающиеся индустриальные страны, как Китай, Сингапур, Южная Корея, Тайвань и др. При этом, многие развитые страны все больше стали задумываться о возобновлении производств на своей территории.

А. В. Бузгалин (2002) отмечает, что процессы, описываемые в рамках теории постиндустриализма (развитие информационных технологий, доминирующая роль знаний и формирование профессиональной элиты), отражая суть явлений, происходящих

лишь в странах «золотого миллиарда», являются свидетельством не нового постиндустриального общества, а – результатом «заката эпохи доминирования материального производства», сменой буржуазной экономической системы в сторону «глобальной гегемонии капитала» [8]. В рамках данной гегемонии происходит разбухание фиктивного сектора, размывающего реальный, присвоение крупными корпорациями творческого потенциала работника и его человеческого капитала в целом, формируется общество потребления, работающее на интересы борющихся между собой ТНК, а также развивается эксплуатация «первым миром» рабочей силы и ресурсов «второго» и «третьего». Автор подразделяет отрасли сферы услуг на превратный сектор, включающий финансовые спекуляции, маркетинг, массовую культуру и бюрократическое управление, и сектор креатосферы, обеспечивающий развитие общедоступного образования и воспитания, здравоохранения, подлинной науки и культуры. Бузгалин подчеркивает, что не превратный сектор, воспроизводящий фиктивные блага в превращенных формах, а именно креатосфера является преемницей развития материального производства и основой социального прогресса, предполагая развертывание общедоступного (всеобщего) социального творчества.

В этой связи С. С. Губанов (2008), один из приверженцев неоиндустриализма, полагает, что термин «постиндустриализм» неверно описывает происходящие явления как в экономиках развивающихся, так и развитых стран. По его мнению, экспансия занятости в сфере услуг является ложной в силу того, что международные статистические органы, рассчитывая численность занятых в экономике, учитывают лишь работников физического труда в промышленных отраслях, в то время как работники умственного и технического труда объединяются в различные отрасли сферы услуг так, будто последние существуют сами по себе в отрыве от производства [9].

Автор убежден, что Россия, которую пока еще нельзя назвать даже индустриально-развитой, в силу отсталости отраслей обрабатывающей промышленности, должна следовать по пути неоиндустриализации на основе вертикальной интеграции с формированием государственно-корпоративного промышленного капитала. При этом предполагается, что наука является внутренним фактором межотраслевой корпорации, объединяющей в себе все предприятия производственной цепочки, включая промежуточные, изготавливающие средства производства, необходимые для производства конечного продукта [9].

Действительно, если рассматривать вертикально-интегрированную экономику, где все производственные компоненты эндогенно включаются в сферу промышленного производства, то доля сферы услуг окажется не такой уж большой. Однако такое рассмотрение вопроса является достаточно спорным, по меньшей мере, для развитого мира, где производство в своей массе выведено за пределы страны и существует множество независимых крупнейших корпораций, обслуживающих производственную сферу и воздействующих на нее экзогенно (крупные консалтинговые предприятия, влиятельные инвестиционные банки, множество аутсорсинговых предприятий, оказывающих профессиональные услуги, научные центры, дистрибьюторские сети и др.). Поэтому полное слияние большинства отраслей сферы услуг с обрабатывающей промышленностью и их учет как единое целое представляется не совсем реальным. Усложнение производственных процессов привело к обособлению и расширению различных отраслей и видов деятельности в экономике. Соответственно, помимо вертикально-интегрированных ТНК, в экономиках как развитых, так и развивающихся стран, функционирует множество малых и средних предприятий, использующих услуги сто-

ронных организаций, не интегрированных в них в силу экономической нецелесообразности, которые наряду с крупными корпорациями, вносят существенный вклад в экономическое развитие.

Ряд российских ученых в монографии «Постиндустриализм. Опыт критического анализа» (2012) [25] многосторонне обосновывают несостоятельность теории постиндустриализма, сценарии развития которой, сложившиеся в середине XX в., не подтвердились на практике. В начале XXI в. нестабильность мировой экономики лишь усилилась. Авторы убеждены в том, что на основе данной теории сложился некий механизм паразитирования одной части мира, поставляющей фиктивные блага, за счет остальной части мира, производящей блага реальные. Такую систему эксплуатации Западом остальных народов авторы называют «неоколониальной экспансией», основанной, в отличие от раннего колониализма, не на военной силе, а на функционировании мировой финансовой системы с ведущей ролью доллара в ней. Согласно мнению авторов монографии, постиндустриализм в силу своей внутренней противоречивости, отсутствия основательного изучения предмета и размытости понятий, не может претендовать на роль научной теории, являясь лишь идеологемой, используемой в целях «глобальной манипуляции сознанием для управления миром».

Идеи постиндустриализма подвергаются критике, в том числе, и по причине применения метода стадий, отсутствия эволюции социально-экономических процессов. Критики утверждают, что последовательная смена эпох воспринимается апологетами постиндустриализма как объективный процесс, но при этом ими не учитывается пространственный аспект, демонстрирующий неприменимость данной идеологии ко всем странам мира.

Тем не менее, сторонники постиндустриализма, в том числе Белл, Тоффлер, Иноземцев, подчеркивают, что смена эпох одна на другую не способствует полному исчезновению предыдущей, тем самым общественные явления лишь накладываются друг на друга, меняя основные черты той или иной эпохи. Вместе с тем, постиндустриалисты считают исторически неизбежным и даже необходимым переход к новому обществу для всех стран мира. В их понимании, это лишь вопрос времени.

Касательно концепции развития России отечественные ученые единодушны в необходимости проведения в нашей стране политики неоиндустриализации – комплексной реиндустриализации экономики с модернизацией промышленности на основе применения новых высоких технологий. В связи с этим Бодрунов (2016) вводит понятие «второй генерации нового индустриального общества» – НИО.2. [6]. По его мнению, индустриальное общество новой генерации основано на росте «знаниеемкого материального производства». Такое новое общество не просто станет сочетанием наиболее оптимальных компонент капитализма и социализма, но и, согласно автору, «создаст новые отношения, далеко выходящие за рамки соединения прежних форм» [6, с. 7], а снижение потребности и, соответственно, конкуренции за традиционные ограниченные ресурсы при использовании безграничного и доступного знания способствует преодолению социальных конфликтов. Автор подчеркивает: «В результате относительно сокращения ресурсоемкости производства с ростом его знаниеемкости повышается эффективность и снижается затратность производства... Одновременно происходит переключение вектора потребностей со средств жизнеобеспечения на потребности, связанные с развитием личности» [6, с. 14].

Сторонники неоиндустриализации убеждены в ключевой роли регулирующей функции государства в ее осуществлении. По их мнению, меры государственного регу-

лирования должны быть направлены на стимулирование НИОКР и обеспечение условий для применения инноваций частным бизнесом. А. А. Пороховский (2016) в своей статье отмечает, что модель смешанной экономики, присущая России, должна предполагать оптимальное соотношение рыночного и нерыночного регулирования на государственном, корпоративном и международном уровне. Он пишет: «Теперь государство призвано не только защитить право собственности, свободу конкуренции и выбора, но и права потребителей, а также использовать свои полномочия по защите национальных интересов. Подобный механизм оптимизации интересов, задач и целей не может опираться только на рыночные принципы» [15, с. 100].

5. Роль сферы услуг в воспроизводстве личности и экономики в целом

Несмотря на объективную критику концепции постиндустриализма, российские ученые недооценивают позитивную роль большинства отраслей сферы услуг в воспроизводстве экономики, сводя ее лишь к финансовому сектору. Сегодня отрасли сферы услуг настолько разнообразны, что отождествление их лишь с превратным сектором представляется ошибочным. Именно в отраслях услуг происходит развитие креатосферы.

Со времен классиков политической экономии сфера услуг претерпела большие изменения. Сегодня она включает в себя большой перечень разнообразных персональных, финансовых, правовых, социальных, культурных и государственных услуг, охватывая практически все сферы человеческой жизнедеятельности. Тем не менее, в российской литературе сохраняется некая брезгливость по отношению к слову «услуга», давно уже приобретшее иное значение.

Сфера услуг постепенно заняла важное место в современной экономике, в которой произошло смещение акцентов от машины к человеку, его творческому потенциалу и знаниям, которые он способен генерировать, ставшие основой развития науки и инноваций. Информационные технологии увеличили значимость образования и, тем самым, способствовали повышению качества рабочей силы, увеличению числа квалифицированных кадров, что, безусловно, положительно сказывается, в том числе, и на производственном процессе и на благосостоянии общества в целом.

Воздействие сферы услуг находит отражение как в повышении качества жизни, более полном удовлетворении потребительского спроса, духовном и интеллектуальном развитии личности, способствуя не только количественному, но и качественному воспроизводству творческой личности, так и в повышении эффективности производственных процессов, способствуя развитию сферы материального производства, тем самым, участвуя в процессе воспроизводства экономики. Соответственно, воспроизводственная роль разных отраслей сферы услуг различна. В современной экономике наибольшее значение имеют образовательные и медицинские услуги, непосредственно воспроизводящие рабочую силу. А профессиональные и деловые услуги повышают эффективность материального производства.

К. Маркс подчеркивал, что услуги, способствующие воспроизводству рабочей силы, имеют большое значение, так как они «дают взамен себя «пригодный для продажи товар и т. д.», а именно самую рабочую силу, в издержки производства или воспроизводства которой эти услуги входят» [14].

С. Д. Бодрунов (2016), рассуждая о значимости знаниеемких отраслей, тем не менее, не отождествляет их с отраслями сферы услуг. Он пишет: «...доминирующее положение постепенно займут отрасли, образующие целостный комплекс, создающие

знаниеемкий продукт: отрасли, в которых производится данный продукт, и те, где создается само знание и формируется человек, способный овладеть этим знанием и применить его в материальном производстве» [5, с. 12]. Такими отраслями, согласно Бодрунову, являются высокотехнологичное материальное производство, наука, образование и культура.

Безусловно, как уже подчеркивалось выше, сфера материального производства имеет базовое положение по отношению к сектору услуг, однако в долгосрочной перспективе взаимосвязь и взаимозависимость двух секторов будет только усиливаться, эффективность функционирования производства во многом будет зависеть от развитости сферы услуг, ведь дальнейшее внедрение инновационных технологий невозможно без качественных научных и профессиональных кадров, которые создаются ее знаниеемкими отраслями.

6. Технологическая сингулярность, роботизация и будущее сферы услуг

Некоторые эксперты, будучи приверженцами идеи «технологической сингулярности» и трансгуманизма, в частности В. Виндж и Р. Курцвейл, прогнозируют полное замещение человеческого труда машиной в производственной сфере примерно через 30 лет (в 2030–2045 г.) [32, 43]. Такие выводы делаются ими на основе последних тенденций компьютеризации и роботизации, происходящих в различных отраслях. Технологическая сингулярность возникает в результате сильного ускорения технологических изменений, в основном базирующихся на нанотехнологиях. Согласно мнению футурологов, мощность компьютера достигнет уровня человеческого мозга и положит начало возникновению пост- или сверхчеловека. Фантасты прогнозируют ряд различных событий, от таких ожидаемых, как развитие биотехнологий, наномашин, появление автономных электромобилей, развитие 3D-печати и т.д. до совсем фантастических, таких как появление к 2038 г. людей-роботов, оснащенных различными дополнительными имплантатами (например, глаза-камеры, дополнительные конечности), внедрение наномашин в мозг к 2039 г., достижение бессмертия к 2042 г. и преобладание небиологического интеллекта к 2044 г. [4, 32, 43].

Аналитики Bank of America Merrill Lynch прогнозируют, что с учетом роста продаж роботехники в 2014 г. до 29%, к 2025 г. роботы смогут заменить выполнение примерно около 45% производственных задач [41]. По оценкам экспертов, применение роботов к 2025 г. повлечет за собой повышение производительности труда примерно до 30% и снижение затрат на труд до 18% [31, р. 16].

В настоящее время ведутся обширные дискуссии относительно воздействия роботизации на экономическое развитие. Некоторые эксперты рассматривают происходящие тенденции в позитивистском ключе (К. Шваб) [42], другие акцентируют внимание на негативных последствиях ускорения технологий для рынка труда (Э. Бриньольфссон, Э. Макафи) [26].

Экономисты Э. Ф. Баффи, Л.-Ф. Занна и заместитель директора Института профессионального и организационного развития МВФ Э. Берг, анализируя негативные последствия технологического ускорения, отмечают, что снижение зарплат неквалифицированных работников приводит к тому, что в выигрыше остаются лишь собственники капитала и квалифицированные работники, труд которых крайне сложно заменить роботами. В связи с этим авторы видят выход в получении образования и переобучении для развития творческого потенциала и приобретения таких навыков, которые будут дополнять, а не заменяться роботами [2, с. 13].

С нашей точки зрения, развитие технологий и использование роботов должно иметь границы и применяться лишь в целях повышения эффективности в отраслях промышленности и высокотехнологичных услуг. Внедрение же технологий в личную жизнь человека может стать опасной игрой на выживание. Такие возможности как установка имплантатов и чипов в мозг человека позволят определенным влиятельным группам полностью контролировать и удаленно отслеживать все действия и даже мысли человека, что даст возможность использовать полученные данные в коммерческих, политических и даже военных целях. А замена биологического интеллекта компьютером может стать угрозой для существования человечества, огромные массы людей станут просто невостребованными, ведь для создания и поддержания обладающих сознанием самопрограммируемых роботов нет необходимости в таком количестве людей.

На данном этапе достаточно сложно давать какие-либо оценки степени реальности идей и прогнозов трансгуманистов и футурологов, в силу того, что научно концепция технологической сингулярности однозначно не подтверждена и не опровергнута, хотя и осуществляются некоторые попытки. Однако если отбросить фантастические предсказания, то очевидно, что заменить человеческий труд в сфере услуг невозможно на сто процентов. Искусственный интеллект сможет с легкостью вытеснить физический и рутинный умственный труд, но ему не подвластен человеческий разум, который будучи его создателем, полностью им управляет. Это означает, что знаниеемкие отрасли сферы услуг останутся наиболее перспективными и практически единственными сферами приложения человеческого труда, будучи источником экономического прогресса еще достаточно длительный период времени.

7. Общие выводы

Были рассмотрены различные концепции, описывающие современное общество. Все они исходят из рассмотрения возросшей роли науки и знания как источников экономического прогресса. Знание становится новым фактором производительности и новым экономическим ресурсом, рождаясь в наукоемких отраслях сферы услуг, способствующих повышению эффективности производства, воспроизводству рабочей силы и творческой личности, повышению качества жизни общества, более полному интеллектуальному и духовному развитию людей.

Ускорение технологического развития одновременно создает угрозы для занятости, но и открывает новые перспективы. Высокотехнологичные отрасли сферы услуг позволяют специалистам, занятым в них, получать больше выгод, а в случае полной замены физического труда в промышленности роботами, останутся наиболее перспективными и высокодоходными сферами занятости.

Список литературы

1. *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
2. *Берг, Э.* Роботы, экономический рост и неравенство / Э. Берг, Э. Ф. Баффи, Л.-Ф. Занна // Финансы и развитие. – 2016. – № 3 (53). – С. 10–13.
3. *Бжезинский, З.* Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники / З. Бжезинский; пер. с англ. И. М. Максимовой. – М.: Прогресс, 1972. – 308 с.
4. *Биргер, П.* Все идет по плану: что нужно знать из прогнозов Рэя Курцвейла 2019–2099 / П. Биргер. URL: <https://republic.ru/biz/1213655/>

5. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2016. – №2(48). – С. 5–14.
6. Бодрунов, С. Д. О некоторых вопросах эволюции экономико-социального устройства индустриального общества новой генерации / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2016. – №3(49). – С. 5–16.
7. Бодрунов, С. Д. Сфера слуг и материальное производство: проблемы соотношения в современной экономике / С. Д. Бодрунов, А. И. Колганов // Экономическое возрождение России. – 2016. – №1(47). – С. 9–29.
8. Бузгалин, А. В. Постиндустриальное общество – тупиковая ветвь социального развития? (Критика практики тотальной гегемонии капитала и теорий постиндустриализма) / А. В. Бузгалин // Вопросы философии. – 2002. – №5. – С. 26–43.
9. Губанов, С. С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С. С. Губанов // Экономист. – 2008. – №9. – С. 3–27.
10. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт; пер. с англ. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзиткнига»; СПб.: Terra Fantastica, 2004. – 602 с.
11. Дайзард, У. Наступление информационного века / У. Дайзард // Новая технократическая волна на Западе: сб. статей / отв. ред. П. С. Гуревич. – М.: Прогресс, 1986. – С. 343–355.
12. Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов / В. Л. Иноземцев. – М.: Логос, 2000. – 304 с.
13. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. / под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
14. Маркс, К. Теории о производительном и непроизводительном труде // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т. 26. Ч. 1. – С. 149.
15. Пороховский, А. А. За и против «рыночной колеи» России в XXI веке / А. А. Пороховский // Экономическое возрождение России. – 2016. – №2(48). – С. 98–102.
16. Портер, М. Революция в производстве. «Умные» технологии перекраивают компании / М. Портер, Дж. Хаппелманн // Harvard Business Review – Russia. – 2015. – 11. – С. 84.
17. Ростоу, В. В. Стадии экономического роста / В. В. Ростоу; пер. с англ. В.П. Марченко. – Нью-Йорк: Изд-во Фредерик А. Прегер, 1961. – 239 с.
18. Ростоу, Уолт. У. Политика и стадии роста / Уолт. У. Ростоу; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1973. – 204 с.
19. Сакайя, Т. Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего / Т. Сакайя // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 337–371.
20. Стоуньер, Т. Информационное богатство. Профиль постиндустриальной экономики / Т. Стоуньер // Новая технократическая волна на Западе: сб. статей / отв. ред. П. С. Гуревич. – М.: Прогресс, 1986. – С. 392–409.
21. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова [и др.]. – М.: АСТ, 2009. – 795 с.
22. Турен, А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества / А. Турен // Новая технократическая волна на Западе: сб. статей / отв. ред. П. С. Гуревич. – М.: Прогресс, 1986. – С. 410–430.
23. Услуги в современной экономике / отв. ред. Л. С. Демидова, В. Б. Кондратьев. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 342 с.
24. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер; пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной; под ред. Е. Л. Варгановой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

25. Постиндустриализм. Опыт критического анализа / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян [и др.]. – М.: Научный эксперт, 2012. – 288 с.
26. *Brynjolfsson, E.* Race Against The Machine: How the Digital Revolution is Accelerating Innovation, Driving Productivity, and Irreversibly Transforming Employment and the Economy / E. Brynjolfsson, A. McAfee. – MIT: MIT Center of digital business, 2012. URL: http://ebusiness.mit.edu/research/Briefs/Brynjolfsson_McAfee_Race_Against_the_Machine.pdf
27. Bureau of Labor Statistics /The Employment Situation. – 2015. – Dec. URL: https://www.bls.gov/news.release/archives/empsit_01082016.pdf
28. *Clark, C.* The Conditions of Economic Progress / C. Clark. – 3rd ed. – L.: MacMillan&Co Ltd, 1957. – 720 p.
29. *Drucker, P.* The new society. The Anatomy of Industrial Order / P. Drucker. – NY: Harper and Brothers, 1950. – 362 p.
30. *Fisher, A. G. B.* Production, primary, secondary and tertiary / A. G. B. Fisher //Economic Record 15.1. – 1939. – P. 24–38.
31. Inside OPS. Are your operations ready for a digital revolution? Boston Consulting Group. – 2016. – July.
32. *Kurzweil, R.* The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology / R. Kurzweil. – New York: Viking, 2005. – 652 p.
33. *Masuda, Y.* The Information Society as Post-Industrial Society / Y. Masuda. – Washington, D.C.: World Future Society, 1981. – 171 p.
34. OECD iLibrary. URL: <https://data.oecd.org/emp/employment-by-activity.htm#indicator-chart>
35. OECD Statistics/Labour Force Statistics. URL: <http://stats.oecd.org/>
36. OECD Statistics/National Accounts. URL: <http://stats.oecd.org/>
37. OECD Statistics/Science, Technology and Patents. URL: <http://stats.oecd.org/>
38. OECD STI Scoreboard, 2015. – P. 57. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/888933273253>
39. *Porat, M. U.* Communication Policy in an Information Society. In Communications for Tomorrow / M. U. Porat. – NY: G.O. Robinson, ed. Praeger, 1978. – P. 3–60.
40. *Porat, M. U.* The Information Economy: Sources and Methods for Measuring the Primary Information Sector (Detailed Industry Reports); OT Special Publication, US Department of Commerce, Office of Telecommunications. – Washington, DC, 1977. – May. – Vol. 2. – P. 12–77.
41. Robot Revolution – Global Robot & AI Primer / Bank of America Merrill Lynch, 2015. URL: https://www.bofam.com/content/dam/boamlimages/documents/PDFs/robotics_and_ai_condensed_primer.pdf
42. *Schwab, K.* The fourth industrial revolution / K. Schwab // Foreign affairs. – 2015. – 12 дек. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution>
43. *Vinge, V.* The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era / V. Vinge; Department of Mathematical Sciences, San Diego State University. – 1993. URL: <http://www-rohan.sdsu.edu/faculty/vinge/misc/singularity.html>
44. World trade Organization. URL: <http://stat.wto.org/CountryProfile/WSDBCountryPFView.aspx?Language=E&Country=E28>

РЕЦЕНЗИИ

*Е. С. Зотова*¹

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Выход двухтомника материалов политико-экономического конгресса, прошедшего 14 мая 2016 г. в Москве, стал большим событием в развитии экономической теории, поскольку политэкономия – наука, имя которой возникло более 400 лет назад, – сейчас обретает второе рождение, и это не случайно. После мирового экономического и финансового кризиса 2007–2009 гг. интерес к классической политической экономии вообще и к марксизму в частности вырос и стал заметным явлением в мировой экономической мысли. Большое внимание было уделено политико-экономическим исследованиям и классике, в первую очередь в России, вновь возник большой спрос на работы А. Смита, Д. Рикардо и, прежде всего, «Капитал» К. Маркса, оказавшийся бестселлером несколько лет назад в странах Западной Европы, США и др. Более того, развитие марксистской политической экономии стало одним из центральных направлений экономической мысли в такой стране, как КНР, экономика которой, как известно, стала второй экономикой мира, если считать ВВП по паритету покупательной способности. Более того, существуют оценки экспертов, подчеркивающих, что Китай практически сравнялся по общему объему ВВП с США, превратившись в одну из двух (а не вторую) сверхдержав мира. В Китае сегодня политическая экономия является одной из важных дисциплин, изучаемых в центральных университетах. Следует подчеркнуть, что во многих из них созданы специальные факультеты марксизма, где читается базовый курс политической экономии, а роль политической экономии «с китайской спецификой» в решении проблем экономической политики широко обсуждается в КНР на научных форумах.

Материалы Второго политэкономического конгресса отличает широкий круг тем, включая собственно политико-экономические разработки, методологические проблемы политической экономии, исследования в области истории экономической мысли, вопросы потенциала политической экономии в решении проблем социально-эконо-

¹ Елена Серафимовна Зотова, ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, канд. экон. наук.

мического развития (с акцентом на слове «развитие», а не просто экономического роста). Важные вопросы, которые освещаются в этом двухтомнике, связаны с политико-экономическим исследованием тех процессов, которые происходят в современной России. Безусловно, политическая экономия является той наукой, которая самым тесным образом связана с экономической политикой. Блок этих двух дисциплин является весьма значимым для решения проблем модернизации и реиндустриализации России. В двухтомнике также рассматриваются вопросы, связанные с ролью государства в современной рыночной экономике, с финансовыми аспектами проблем экономического развития, причем в данном случае дается политико-экономическая трактовка экономической сферы как сферы действия финансового капитала, а не просто неких абстрактных институтов, приводятся целый ряд других интересных решений, к чему мы еще вернемся далее.

Своеобразным в рамках конгресса явился несколько необычный для нашей системы круг вопросов, связанный с развитием экономики солидарности.

Традиционно большое внимание политэкономами уделялось аграрному вопросу, что также нашло отражение в этой публикации. Естественно, политэкономы не могли обойти своим вниманием и вопросы глобализации, ибо воздействие этого процесса на экономику является одним из ключевых.

Специально подчеркнем, что этот конгресс был более чем представительным: в нем приняли участие более 500 человек. Он был организован Международной политэкономической ассоциацией стран СНГ и Балтии, которая тесно взаимодействует с целым рядом организаций – Международной инициативой продвижения политэкономии, Всемирной политико-экономической ассоциацией, рядом национальных политико-экономических ассоциаций, включая Французскую политико-экономическую ассоциацию, Ассоциацию экономической теории США и др.

На конгресс приехали зарубежные ученые не только из стран постсоветского пространства, но и Западной Европы, Китая, других государств.

Кроме Международной политэкономической ассоциации организаторами конгресса стали Институт нового индустриального развития имени С. Ю. Витте и Вольное экономическое общество России (Московское областное отделение), а также ряд семинаров конгресса организовали Фонд Ф. Эберта и Московский финансово-юридический университет.

Возвращаясь к конкретным вопросам, которые рассматриваются в этом двухтомнике, следует прежде всего обратить внимание на то, что политическая экономия – это наука не только светоносная, но и плодоносная. Деление на эти два разряда принадлежит, как известно, М.В. Ломоносову, который писал, что всякая наука несет в себе и потенциал развития фундаментальных знаний, теории – и в этом смысле она несет в себе свет, но есть наука и в другом измерении – как нечто плодоносное, то, что дает свои результаты для реальной жизни. И это соединение политэкономии как светоносной науки и науки, дающей плоды для экономического развития, было одним из центральных направлений и одной из главных тем политэкономического конгресса. Не случайно прозвучавший на пленарном заседании и открывающий сборник доклад профессора С. Д. Бодрунова специально посвящен политико-экономическому подходу к обновлению российской экономической системы. В рамках этого доклада подчеркнуто, что именно материальное производство, т. е. та сфера, которая специально изучается именно классической политэкономией, должна и может лежать в основе возрождения российской экономики. Явная и неявная критика приоритетов, связанных с развитием сфер, вызывающих деиндустриализацию в России, критика процессов индустриализа-

ции, которая содержится в этом докладе, критический взгляд на тенденции рыночного фундаментализма – все это служит не просто предпосылкой, но и основой для того, чтобы показать возможные альтернативы. Политико-экономический подход в определении таких альтернатив оказывается прямо связан с изучением производственных отношений в сфере материального производства, и в данном случае это не тавтология, а акцент. Возрождение собственного материального производства, и прежде всего индустрии – современной высокотехнологичной индустрии в единстве с такими сферами, как образование, наука и культура, – это ключевой тезис доклада, и он стал своего рода лейтмотивом многих материалов, публикуемых в данном двухтомнике.

Своеобразным контрапунктом к этому докладу является материал профессора А. В. Бузгалина, одного из координаторов Международной политэкономической ассоциации, который показал в своем докладе роль политической экономии в развитии образования, в формировании фундаментально подготовленного, всесторонне развитого ученого-экономиста – экономиста, который на практике подходит к решению проблем с учетом широкого спектра вопросов не просто экономической теории, но и вопросов, лежащих на стыке различных дисциплин, в том числе и неэкономических.

Эта линия была продолжена и в докладе другого координатора Международной политэкономической ассоциации – профессора В. Т. Рязанова, который показал аналитические возможности политической экономии в исследовании проблемы кризисов, их преодоления. Причем в докладе профессора Рязанова вопросы мирового кризиса и тех трудностей, которые мы наблюдаем в процессе развития России, оказались прямо сопряжены и опять же связаны с необходимостью общественно-государственного регулирования рыночной экономики как одного из важнейших средств приоритетного развития материального производства.

Продолжая линию контрапунктов практической – плодотворной – и теоретической – светоносной – науки, следует отметить, что в публикуемом в первом томе докладе заведующего кафедрой политической экономии МГУ им. М. В. Ломоносова профессора А. А. Пороховского специально подчеркнута роль политэкономии в развитии человека, его творческого потенциала, и обратная связь – статус политэкономии как отражение экономического и творческого потенциала человечества. Такая значимая, амбициозная постановка вопроса всесторонне обосновывается в представленном материале, поскольку политэкономические знания интегрируют достижения и философии (в том числе социальной философии), и политологии, и социологии, и конкретных социологических исследований, и технологических дисциплин, и математики, и многого другого. Более того, обращаясь к вопросам материально-технической базы и экономического развития – того, из-за чего политэкономия получила название науки о производительных силах, мы неминуемо вторгаемся в сферу естественных наук, ну а культурное наследие является одним из важнейших слагаемых политической экономии, о чем известно еще с XIX в.

В докладе профессора О. Ю. Мамедова, также являющегося координатором Международной политэкономической ассоциации, была подчеркнута необходимость возрождения политической экономики и трудовой теории стоимости, поскольку именно такой взгляд может послужить важным средством решения многих проблем современного социально-экономического развития. Очень важным является тезис профессора Мамедова о необходимости изучения общества методами политической экономии и освоения ее студентами. Более того, политэкономия позволяет показать ту специфику России, которая нужна и гражданину нашей страны, и тому, кого профессор Мамедов

назвал «иностранными читателями». Говоря о программе ближайших действий, профессор Мамедов сконцентрировался на необходимости добиваться возвращения изучения политэкономии в вузовскую аудиторию, на необходимости популяризации политэкономии как науки и реализации методологии политэкономии. Особо он выделил деятельность по продвижению политэкономии в сфере средств массовой информации, высказал предложение организовать школу молодых политэкономов и проводить специальные семинары по политэкономии для руководителей университетов.

Продолжая размышления над основными докладами, сделанными на конгрессе и опубликованными в первом томе материалов конференции, отметим, что в работе профессоров Н. В. Ведины и Н. Ф. Газизулина подчеркивается, что политэкономия может стать и становится важнейшим научно-образовательным слагаемым для формирования единого европейского экономического пространства. Более того, с их точки зрения, политэкономия является важным компонентом исследования евразийской цивилизации.

В конгрессе приняли участие и руководители кафедр экономической теории других стран. В частности, профессор П. С. Лемещенко, представитель Белоруссии, говорил о политэкономии институциональных изменений и о том, как могут быть применены эти исследования для решения вопросов переходного периода, характеризующего жизнедеятельность хозяйства не только нашей страны, но и других экономик постсоветского пространства.

Возвращаясь к проблемам методологии политэкономии, хотелось бы специально отметить, что в рамках конгресса прозвучал целый ряд тезисов, которые сегодня едва ли не забыты, но которые принципиально важны. Так, профессор С. Н. Мареев, политэконом и социальный философ, показал роль конкретного историзма, исторического логического подхода к осуществлению современных экономических исследований, дав на этой основе содержательную позитивную критику тех механизмов, которые присущи современной экономической теории.

Связь политической экономии с историческим наследием не случайна, как показала в своем докладе по поводу завершения публикации экономического наследия К. Маркса в издании МЭГА Л. Л. Васина. Она остановилась на необходимости более внимательного отношения к историко-экономическим исследованиям и, в частности, возрождения анализа историко-экономической мысли.

К этому примыкает круг проблем, касающихся взаимодействия экономики с такими сферами, как воссоздание адекватной для прогресса человека природной среды, и политико-экономический дискурс для решения проблем экологии, который был представлен в докладе профессора С. Н. Бобылева.

О взаимодействии экономики культуры и рынка, в частности, в связи с проблемой коммерциализации культуры и превращения ее в ту сферу, где работа на продажу и продажа вдохновения вытесняют собственно человеческие приоритеты и ставят с ног на голову связь экономики и человека, ибо в действительности экономика есть основа для человеческого прогресса, а не человек – средство для решения узкоэкономических проблем, говорится в докладе профессора Л. А. Булавки-Бузгалиной.

Целый ряд других вопросов, связанных с включением экономических исследований в широкий контекст других социальных процессов, был представлен на секциях и семинарах конгресса.

Возвращаясь к более конкретным проблемам, которые рассматриваются в рамках второго тома рецензируемого издания, необходимо подчеркнуть, что политэкономический взгляд на преобразование национальных экономик прозвучал в ряде докла-

дов. В частности, это касается докладов, связанных с возрождением национальных экономик стран постсоветского пространства. Это относится к анализу собственно российской экономики, где стратегические задачи обеспечения приоритетного развития современного высокотехнологического производства были поставлены в контекст исследований производственных отношений России, что, в частности, характерно для материала профессора Р. Т. Зяблюк, показавшей политико-экономические основы анализа российской экономики. Существенно, что многие тезисы, казавшиеся устаревшими, вновь стали актуальны в связи с развитием российской экономической системы при помощи использования политэкономического анализа.

К таким темам относятся вопросы социального неравенства и его экономических основ – вновь была поднята проблема эксплуатации человека труда, вызвавшая немалые дискуссии и обсуждавшаяся в том числе в материалах конгресса.

Весьма широко рассматривался вопрос об экономическом статусе, а не просто о величине и роли государства. Старое представление о том, что государство – сугубо надстроечный механизм и является одним из институтов экономической системы, включенных в различные производственные отношения, широко обсуждалось на конгрессе, и эта дискуссия также представлена в материалах сборника.

Специально хотелось бы подчеркнуть, что целый ряд материалов конгресса посвящен вопросам новой индустриализации, и в этой связи обратим внимание на продолжение идеи, представленной в начале доклада профессора С. Д. Бодрунова, в материалах профессора Д. Б. Эпштейна и многих других участников, в которых вопрос о новой индустриализации специально подчеркнут. Была показана связь реиндустриализации с использованием российских недр (В. В. Букреев, Э. Н. Рудык), с важностью обеспечения идейной составляющей российской модернизации (Л. Н. Даниленко). Ориентация индустриализации на решение задач приоритетного развития социального государства в России раскрывается в материалах С. А. Долматовой. Целый ряд других докладов специально посвящен интерактиву новой индустриальной политики, использованию различных технологических конкретных приоритетов, важности отражения роли наемных работников при проведении реиндустриализации (в частности, доклад В. Д. Руднева).

Хотелось бы отметить, что в докладе профессора Г. Н. Цаголова подчеркнуто, что российским императивом является переход от бюрократическо-олигархического капитализма к интегральному обществу, соединяющему достижения как капитализма, так и социализма. Обращаясь к опыту Китая и ряда других систем, профессор Цаголов показал, что такая модель, соединяющая начала плана и рынка, начала частной и государственной собственности, использующая критически и творчески опыт Китая и других стран БРИКС, станет важным ключом к реиндустриализации.

Что касается экономики солидарности, о которой мы говорили ранее, то в блоке, посвященном этому вопросу, прежде всего стоит отметить доклад профессора В. И. Кошкина, который раскрыл политико-экономические основы экономики солидарности. В ряде других докладов были освещены финансовые аспекты развития экономики солидарности, психологические, этические, правовые ресурсы, идеология политической философии солидаризма (доклад А. Н. Окары), конкретные вопросы экономики солидарности, в том числе вопросы налоговой системы (доклад А. К. Афанасенко), аспекты, относящиеся к реформе отношений собственности с целью формирования отношений экономики солидарности (доклад К. Н. Ермолаева и В. И. Кошкина), влияние государства на эти процессы (доклад А. С. Исаевой) и ряд других.

Хотелось бы также подчеркнуть, что важным слагаемым политэкономического конгресса и важным блоком в сборнике материалов является освещение аграрного вопроса – он традиционно был и остается одним из ключевых в экономических исследованиях. И здесь доклад профессора Р. С. Гайсина показал, как марксистская теория стоимости и ценопроизводства позволяет проанализировать проблемы межотраслевого диспаритета цен – этот вопрос был поставлен в более широкий контекст политэкономических исследований современной аграрной экономики.

Естественным продолжением этого стали материалы, посвященные проблемам аграрной политики, ее роли в обеспечении продовольственной безопасности страны, а также вопросам земельной собственности, исследованию специфики ее форм в сфере аграрных отношений, теоретическим аспектам формирования главных кластеров – инвестиций в сельское хозяйство и целому ряду других. И каждый из них опирался на современный политико-экономический анализ аграрных отношений.

Наконец, хотелось бы специально подчеркнуть выделение пространственного аспекта политэкономических исследований. Этот аспект ранее редко рассматривался в работах политэкономов. И особенностью для современных результатов исследований начала этого столетия является повышенное к ним внимание. Это не просто вопросы безопасности, национальной специфики, цивилизационных особенностей, о чем говорилось в ряде докладов на конгрессе. Это еще и вопрос о национально-государственных интересах России в условиях глобальной конкуренции. Политэкономическое освещение этого аспекта прозвучало, в частности, в докладе профессора С. С. Слепакова, отраженном в материалах сборника и в целом ряде других.

Наконец, в качестве постскриптума хотелось бы специально отметить, что эти материалы вышли немалым тиражом, представлены в интернете и стали важным слагаемым в подготовке нового – третьего – политэкономического конгресса, который совсем недавно состоялся в городе Ростове-на-Дону, собрав более двухсот участников (его материалы должны выйти в скором времени, и мы надеемся в недалеком будущем осветить результаты этого мероприятия).

Анализируя материалы конгресса и тексты, опубликованные в этом двухтомнике, надо, однако, признать, что эти работы оказались несколько оторванными от многих особенностей российской системы, связанных с историко-культурными трендами и цивилизационными различиями.

Мы отмечали, что некоторые тексты затрагивают данные вопросы, но очень узко представлены в материалах конгресса. Между тем в рамках такой школы, как школа философия хозяйства, в частности, в работах профессора Ю. М. Осипова, в монографиях, вышедших под его редакцией, и на страницах журнала «Философия хозяйства» на протяжении не одного десятилетия освещаются эти блоки проблем. Учет специфики российской цивилизации, учет имперских традиций и опыта России, учет сложных контрапунктов истории нашего Отечества позволили бы точнее и полнее взглянуть на проблемы не только российской экономики, но и на многие теоретические аспекты политической экономии. Вообще следует подчеркнуть, что явной недоработкой российских политэкономов (в широком смысле слова) и их зарубежных коллег является недостаточное внимание к философско-хозяйственным вопросам, вопросам духовной сферы и ее влияния на экономические процессы.

Дальнейший диалог возрождаемой школы политической экономии и школы философии хозяйства, на наш взгляд, был бы чрезвычайно плодотворен, и мы надеемся, что в дальнейшем состоится открытая дискуссия школ, которая явно назрела, и ее мате-

риалы будут также представлены в материалах следующего конгресса. При том, что между этими школами есть существенные различия в методологии, теории и некоторых практических рекомендациях, следует подчеркнуть, что они во многих положениях солидарны: сторонники и той и другой критически относятся к политике рыночного фундаментализма и западнически ориентированному односторонне абсолютизированному либерализму, подчеркивают необходимость общественно-государственного регулирования экономики, важность традиции солидарности, реализации не только частных, но и национальных интересов. Все это могло бы стать – и мы уверены, станет – платформой для общего конструктивного диалога этих школ.

В. Т. Рязанов¹

НЕОИНДУСТРИАЛИЗМ И СТРАТЕГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

О книге: Бодрунов С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е., испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте. 2016. 328 с.

Книга профессора С. Д. Бодрунова – президента Вольного экономического общества России и директора Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте – может быть отнесена к числу работ, нацеленных на осмысление современного состояния экономики России как основы для обоснования стратегической повестки для будущего ее развития. Не случайно в названии книги ключевыми являются слова – «грядущее» и «перезагрузка». Предварительно отметим, что для настоящего времени принципиальная важность выдвижения стратегических установок, определяющих перспективные цели развития, обусловлена обострением геополитического взаимодействия и конкуренции в мире, появлением новых вызовов и угроз. Все это приводит к неустойчивости и хаотичности процессов в хозяйственной и социально-политических сферах жизни общества, осложняя возможности прогнозирования грядущих изменений.

Новизна возникшей ситуации в мире должна быть дополнена вхождением в очередной выборный цикл в нашей стране, как и в ряде других ведущих стран мира, что усиливает потребность в поиске путей успешного решения назревших задач. Если к этому прибавить незавершенность перестроения хозяйственной системы, которая оказалась подверженной глубокому кризису, ослаблена внутренними противоречиями и ограничениями, то еще более актуальным становится выработка системного видения целевых установок будущего развития страны.

Обращаясь к книге С. Д. Бодрунова, отметим, что первый круг проблем, обсуждаемых в ней, посвящен критическому разбору теории и практики постиндустриального общества как некоего эталонного макета «новой экономики», который представлялся как альтернатива «старой» индустриальной экономики. Его предваряет рассмотрение характера взаимодействия материального производства с производством услуг. В качестве исходной предпосылки С. Д. Бодруновым выдвигается и обосновывается важное и перспективное положение о действии общей тенденции в развитии общественного производства, которая характеризуется существенным снижением роли природного вещества в создаваемом продукте и возрастанием в нем «техносферы» – более сложных орудий труда и знаний (с. 10).

¹ *Виктор Тимофеевич Рязанов*, профессор, зав. кафедрой экономической теории экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, д-р экон. наук.

В развитии данного положения автором раскрывается идея «индустриального способа производства продукта». В марксистской политэкономии само понятие способа производства трактуется в контексте единства производительных сил с соответствующими им производственными отношениями. С. Д. Бодрунов предлагает и аргументирует отличающийся подход. У него способ производства продукта характеризуется особенностями трудовой деятельности, используемыми технологиями и организацией производства (с. 10–19). При этом важнейшим параметром, определяющим разные исторические ступени в его развитии, выступает характер знаний, воплощенных в продукте. То, что «знаниеемкость» действительно играет чрезвычайно важную роль в способе производства, особенно на современном этапе, – тезис, безусловно, заслуживающий поддержки. При этом остается неясным, исключает или нет автор из содержания понятия «способ производства» экономические (производственные) отношения между агентами производства. То же относится к вопросу о его позиции в отношении таких категорий, как капиталистический или феодальный способы производства и т. п. Остается открытым вопрос, считает ли автор, как и большинство современных эконом-теоретиков, классическую трактовку понятия «способ производства» устаревшей? Во всяком случае, такого рода разъяснения хотелось бы получить.

Сама целесообразность выдвижения категории индустриального способа производства автором обоснованно мотивируется тем, что история развития общественного производства породила всего лишь два его варианта: доиндустриальный (может быть, лучше – аграрный) и индустриальный, формирование которого началось в XVII–XVIII веках. Соответственно делается вывод о том, что иных способов производства пока не наблюдается (с. 13). Правда, отмечается возможность их зарождения, которое связано с появлением биотехнологий как определенной разновидности немашинных технологий, хотя здесь, как справедливо отмечает сам автор, далеко не все однозначно.

Если теперь обратиться к вопросу о критике автором книги конструкции постиндустриального общества, которая ее адептами выдвигается как новая стадия, приходящая на смену индустриализму, то при таком подходе признаками перехода служат данные о существенном возрастании роли сферы услуг в производстве ВВП и в структуре занятости работников. С. Д. Бодрунов приводит веские контраргументы, подтвержденные эмпирическими данными и содержательными характеристиками, указывающими на ошибочность постиндустриальной концепции. Ведь рост занятости в сфере услуг «говорит о том, что производительность труда в промышленности растет быстрее, чем в большинстве секторов сферы услуг» (с. 34). К тому же, действительные изменения в структуре занятости фактически отражают перемены, происходящие в структуре совокупного работника, что подтверждается сохраняющимся и усиливающимся взаимопроникновением производства услуг в производстве материальных продуктов. Отсюда следует вывод о спорности самого традиционного разделения народного хозяйства на отрасли сферы услуг и отрасли материального производства (с. 26).

Если данное утверждение представляется столь же интересным, сколь и дискуссионным, то другой вывод заслуживает поддержки. Речь идет об обоснованности более точной структуризации сферы услуг. В свое время Д. Беллом была предложена пятисекторальная модель сферы услуг, в которой, в частности, в качестве «четвертичного» сектора выделялась финансовая сфера. Автором рецензируемой монографии поддерживается и развивается такой подход, что особенно важно с точки зрения действия тенденции финансовализации экономики, которая в значительной степени повлияла на формирование современного облика капиталистической экономики.

Ключевой и наиболее интересной, на наш взгляд, стала сформулированная С. Д. Бодруновым гипотеза о вызревании потребности перехода к новой генерации индустриального общества, которое им обозначается как «новое индустриальное общество второго поколения (сокращенно – НИО.2)» (с. 45). Ее выдвижение объясняется своеобразной реактуализацией идей Дж. К. Гэлбрейта, изложенных в самой его известной книге – «Новое индустриальное общество». Опубликованная 50 лет назад (в 1967 г.), она привлекла большое внимание в экономической науке как в западных странах, так и в СССР, где спустя два года была переведена на русский язык и издана в 1969 г.

Почему полезно обращение к идеям неоиндустриализма Гэлбрейта, что они дают для понимания современного состояния экономики и ее будущих перспектив?

С. Д. Бодрунов дает развернутые ответы на поставленный вопрос. Прежде всего, подчеркивает он, обращение к теории нового индустриального общества потребовалось для дополнительной аргументации критической оценки как теории постиндустриализма в разных версиях, так и практики ее реализации в хозяйственной сфере. Анализируя произошедшие изменения в структуре и организации хозяйственной деятельности, автор обоснованно пишет, что они в главном были нацелены на попытку перехода к информационно-сетевой организации производства, в которой обособленные владельцы персональными компьютерами, назначенные представителями «креативного класса», либо занимаются производством электронных игрушек для «продвинутых» пользователей, либо обслуживают и продвигают их потребителям. «Главное – суметь превратить любую виртуальность в реальные деньги» (с. 127) – таким получился реальный итог постиндустриального разворота хозяйственной деятельности. Его дополняющими результатами стали финансиализация экономики, перенесение производственных мощностей в страны Юга и развертывание процесса деиндустриализации стран Севера.

Суммируя названные выше положения, С. Д. Бодрунов задает вполне справедливый вопрос: а какое отношение к этим процессам имеет Дж. К. Гэлбрейт с его теорией нового индустриального общества?

Дело в том, продолжает автор рецензируемой книги, что существенные изменения в структуре и организации хозяйственной деятельности в ведущих капиталистических странах уже начались в середине XX века и американский экономист предложил свою собственную оценку, так же, как попытался спрогнозировать будущий экономический строй на основе дальнейшего развития зрелого индустриализма. Такие изменения, как выдвижение на авангардные позиции в экономике корпораций, переход от свободной конкуренции к регулированию и планированию, формирование нового правящего класса – «техноструктуры», т. е. всех тех, кто владеет необходимыми специальными знаниями, и т. д. – все это было обозначено как такие перемены, которые должны были привести к преобразованию классического капиталистического хозяйствования свободной конкуренции в систему смешанного типа, сочетающую планово-регулируемые рычаги с рыночными методами. Собственно такой возможный контур будущего развития опирался на идею конвергенции двух общественно-экономических систем, базирующихся на схожем индустриальном способе производства.

О том, почему такой вариант развития не осуществился, требует специального исследования. Во всяком случае, крах мировой системы социализма и распад СССР во многом объясняют отход от него. Тем не менее теория неоиндустриализма имеет значение для определения перспектив трансформации современной экономической системы. Как отмечает С. Д. Бодрунов, сама идея сохранения материального производ-

ства как основы хозяйственной системы соответствует теории неоиндустриализма. При этом формирующееся новое индустриальное общество и экономика XXI века (НИО.2), которая автором раскрывается в логике действия диалектического принципа «отрицание отрицания» (с. 134). Его использование означает диалектическое снятие и позднеиндустриальной системы Дж. К. Гэлбрейта, и информационно-постиндустриальных трендов, представленных в концепциях постиндустриализма. В конечном счете результатом такого отрицания отрицанием становится гипотеза о формировании *нового типа* материального производства, но как по-прежнему ведущего звена в трансформируемой хозяйственной системы (Там же).

В работе приводятся ее признаки, которые в своей совокупности проявляются в переходе к тому, что С. Д. Бодрунов называет «знаниеминтенсивным производством», ориентированным на создание «знаниеемкого материального продукта» (с. 135–138).

Таким образом, теоретически представленная парадигма будущей экономики в дальнейшем конкретизируется в раскрытии стратегических ориентиров индустриального развития с особым акцентом на формирование шестого технологического уклада, в основе которого так называемые NBIC-технологии, представляющие собой конвергенцию нано- и биоинженерии, инфо- и когнитивных технологий. Выдвижение шестого технологического уклада, как показывается в работе, приведет к существенному изменению организации производственной деятельности. В частности, усилится ориентация на индивидуализацию производства с переходом к сетевым принципам организации не только бизнеса, но самого процесса материального производства, что позволит оперативно создавать и изменять конфигурацию взаимодействия участников хозяйственной деятельности.

Интересным представляется суждение С. Д. Бодрунова о перспективах материального производства в случае появления производственного оборудования, работающее на немеханических принципах с использованием акустических волн, электромагнитных полей, потоков элементарных частиц и т. д. Он считает, что их появление приведет не столько к замене машинных немашинными технологиями, сколько к их конвергенции с возникновением гибридных технологий (с. 144).

Нельзя не согласиться и с тем, что для формирующейся новой индустриальной экономики второго поколения характерно возникновение единого комплекса отраслей и сфер деятельности, объединяющего высокотехнологическое производство, науку и образование. При этом подчеркивается, что ведущая роль науки должна реализовываться непосредственно в приложении к материальному производству и в созданном продукте (с. 147). Это важное утверждение, которое определяет главное условие успешности ожидаемых технологических нововведений.

Серьезная проработка теории и практики неоиндустриализма, проведенная в рецензируемой монографии, своей основной целью имеет обоснование необходимости возвращения современной России на индустриальный путь развития. Действие общемировых трендов призвано подтвердить объективность такого разворота российской хозяйственной системы с последующей ориентацией на проведение новой промышленной революции.

Однако не только общеэкономические закономерности предопределяют выбор курса на реализацию стратегии новой индустриализации. Другим не менее важным и практическим основанием являются издержки и потери, которые понесла страна в процессе деиндустриализации экономики, которые особенно разрушительно действовали в 1990-е годы и в полной мере еще не устранены. Поэтому вполне обоснованным явля-

ется обращение к анализу причин и последствий произошедшей деиндустриализации в России. Ведь инерция деиндустриализации все еще не преодолена, так же, как и не устранены ее серьезные издержки.

Хотя феномен деиндустриализации в России и в развитых капиталистических странах исследуется уже давно, следует подчеркнуть, что С. Д. Бодрунов, во-первых, был одним из тех ученых, кто анализировал и критиковал этот тренд задолго до того, как данная тема стала «модной» и все бросились ею заниматься, зачастую, к сожалению, забывая о тех, кто «торил лыжню». Во-вторых, он вносит свой значимый вклад в исследование этого феномена. В частности, он предлагает оценивать данный феномен на основе анализа негативных тенденций в четырех базовых компонентах, которые проявляются в виде сопутствующих последствий, обозначенных как эффекты четырех «Д». Это: дезорганизация процесса производства, деградация применяемых технологий, деквалификация труда, дезинтеграция промышленных структур и связей (с. 57–58).

Приведены и проанализированы в работе соответствующие данные, раскрывающие глубину разрушения производственного потенциала страны, и прежде всего обрушения обрабатывающего комплекса. Это дает основание для утверждения о том, что «нынешняя рецессия – в принципиальном плане – является следствием состоявшейся глубокой деиндустриализации нашей экономики» (с. 79). С этим нельзя не согласиться. Лишь добавим, что «игра в реформы» с непродуманными и непросчитанными результатами, оторванная от содержательных целей развития самой экономики, вполне закономерно оборачивается теми удручающими итогами, которые мы получили в конце 1990-х годов. В условиях же современного этапа геополитического противостояния и введенных санкций в отношении России еще более опасными являются сохраняющиеся последствия деиндустриализма.

Наконец, еще один важный аргумент в обосновании необходимости преодоления реиндустриализации и разворота экономической политики по направлению проведения новой индустриализации в России связан с исчерпанием сложившейся модели экономического роста, строящейся на экспорте энергоносителей и высоких ценах на нефть. Если в развитых капиталистических странах результатом деиндустриализации стал перевод значительной части промышленного потенциала в развивающиеся страны, который был замещен финансиализацией экономики при сохранении контроля за ключевыми инновационными продуктами, то для России ее практический результат выразился в формировании экспортно-сырьевой модели экономического роста. До 2007 г. в условиях рекордно высоких цен на энергоресурсы эта модель обеспечила возможности восстановительного роста. Однако уже после мирового кризиса 2008–2009 гг. данная модель исчерпала свой ресурс. Как справедливо отмечается в книге, вполне приемлемые цены на нефть в 2013–2014 гг. не привели к ускорению экономического роста, а впоследствии завершились новой рецессией.

Приведенные аргументы достаточно весомы для обоснования насущной потребности в выработке курса на неоиндустриализацию и в последовательном его осуществлении. В этой связи автором четко и однозначно формулируется главная цель политики реиндустриализации, которая определяется как «восстановление роли и места промышленности в экономике страны в процессе ее структурной перестройки в качестве базовой компоненты и приоритетное развитие материального производства и реального сектора экономики на основе нового, передового технологического уклада в рамках модернизации России» (с. 160).

Попутно выскажемся по поводу терминологической определенности. Автором нередко используются тождественные такие понятия, как «реиндустриализация» и «новая индустриализация» («неоиндустриализация»). В литературе другими авторами такое отождествление также проводится. При этом С. Д. Бодрунов под реиндустриализацией понимает восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты на основе нового передового технологического уклада (с. 189). Поэтому в работе оно и стало наиболее употребимым.

Безусловно, это близкие понятия, но все же разница между ними имеется. На наш взгляд, реиндустриализация скорее относится к ситуациям, когда речь идет о восстановлении ранее сложившейся производственной структуры или о возвращении производственных мощностей, ранее перенесенных в другие страны, к примеру из США в страны Юга. Что же касается новой индустриализации, то в этом случае речь идет об ее проведении преимущественно на новой технологической основе, о чем собственно и пишет С. Д. Бодрунов, что позитивно отличает его от других ученых, «забывающих» о важности качественного обновления индустрии. Хотя нельзя не признать, что на практике в программе неоиндустриализации применительно к России сочетаются в каких-то случаях восстановление ранее утраченного производства, если оно сохраняет свои конкурентные качества, либо требуется для обеспечения национальной безопасности в ее ключевых зонах. Другой составной частью выступает создание новых и перспективных производств, отвечающих задачам инновационного и высокотехнологичного развития страны.

Предложенная в качестве стратегической цели программа новой индустриализации России в книге подкреплена, с одной стороны, обоснованием конкретных ее направлений и набором соответствующих задач, с другой – разработкой развернутой системы мер, призванной поддержать и обеспечить успешную реализацию данной программы. Не рассматривая подробно все основательно разработанные меры, касающиеся самых разнообразных сфер хозяйственной деятельности (инновационной, финансовой, организационно-управленческой и т.д.), которые требуются для решения задач импортозамещения, диверсификации производства и экспорта, обратим внимание на оправданность использования советского опыта индустриализации и последующего опыта хозяйствования. К сожалению, об этом в литературе редко вспоминают, и напрасно.

В рецензируемой книге приведено немало поучительных примеров из истории советского хозяйственного опыта (с. 226–231). Один из них касается создания ПТУ и заводов-вузов на крупных предприятиях, благодаря которым система подготовки квалифицированных рабочих и инженерных кадров встраивалась в производственную деятельность и одновременно решала задачу обеспечения предприятий необходимыми кадрами. Наверное, в настоящее время было бы разумно широко использовать такой опыт организации подготовки квалифицированных работников, по крайней мере, в госкорпорациях.

Или еще один пример, о котором пишет С. Д. Бодрунов: достаточно успешный опыт создания сети специализированных вузов и НИИ под конкретные масштабные народно-хозяйственные проекты (атомный, космический и т. д.), так же, как и опыт образования научно-производственных объединений. Разве сегодня такой опыт не может быть применен и развит?

В заключение рецензии обратимся к анализу завершающей главы книги под названием «НИО.2 как общественная система», в которой С. Д. Бодрунов сформулировал

свои итоговые размышления о путях развития современного общества. Они отличаются новизной и масштабностью в осмыслении стратегических приоритетов будущего развития, конкретизируя и дополняя предложенную гипотезу о грядущем переходе к новому индустриальному обществу второго поколения. Будучи постановочными по своему характеру, они нацелены на дальнейшее развертывание прогностического измерения происходящих ныне изменений в экономике и обществе. Не все авторские оценки и выводы вызывают согласие, но это не недостаток, а, напротив, достоинство проведенного исследования.

Остановимся на нескольких принципиально важных положениях.

Во-первых, совершенно справедливо обращается внимание на важность учета последствий реализации курса на реиндустриализацию экономики, которые с неизбежностью повлекут крупные изменения в экономических отношениях, институтах, системе общественных интересов, идеологии и т. д. Такого рода перемены как раз и раскрывают логику перехода к НИО.2.

Во-вторых, автором дан обстоятельный критический анализ теории конвергенции, которая и в настоящее время имеет своих сторонников (с. 247–255). В обосновании своей позиции С. Д. Бодрунов приводит соответствующие аргументы. Речь идет о том, что принципиально изменились условия для продолжения процесса сближения двух систем хотя бы из-за того, что исчез СССР. Вместо конвергенции наступил период торжества либерального капитализма. При этом она может иметь перспективы, но не как понимаемое раньше взаимопроникновение элементов капитализма и социализма. Ее возможность коренится в преобразующей роли технологического прогресса, который диалектически отрицает, но и развивает достижения прошлого, «рождая новые экономико-социальные отношения, не сводимые к механической смеси капитализма и социализма, а развивающие достижения и того, и другого так, чтобы оптимальным образом соответствовать требованиям развития знаниеемкого материального производства» (с. 252).

Отсюда следует справедливый вывод о том, что становление будущего будет происходить все же не через конвергенцию, а через «прорастание *единого* нового типа общества сквозь старые» (Там же). Поскольку в основе такого процесса находится общий базис – НТП и качественное переформатирование индустриального способа производства, – постольку «не может быть никаких разных путей», а потому и разных типов общественного устройства. То, что ранее в рамках индустриального способа производства приводило к разным типам общественного устройства (например, к капитализму и социализму) было, обусловлено «недостаточной развитостью» технологий и способа производства продукта. Развертывание технологического прогресса индустриального способа производства, как считает автор, устранил в будущем основания возникновения разных типов общественно-экономического устройства, вместо которых возникает новое индустриальное общество второго поколения.

Таков ход рассуждений, предложенный автором книги о будущих перспективах развития экономической системы. В них присутствует свой резон в рамках предложенной логики исследования, но они вызывают немало вопросов и возражений. Собственно главное сомнение возникает по поводу технологического детерминизма, по сути дела лежащего в основании прогноза будущего устройства экономики. Несмотря на то что в книге содержатся утверждения об его ограниченности, тем не менее в основе грядущего перехода к НИО.2 лежит как раз технологическая революция, снимающая ранее существующие преграды в развитии.

Действительно, ее нынешний вариант обладает значительным созидательным потенциалом, не сравнимым с прошлыми периодами. Но вся проблема в том, в какой системе экономических отношений и экономических интересов она будет осуществляться. Будет ли ее реализация подчинена интересам извлечения прибыли или иным целям? Ведь она уже сегодня в состоянии существенно преобразить производство, но сохраняющееся доминирование финансового капитала и господство финансово-кратии блокируют развертывание новой промышленной революции. Как устранить такое блокирование? Какие социальные силы на это способны? Что собой будет представлять мотивация экономических агентов в процессе ее развертывания?

У автора книги есть ответы на эти вопросы. В своих книгах и статьях он справедливо и обоснованно критикует «рыночный фундаментализм», систематически подчеркивает необходимость активной промышленной политики, государственно-частного партнерства, интеграции производства, науки и образования в крупных комплексах народнохозяйственного значения и т.д. Все эти положения, безусловно заслуживают поддержки, но в данной, как сейчас говорят, «крайней», книге автор недостаточно, на наш взгляд, уделит им внимания. Будем надеяться, что в следующей работе они будут развернуты в полной мере, завершая разработки, которым посвящена эта и предшествующие многочисленные работы С. Д. Бодрунова.

Более конкретно ограничения в развертывании новой технологической революции связаны с острой проблемой занятости. С. Д. Бодрунов предлагает оптимистический сценарий ее разрешения. Он прогнозирует, что высвобождаемое огромное количество людей, занятых ранее в технологиях предыдущего индустриального цикла, перейдут в сектор «производства знаний», который способен к непрерывному расширению, поскольку такова будет потребность в образовании (с. 263–264). Однако все дело в том, что трудосберегающий характер развертываемой технологической революции в отличие от прошлых периодов распространяется практически на все виды человеческой деятельности. Так, в сфере финансов работу начинают выполнять роботы, в образовании – компьютерные обучающие программы и переход к дистанционному обучению и т. д. Так что вопрос о разрешении проблемы трудоустройства не столь прост и зависит от перестроения самой системы экономических и социальных отношений.

В этой связи стоит напомнить об одном прогнозе Дж. М. Кейнса. В 1931 г. в разгар Великой депрессии он написал небольшую статью под названием «Экономические возможности наших внуков», в которой он прогнозировал, что должно в экономике произойти через 100 лет, т. е. к 2030 г. Важно подчеркнуть, что в этой статье он особо обратил внимание на трудосберегающий характер НТП, который неминуемо будет и дальше обострять проблему занятости. Тем не менее он предположил, что ее можно будет разрешить, если рабочий день будет сокращен до 3 часов, а рабочая неделя – до 15 часов. Такое сокращение будет возможно, поскольку развившееся производство на основе НТП окажется способным удовлетворить потребности всех людей. Но, чтобы это случилось, должна измениться мотивация людей, от накопления материального богатства и потребительской экспансии должно прийти познание «искусства жизни как таковой». Такой был прогноз Дж. М. Кейнса. Осуществится ли он? Во всяком случае, до 2030 г. еще есть время.

Завершая рецензию книги С. Д. Бодрунова, сформулируем следующие выводы. Книга представляет собой глубокое, содержательное и масштабное исследование, в котором изложено авторское видение современной экономики и будущих ее перспектив. Главным результатом можно считать то, что она дает целостное объяснение состо-

яния экономики России и предлагает продуманную программу реиндустриализации страны на новой технологической основе. Книга вносит весомый вклад в ведущиеся дискуссии по поводу разработки стратегии-2030, призванной представить важнейшие ориентиры для будущего социально-экономического развития России. Обстоятельный труд С. Д. Бодрунова будет интересен и полезен всем, кто интересуется современной экономикой и проблемами экономического развития России.

РЕФЕРАТЫ

УДК 330.354. С. Д. Бодрунов. Переход к новому индустриальному обществу второго поколения: общекультурное измерение. Рассматривается роль материального производства в формировании человеческой культуры. Базовым ресурсом современного производства является знание. Благодаря его имплементации в материальное производство человек формируется как общественное существо. Перспектива цивилизационного развития – неизбежный переход к НИО.2, что подтверждает тенденция к качественно новому уровню знаниеемкости производства и его продукта. Современное состояние цивилизационного развития характеризуется как кризисное, что во многом связано с опережающим развитием техносферы при отставании в развитии общественного сознания. В осознании человеком своих несимулятивных потребностей критически важна роль культуры. Материальную основу для ее развития в соответствии с разумным изменением технологического прогресса создает технологическое развитие. Особое внимание уделяется одной из базовых проблем современной цивилизации – проблеме доверия. Для повышения его уровня необходимо создавать и повсеместно внедрять «технологии доверия», тогда постепенно изменится и культурный код, появится способность к внутреннему самоограничению – залог формирования потребностей человека разумного, когда первостепенное значение имеет качество потребляемых благ. Прогресс технологий закладывает потенциал для изменения культурного кода человеческой цивилизации.

Ключевые слова: материальное производство, НИО.2, культура, проблема доверия, роль знания, цивилизационное развитие.

ABSTRACTS

S. D. Bodrunov. Transition to the new industrial society of the second generation: the general cultural aspect. The author considers the role of material production in the formation of human culture. Knowledge constitutes a basic resource in modern production. Thanks to its implementation in material production, humans are molded into social beings. The trend towards a qualitatively new level of knowledge intensity of production and its product allows for the conclusion that our civilization will inevitably transition to the NIS.2. Currently, civilizational development is experiencing a crisis caused, to a great extent, by the accelerated development of technosphere with public awareness lagging behind. The role of culture is critical in the formation of people's understanding of their unsimulated wants. Technological development provides material foundation for the evolution of culture along with a healthy change in the technological progress. The author also discusses the issue of trust as a core problem of modern civilization. In order to increase the level of trust, it is necessary to create and widely implement technologies of trust, thus gradually changing the cultural code and developing the ability to practice self-restriction, which serves as the prerequisite for the formation of modern human needs when the quality of consumed goods comes to the fore. Thus, technological progress lays the foundation for the change in the cultural code of our civilization.

Keywords: material production, NIS.2, culture, issue of trust, role of knowledge, civilizational development.

УДК 330.354. С. Д. Бодрунов. Некоторые аспекты евразийской интеграции и процессы новой индустриализации России. Рассматриваются отдельные аспекты евразийской интеграции на примере сотрудничества России с Казахстаном и Белоруссией в трех базовых направлениях: 1) высокотехнологичное машиностроение; 2) рынок интеллектуальной собственности; 3) информатизация/цифровизация экономик. Подчеркивается влияние сотрудничества на модернизацию экономик стран-участниц. Выделяются положительные моменты в этой сфере и вопросы, требующие своего решения. Анализируются возможности решения поставленных задач с учетом опыта СССР, Китая, Японии и Кореи.

Ключевые слова: евразийская интеграция, индустриализация России, рынок интеллектуальной собственности, цифровизация, информатизация, машиностроение, Белоруссия, Казахстан.

УДК 330.354. Р. С. Гринберг. Экономика мира и России: тренды, шансы, риски. После краткого экскурса в историю вопроса (либеральная глобализация, свободная торговля, концепция «естественных преимуществ», перестройка) автор переходит к анализу основных трендов, существующих рисков и шансов в мировой экономике. В качестве причины мирового кризиса 2008–2009 гг. рассматривает практику массового кредитования физических лиц и феномен массовой миграции. Обращаясь к проблемам в российской экономике, автор подчеркивает дефективность валютной политики и необходимость валютных ограничений; ратует за реализацию инфраструктурных проектов. Анализируя программы экспертов двух лагерей («перфекционистов» Кудрина и «интервенционистов» Глазьева), автор считает, что в каждой есть рациональное зерно, однако нет желания достичь консенсуса. Это приводит к печальному выводу: беда

S. D. Bodrunov. Some aspects of Eurasian integration and new industrialization processes in Russia. S.D. Bodrunov discusses certain aspects of Eurasian integration by analyzing cooperation between Russia, Kazakhstan and Belarus in three main areas: (1) high technology machine building; (2) intellectual property market; and (3) informatization and digitalization of the national economies. He emphasizes the effect of such cooperation on the economic modernization of participating countries, lists ensuing achievements, delineates some problem areas and considers ways of resolving existing issues based on the Soviet, Chinese, Japanese and Korean experience.

Keywords: Eurasian integration, industrialization of Russia, intellectual property market, digitalization, informatization, machine building, Belarus, Kazakhstan.

R. S. Grinberg. Global and Russian economies: trends, opportunities, risks. The author provides a brief historical overview (i.e. liberal globalization, free trade, concept of natural advantages and perestroika) and proceeds to analyze the main trends, existing risks and current opportunities in the global economy. He believes that the global recession of 2008–09 was caused by extensive retail lending and mass migration. Speaking of Russia's economic problems, R.S. Grinberg emphasizes the shortcomings of the national monetary policy, calls for monetary restrictions and advocates the implementation of infrastructure projects. He analyzes the programs presented by two opposing factions (Alexey Kudrin's perfectionists and Sergey Glazev's interventionists) and concludes that each program has its strong points, so Russian economists need to set aside their differences and work together, which allows for the disheartening conclusion that the main problem is not the lack of ideas, but the inability to negotiate.

не в отсутствии идей, а в дефиците договороспособности.

Ключевые слова: экономика, приоритеты, основные тренды, кризисы, риски, «перфекционисты», «интервенционисты», договороспособность.

УДК 330.354. Е. Б. Ленчук. Формирование кадрового потенциала для инновационной экономики. В статье раскрывается роль человеческого капитала в решении задач новой индустриализации и перехода к инновационной модели развития российской экономики. В этом контексте обосновывается необходимость перестройки системы образования, основной задачей которого должно стать формирование творческой личности, генератора, производителя, потребителя инноваций. Особый акцент делается на необходимости наращивания потенциала высококвалифицированных инженерно-технических специалистов, научных кадров в целях интеллектуального обеспечения политики модернизации, развития новых научных направлений и разработки конкурентных технологий, строительства промышленных предприятий и организации новых производств.

Ключевые слова: инновационная экономика, новая индустриализация, человеческий капитал, инженерно-технические кадры, инновационная система образования.

УДК 330.354. К. А. Хубиев. Государственный фактор экономического развития и новой индустриализации. В статье исследуется проблема роли государства в экономике России. Критически разобрана широко распространяемая, в том числе и в правительственных кругах, оценка доли государства в ВВП в объеме 70% и основанные на этом выводы о том, является ли государство главным тормозом конкуренции и развития. Предлагается перейти от количественной оценки роли госу-

Keywords: economy, priorities, main trends, crises, risks, perfectionists, interventionists, negotiability.

E. B. Lenchuk. The formation of human resources potential for the innovation economy. The article reveals the role of human capital in solving the problems of the new industrialization and transition to innovative model of development for Russian economy. In this context, the need for restructuring of the education system is justified, whose main task should be the formation a creative personality, generator, producer, consumer of innovations. Particular emphasis is placed on the necessity building capacity of highly qualified engineers and technicians, scientific personnel in order to ensure the modernization intellectually, the development of new scientific trends, the creation of competitive technologies, the construction industry and the organization of new productions.

Keywords: innovation economy, new industrialization, human capital, engineering and technical personnel, innovative system of education.

K. A. Khubiev. State involvement in economic development and new industrialization. The article analyzes the role of the state in the Russian economy, provides a critical assessment of the widespread (and shared by the government) estimate of the state share in the GDP at 70%, discusses the ensuing conclusion that the state is the main deterrent of competition and development, and suggests the transition from quantitative assessment of the state involvement to qualitative characteristics based on economic and social efficiency.

дарства к качественным характеристикам на основе экономической и социальной эффективности.

Ключевые слова: ВВП, государственная собственность, государственный сектор, новое индустриальное общество, планирование, техноструктура, качество государственного участия в экономике.

УДК 338.242.4. Е. М. Бухвальд. Поедет ли телега впереди лошади? В статье дается анализ основных положений недавно принятой стратегии развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года с точки зрения ее позиционирования в системе документов стратегического планирования. Отмечается, что принятие подобного документа в качестве одного из первых в сфере социально-экономического стратегирования создает определенные сложности ее согласования с приоритетами развития российской экономики как в отраслевом, так и в пространственном аспекте. Рассматриваются проблемы и перспективы стратегирования государственной политики в отношении малого и среднего предпринимательства в рамках формирования вертикали стратегического планирования и определения роли субфедерального уровня управления в достижении задач, поставленных стратегии российского малого и среднего предпринимательства до 2030 года.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство; государственная поддержка, стратегическое планирование, взаимодействие малого и крупного бизнеса; децентрализация государственной политики в отношении МСП.

УДК 330.341. Ж.-Л. Трюэль, А. К. Рассадина. Опыт французского планирования в контексте задачи модернизации российской экономики. Преодоление депрессивного состояния российской экономики и достижение ею международной конкурентоспособности не представ-

Keywords: GDP, state property, state sector, new industrial society, planning, technostucture, quality of state involvement in the economy.

E. M. Bukhvald. Will the cart move before the horse? The article provides an analysis of the main provisions of the recently adopted strategy of small and medium-sized entrepreneurship (SME) development in Russia till 2030 from the point of view of its positioning within the system of documents of strategic planning. It is noted that the adoption of this document as one of the first in the sphere of socio-economic strategies creates certain specific difficulties for its coordination with the general development priorities of the Russian economy - both in sectorial and spatial aspects. The paper discusses the problems and perspectives of the strategy of state policy in relation to SME within the framework of formation the vertical of strategic planning and the identification of the role of the sub-federal level of government in the achievement of the objectives of the strategy of Russian SME by 2030.

Keywords: small and medium enterprises; government support, strategic planning, interaction of small and large business, decentralization of the state SME-related policy.

J.-L. Truel, A. K. Rassadina. French Planning Experience in the Context of the Problem of Russian Modernization. The overcoming of depression in Russian economy and the achievement of the international competitiveness seem impossible without powerful modernization breakthrough. It needs

ляется возможными без совершения мощного модернизационного рывка, что, в свою очередь, требует осуществления радикальной структурной перестройки на базе новой высокотехнологичной индустриализации. Эти изменения предполагают применение активной государственной промышленной политики с использованием различных методов планирования. В статье анализируется опыт французского планирования на разных этапах его функционирования в контексте задач, стоящих перед российской экономикой.

Ключевые слова: планирование, прогнозирование, новая индустриализация, высокотехнологичная модернизация.

УДК 339.91. С. А. Толкачев, А. Ю. Тепляков. Глобальные цепочки стоимости и национальная промышленная компетентность. Скромные результаты политики импортозамещения в промышленном секторе Российской Федерации во многом определяются той ролью, которую промышленные предприятия отечественной экономики играют в сложившихся глобальных цепочках стоимости. Существующие методики, призванные оценить масштаб и «качество» участия страны в данных цепочках, обладают значительными недостатками. В связи с этим предлагается авторская концепция оценки национальной промышленной компетентности в контексте участия страны в глобальных цепочках стоимости. Данный методологический подход основан на объективных статистических показателях добавленной стоимости (TiVA, OECD). Он позволяет системно оценить промышленную эффективность участия страны в глобальных цепочках стоимости, выявить наиболее «узкие места» с точки зрения промышленной динамики и сформулировать адекватные рекомендации по их нивелированию в рамках национальной промышленной политики.

radical structure transformation, based on new high technological industrialization. These changes assume implementation of active industrial policy and different forms of planning. Different stages of French planning experience in the context of the tasks facing Russian economy are being depicted in this paper.

Keywords: planning, forecasting, new industrialization, high technological modernization.

S. A. Tolkachev, A. Y. Tepliakov. Global added value chains and national industrial competence. The minor results of import substitution policy in the manufacturing sector of the Russian Federation are largely determined by the role which national manufacturing companies play in global value chains. Existing methods, estimating the scale and the «quality» of the country's participation in these chains, have significant drawbacks. So the authors suggest their own concept of national manufacturing competence in the context of the country's participation in global value chains. This methodological approach is based on objective statistical indicators of value added (TiVA, OECD). It allows to systematically estimate the manufacturing effectiveness of country's participation in global value chains, to identify the «weakest points» of its manufacturing dynamics and to formulate appropriate recommendations for the national industrial policy's implementation.

Keywords: global value chains, national manufacturing competence, comparative economics, Russia's manufacturing development.

Ключевые слова: глобальные цепочки стоимости, национальная промышленная компетентность, экономическая компаративистика, промышленное развитие России.

УДК 332.02. О. В. Дьяченко. Проблемы выбора приоритетов промышленной политики. В статье рассматриваются стратегические аспекты реализации государственной промышленной политики. Приводится стратегия реиндустриализации как одна из форм осуществления промышленной политики. Авторы в статье, отстаивают точку зрения об актуальности поддержки старопромышленных отраслей, которые сформировали облик современных регионов и обеспечивают их экономический рост на современном этапе. Приводятся и раскрываются основные направления реализации государственной промышленной политики в УрФО, среди которых особо выделяются: совершенствование технологической и ресурсной базы; стимулирование инвестиционной активности в регионе; социально-экономическое развитие моногородов.

Ключевые слова: государственная промышленная политика, реиндустриализация, стратегия развития, металлургия, обрабатывающая промышленность, точка роста, конкурентоспособность, коэффициент эффективности использования сырья.

УДК 332.354. В. Б. Сироткин. Укрепление доверия в обществе: сопротивление распространению симулякров. В статье рассмотрены примеры симулякров и симуляционного поведения, а также последствия их распространения на укрепление доверия в обществе.

Ключевые слова: симулякр, доверие, общественный договор, поведение, бюрократия.

УДК 330. 354. А. П. Бабаев. Материальное производство и сфера услуг в современной экономике. Показано, что

O. V. Dyachenko. Issues with selecting industrial policy priorities. The article analyzes strategic aspects of state industrial policy implementation and cites the reindustrialization strategy as an example of industrial policy implementation. The author advocates the need to support established industrial segments that have shaped modern regions and drive their current economic growth. Dyachenko lists and discusses main directions for the implementation of the state industrial policy in the Ural Federal District, particularly the improvement of technology and resource base, stimulation of regional investments, and social and economic development of single-industry towns.

Keywords: state industrial policy, reindustrialization, development strategy, metallurgy, processing industry, growth point, competitiveness, resource efficiency ratio.

V. B. Sirotkin. Building public trust: resisting the spread of simulacra. The author analyzes examples of simulative behavior and simulacra and their effect on building public trust.

Keywords: simulacrum, trust, social contract, behavior, bureaucracy.

A. P. Babayev. Interrelation of material production and social sphere in the total national package of reproduction

в отличие от других сфер и структурных делений общественного воспроизводства сфера услуг как единое целое обладает системой качественных признаков. Показаны основные формы интеграции материального и нематериального производства, происходящей в условиях и под воздействием современной научно-технической революции. Они проявляются, с одной стороны, в виде тенденции возрастания элементов духовно-творческой деятельности в материальном производстве, а с другой – в форме проникновения функции материального производства в сферу услуг.

Ключевые слова: материальное производство, сфера услуг, социальная сфера, стоимость, экономический рост, общественное воспроизводство, научно-техническая революция.

УДК 330.3, 330.5. И. М. Теняков. Оценка потерь экономического роста в странах, перешедших к рынку. В статье ставится проблема оценки потерь экономического роста, возникающих вследствие трансформационного спада при переходе к рыночной экономике. Обосновывается методика расчета потерь по статическому и динамическому вариантам. Вводится понятие «компенсирующего экономического роста». Дается количественная оценка потерь экономического роста для России и ряда стран – республик бывшего СССР, а также стран Центральной и Восточной Европы.

Ключевые слова: трансформационный спад, потери экономического роста, национальный экономический рост, накопленные потери ВВП, компенсирующий рост, фактический рост, базовый тренд роста.

УДК 330.88. Г. А. Маслов. Теории постиндустриального общества: историческая обусловленность и методологические противоречия. В статье рассматривается вопрос объективной исторической обусловленности появления теорий по-

process. It has been proved that, unlike the other spheres and structural division of social reproduction, the service sphere as the single unity possess the system of qualitative features. The main forms of integration of material and non-material production, happening in condition and under the influence of modern leading edge have been shown. They have been revealed from one hand on the form of tendention of increasing the elements of spiritual-creative activity in material reproduction, in the other hand in the form of penetration of the function of material production in service sphere.

Keywords: material production, servicesphere, social sphere, cost, economic growth, socialreproduction, scientific-technical revolution.

I. M. Tenyakov. Estimates of Losses for Economic Growth in the Former Transition Economies. The article raises the problem of estimating the losses of economic growth resulting from transformational recession during the transition to a market economy. Method of calculating losses on static and dynamic variants is explained. The concept of «compensatory growth» is introduced. Quantitative estimation of losses of economic growth for Russia and a number of countries – the former Soviet republics, as well as countries in Central and Eastern Europe is given.

Keywords: transformational recession, the losses of economic growth, national economic growth, cumulative GDP losses, compensatory growth, actual growth, the underlying trend of growth.

G. A. Maslov. Postindustrial society theories: historical reasons and methodological contradictions. The article discusses objective historical reasons that led to the emergence of postindustrial society theories and provides a short account of such theories.

стиндустриального общества и дается их краткая характеристика. Критикуется интерпретация современного общества как постиндустриального на основе признания товара исходным пунктом исследования рыночных экономических систем. Современная теория реагирует на новые явления экономической системы, но обобщающая теория должна строиться из предпосылок, отличных от предлагаемых постиндустриальными концепциями.

Ключевые слова: технологии, промышленная революция, постиндустриальное общество, методология политической экономики, новое индустриальное общество-2.

УДК 330.342. А. Г. Гаджиева. Место сферы услуг в концепциях социально-экономического развития XX–XXI вв. Бурный рост сферы услуг и информационных технологий в результате НТР середины XX в. спровоцировал возникновение множества теорий, анализирующих суть изменений, происходящих в социально-экономическом развитии. В статье рассматриваются теории постиндустриального общества, информационного общества, общества знаний и неоиндустриализма с точки зрения места и роли сферы услуг в становлении современной экономики. Проводится анализ сдвигов в структуре экономики развитых стран и основных тенденций в сфере услуг. Исследуются перспективы занятости в сфере услуг, вследствие процессов технологического ускорения и роботизации. Основной вывод статьи заключается в утверждении значительной роли сферы услуг в воспроизводстве рабочей силы и экономики в целом, а также в необходимости развития ее знаниеемких отраслей как наиболее перспективных сфер занятости.

Ключевые слова: сфера услуг, постиндустриальное общество, информационное общество, знание, неоиндустриализм, воспроизводственная роль сферы услуг, технологическое развитие.

The author criticizes the interpretation of modern society as postindustrial because it uses goods as the starting point for the study of market economic systems. Modern economic thought takes into account new phenomena, but postindustrial conjectures should not serve as the foundation for a general theory.

Keywords: technologies, industrial revolution, postindustrial society, methodology of political economy, New Industrial Society.2.

A. G. Gadzhieva. The place of service sector in the social-economic development concepts of XX–XXI centuries. The service sector and information technology rapid growth as a result of scientific and technological revolution in the middle of XX century led to the arise of many theories analyzing changes happening in social-economic development. In the article the theories of post-industrial, information, knowledge society and neo industrialism are investigated in terms of service sector place and role in the modern economy becoming. The shifts in the structure of developed economies and service sector main tendencies are analyzed. The perspectives of service sector employment in the situation of technological acceleration and robot revolution are examined. The main conclusion of the article consist in the confirmation of service sector big role in the labor force and economy reproduction and the necessity of its knowledge-intensive branches development as the most perspective spheres of employment.

Keywords: service sector, post-industrial society, information society, knowledge, neo industrialism, service sector reproductive role, technological development.

Для записей

Для записей
